

Sophie Jordan

USA TODAY
BESTSELLING AUTHOR

WICKED NIGHTS
With A
LOVER

Что делать леди, когда она считает, что ее дни сочтены? Шаг первый: завести любовника... После того, как ей сказали, что она не доживет до конца года, чопорная и очаровательная Маргарит Лоран намерена взять от жизни все. Хотя она никогда не узнает любви, она узнает страсть — поэтому она соглашается на бурный роман с давним поклонником. Но за час до начала ее великого приключения бессовестный негодяй похищает Маргарит, дерзко объявив, что затащит ее в постель и женится на ней до конца недели! Шаг второй: жить без сожалений... Эш Кортленд, поднявшись из трущоб, стал успешным деловым человеком, и теперь хочет отомстить своему бывшему партнеру за предательство. Тем не менее, очаровательная дочь его недруга, безусловно, не собиралась отдавать свою невинность яростному — хотя и потрясающе привлекательному — подлецу, взявшему ее в плен. Но одно лишь прикосновение Эша заставляет ее дрожать от желания... и сопротивление жару его страсти может стоить Маргарит ее последнего, самого лучшего шанса на экстаз.

Софи Джордан

Грешные ночи с любовником

Куратор:

Anastar

Над переводом работали:

Anastar, KattyK, basilevs, na, Natalia B,

Изабелла, Ka-Chi, Amica, Julia!!!!

Глава 1

В свои двадцать пять лет Маргарит Лоран не испытывала склонности к разыгрыванию истерических припадков, чем и отличалась от множества знакомых ей женщин. Именно поэтому, а точнее, в силу уравновешенности и своей безоговорочной преданности, девушка идеально подходила для своей необычной профессии. Только сейчас, в этом особом случае, она вряд ли сможет удержаться в рамках привычного поведения.

— Но я попросту не понимаю, — пронзительно заскулила капризным голосом миссис Данбери. — Почему тебе потребовалось уезжать именно сейчас? Я же выздоравливаю! Хотелось бы думать, что тебя это обрадует.

Вдова преувеличенно шумно всхлипнула и налегла на свой обычный завтрак из тостов и меда — такой завтрак считался для нее обычным, по крайней мере, в те дни, когда она не стояла одной ногой на краю могилы. Она угрожающе взмахнула измазанной медом ложкой, словно мечом.

— Можно подумать, что ты смерти моей желаешь.

— Не говорите глупостей, — спокойно упрекнула ее Маргарит. — Вы поправились. Уверю вас, это событие наполняет меня глубочайшим облегчением.

Миссис Данбери снова засопела и, откинувшись в кресле всей своей объемной тушей, с хрустом вгрызлась в тост.

Несмотря на неутешительные прогнозы врачей, вдова Данбери пошла на поправку. Посему Маргарит сочла, что необходимость в ее услугах отпала, и уже начала подыскивать себе новое место. Устало увлажнив губы, девушка уже в который раз принялась объяснять своей клиентке, что ухаживает лишь за немощными и умирающими. Вдова упорно не хотела ее понимать.

— Вы поправляетесь, миссис Данбери. И хотя для меня это самая большая радость, я всего лишь сиделка.

«С умирающими и то легче». Загнав подальше эту отвратительную мыслишку, Маргарит шагнула вперед и подставила салфетку под сочащуюся каплями ложку в руках вдовы. Тем самым она спасла ее нарядное платье от солидной порции меда.

Вдова поджала губы.

— Ну, ты могла бы стать моей нянечкой.

Маргарит улыбнулась, что совсем не помогло ей отделаться от досадного затруднения. В такое положение она еще ни разу не попадала. Обычно агентство направляло ее лишь к совершенно безнадежным пациентам. Ни один из них не выздоровел. Так было по сей день. Маргарит еще ни разу не приходилось просить об увольнении. Как правило, семейство покойного было счастливо отослать ее с глаз долой, чтобы сиделка не напоминала своим видом о последних днях близкого им человека.

— У меня есть еще одно назначение, — этим утром Маргарит получила от миссис Дрискол из агентства записку, извещавшую ее о свободном месте.

— И все же ты не можешь уйти, — настаивала миссис Данбери, некрасиво выпятив перемазанные медом губы. — Прежде ты должна убедиться, что я здорова и со мной все в порядке.

Маргарит закрыла глаза.

— Да ведь вы — само здоровье, миссис Данбери! Вы уже две недели как на ногах. Вап

врач торжественно поклялся, что вы выздоровели. Вчера вы выезжали в парк и съели так много сконов [□](#), что я со счета сбилась.

— Фу-ты ну-ты! Все это полная бессмыслица. Я не поверю, пока не увижусь с ней. Только тогда можно будет знать наверняка. Она прибудет с минуты на минуту. А сейчас, извини, мне нужно одеться.

Повинуясь щелчку ее пальцев, из угла комнаты вынырнула пара горничных. Служанки, было, кинулись к своей хозяйке, но вдова довольно проворно юркнула в гардеробную, и те поспешили за миссис Данбери.

С ней? Маргарит осталась на месте, задумавшись об уже собранных сумках. Она веде попросила дворецкого проследить, чтобы их забрали из ее комнаты. Свобода была так близка. В душе поднималось жгучее, невероятно сильное желание сбежать из этого дома. Оно подступало к горлу. Миссис Данбери была капризным созданием: она то смеялась, то плакала. Эта женщина высасывала из Маргарит все силы. Как бы дико это не звучало, но девушке порой хотелось умереть и обрести покой.

Из гардеробной донесся голос миссис Данбери, отчитывавшей горничную, что подтверждало худшие опасения Маргарит.

— Я уже встала со смертного одра! И не надо меня одевать, словно труп, ты, глупая девчонка! Положи на место эту отвратительную тряпку и принеси мне голубое шелковое нарядное платье.

Маргарит на мгновение зажмурилась, надеясь избавиться от звука этого пронзительного, визгливого голоса. Раздался стук в дверь. В комнату заглянула экономка. Маргарит мотнула головой, указав ей на гардеробную. Толстуха вошла в салон и с проворством, бросавшим вызов ее широченной талии, направилась к вдове. Постучав в дверь гардеробной, она объявила:

— Миссис Данбери, приехала мадам Фостер.

— Великолепно! Скажи ей, что мы с мисс Лоран сейчас спустимся.

«Мадам Фостер?» Минуту спустя миссис Данбери вихрем ворвалась в комнату в облаке голубого шелка.

— Пойдем, Маргарит. Пойдем, дорогуша. Нам следует выяснить, действительно ли я выздоровела и можно отпускать тебя или нет.

Маргарит последовала за вдовой. В горле стоял ком. К добру или нет, но девушке почему-то подумалось, что ей плевать на эту мадам Фостер.

— Расскажите мне, мадам Фостер, — предложила миссис Данбери, улучив момент между двумя кусочками глазированного печенья. Маргарит наблюдала, как крошки сыплются с ее губ на шелковые юбки. А вдове что в лоб, что по лбу — она и глазом не моргнула, ее внимание сосредоточилось на сидевшей напротив безвкусно одетой женщине. — Что вы видите?

Мадам Фостер прищелкнула языком, ее унизанные кольцами пальцы крутили кофейную чашку, что вовсе не помешало этой женщине украдкой оглядеть комнату оценивающим, преисполненным хищной жадности взглядом.

Сидевшая у окна Маргарит нахмурилась. Она была совершенно уверена, что эта женщина высматривает, что можно прикарманить перед уходом.

— А-а-х-х! — пробормотала гостя, снова сосредоточившись на чашке.

— Да? Что там?! — нетерпеливо подалась вперед миссис Данбери.

Мадам едва заметно поморщилась и перевернула чашку вверх дном. Ее руки вдруг

поспешно задвигались. Мадам Фостер перевела взгляд с чашки на оживленную физиономию миссис Данбери и скорбно вздохнула. Когда она снова посмотрела на кофейную гущу, ее прежде хмурое лицо стало вовсе угрюмым.

— Что?! — взвизгнула миссис Данбери. — Голубушка, ну скажите мне, что вы видите!

Женщина решительно, со стуком поставила чашку на блюдце и нетерпеливо потянулась к ладони вдовы. Миссис Данбери тут же протянула ей руку через стол, отдавая свои лилейно-белые пальцы в цепкие лапки предсказательницы.

Мадам Фостер склонила свою замотанную в тюрбан голову и закрыла глаза, словно вознося молитву. Несколько секунд она молчала. В тишине комнаты слышалось лишь тиканье часов на каминной полке.

Маргарит подалась вперед в своем кресле, ее поразило напряженное выражение лица женщины. Словно гадалка находилась не в этой комнате, а перенеслась куда-то в другое место. По-настоящему впечатляющий спектакль. Надо отдать должное, эта шарлатанка играла весьма убедительно.

С резким вздохом мадам Фостер отпустила руку миссис Данбери. Гадалка, покачиваясь, поспешно встала. Браслеты на руках женщины звенели в такт ее движениям.

— На сегодня все, — явно неестественным голосом заявила она.

— Что? Нет! Нет! — преградила ей путь миссис Данбери. — Что вы видели? Вы не смеете уйти. Я ничего вам не заплачу... вы должны сказать мне!

Тихонько пробормотав кое-что неподобающее леди, Маргарит встала. Она больше не могла безучастно наблюдать за этим фарсом, уверенная, что эта женщина использует свои уловки, чтобы выманить побольше денег из жалкой, слишком легковерной вдовы.

И тут что-то изменилось.

Прорицательница отвернулась от своей клиентки. Теперь только Маргарит видела ее лицо. И девушка никак не могла отделаться от мысли: зачем мадам продолжает изображать горе? Ведь миссис Данбери больше не видит ее лица. Остекленевший, испуганный взгляд мадам Фостер метнулся к двери, словно ей не терпелось сбежать. Она обогнула стол, избегая протянутых к ней рук миссис Данбери.

— Я не могу, — пробормотала гадалка.

— Пожалуйста, что бы вы не увидели... что бы это ни было... разве вам не хотелось бы рассказать? Понять что к чему?

На полпути к двери мадам Фостер застыла на месте.

Ощущая себя невидимкой и ничуть об этом не сожалея, Маргарит переводила взгляд с одной женщины на другую и задавалась вопросом: как так вышло, что ее заманили в эту безумную ситуацию.

Прорицательница медленно обернулась и задумчиво посмотрела на вдову прищуренными глазами.

— Это зависит от того, — возразила она, облизывая губы, — хотите ли вы узнать, когда наступит ваш смертный час? Стоит ли людям об этом сообщать?

Маргарит задохнулась от ужаса и задрожала от нехорошего предчувствия. Ох, нет! Не настолько же мадам Фостер порочная и легкомысленная, чтобы так притворяться...

Миссис Данбери упрямо кивнула.

— Я прожила на этом свете полвека, — она шумно вздохнула. Маргарит заметила страх на ее лице, голос вдовы дрожал, и девушка поняла, что та боится, и, тем не менее, миссис Данбери продолжала демонстрировать напускную храбрость. — И сколько бы мне ни

осталось, я все равно хотела бы знать правду.

Поджав губы, мадам Фостер кивнула.

— Приходится согласиться.

Маргарит шагнула вперед, намереваясь прекратить это безумие и помешать аферистке предсказать дату кончины миссис Данбери. Но она опоздала.

— По правде говоря, я собственными глазами видела, что вы не протянете и недели.

Миссис Данбери вскрикнула, схватилась за грудь, и, грузно, словно тонущий корабль, осела на персидский ковер.

«Странно еще, что она прямо тут не околела», — неэлегантно фыркнув, подумала Маргарит. Распростертая на ковре вдова сильно смахивала на труп.

Помогая миссис Данбери добраться до канапе, девушка оглянулась и обнаружила, что виновница всех бед исчезла. Растаяла как дым.

Твердо решив остановить плутовку, вернуть ее и заставить признаться, что она — лгунья и мошенница, Маргарит потрепала свою подопечную по руке и стремительно выбежала из комнаты вслед за гадалкой.

— Подождите! Пойдите!

Мадам Фостер через плечо метнула на девушку испуганный взгляд и с невероятной для такой туши скоростью понеслась к парадной двери.

Маргарит, молодая и куда более проворная, догнала ее и ухватила предсказательницу за кончик ярко-синей шали.

— О, нет, не выйдет! Вы никуда не уйдете до тех пор, пока не вернетесь и не скажете миссис Данбери, что на этой неделе она не отправится на тот свет!

Мадам Фостер резко дернула за свою шаль, намотав ее на руку.

— Ничего подобного я делать не стану.

— Вы — жалкая негодяйка. Это же не шутка. Вы хоть понимаете, что сделали с этой женщиной? — ткнула пальцем в сторону лестницы Маргарит.

— По-вашему, мне это доставляет наслаждение? Думаете, мне нравится сообщать людям об их малоутешительной участи? Как правило, я лгу. Но не в этом случае, — гадалка мотнула увенчанной тюрбаном головой в том же направлении, что указала девушка.

— Помяните мое слово, эта женщина умрет на этой неделе, и она имеет право знать, как мало времени у нее осталось. Я бы на ее месте захотела.

— Пытайтесь объяснить мне, что вы верите в эту чушь? — спросила Маргарит и, покачивая головой, прошипела. — Даже не думайте! Мне наплевать на ваши предсказания. Ну-ка, шагом марш наверх и возьмите свои слова обратно, а не то я позову констебля. Скажите миссис Данбери, что вы ошиблись, — добавила Маргарит и неопределенно махнула. — Скажите ей, что еще раз заглянули в свой магический кристалл и обнаружили, что были неправы... что видели ее в возрасте восьмидесяти лет, сидящей в кресле-качалке...

— А вы представьте себя на ее месте. Разве вам не хотелось бы знать?

Маргарит яростно затрясла головой.

— Избавьте меня от разъяснения моральных обязательств ясновидящей! — презрительно ответила она.

Ухватив гадалку за руку, девушка поволокла ее к ступенькам, не позволяя вырваться.

— Вы скажете этой женщине, что...

Взглянув в лицо мадам Фостер, Маргарит вдруг похолодела от ужаса и остановилась. Ей уже доводилось видеть подобное отстраненно-сосредоточенное, пугающее выражение. Это

случилось всего несколько минут назад, когда прорицательница схватила миссис Данбери за руки.

Маргарит почувствовала слабость и тошноту. Девушка разжала руку, ей не терпелось освободиться от мадам Фостер. Однако теперь уже гадалка схватила Маргарит, крепко удерживая свою заложницу. Остекленевшие глаза мадам Фостер жутковато-призрачно сияли и смотрели куда-то вдаль.

— Отпустите меня, — прошипела девушка, стараясь освободить свою руку и удивляясь неожиданной силе этой пожилой женщины.

Отчаявшись вырваться, Маргарит наступила прорицательнице на ногу. Наконец-то девушке удалось освободиться. Потирая место, к которому прикасалась ясновидящая, Маргарит задавалась вопросом: а не лучше ли умыть руки и отправиться из этого дурдома к очередному подопечному?

— Вы, — прошептала мадам Фостер. Ее взгляд снова обрел сосредоточенное выражение. Глаза прорицательницы плотоядно обшаривали лицо Маргарит. — Я увидела вашу смерть.

Эти слова вызвали у девушки легкий озноб, но она быстро с ним справилась, напомнив себе, что эта женщина всего лишь мошенница. Маргарит уперла руки в боки и уточнила:

— В самом деле? И мне тоже конец? Какой сегодня неудачный день, не так ли? Значит, мне тоже осталось жить не дольше недели?

— Нет, — женщина поправила укрывавшую ее шаль. — У вас времени побольше. Вы предстанете перед Создателем до конца этого года. Я видела это собственными глазами. Это Рождество станет для вас последним.

Маргарит не могла унять дрожь.

— Я думаю, вам следует уйти.

Мадам Фостер кивнула, словно всецело с ней соглашаясь.

— Да уж. Я сыта этим домом по горло. Мне жаль вас обеих. Но вас — особенно, — полный сожаления взгляд ясновидящей блуждал по лицу девушки. — Такая молодая! И такой ужасный несчастный случай! — прорицательница прищелкнула языком. — Как печально!

Выведенная из себя, Маргарит дернула за ручку парадной двери и распахнула ее. Девушку ничуть не волновало, что она собиралась выпроводить пинком под зад гостью миссис Данбери. Дальнейшее присутствие в доме этой женщины не принесет им ничего хорошего.

— Уходите.

— Счастливо оставаться, — попрощалась мадам Фостер.

Маргарит пришлось собрать воедино все свои силы, чтобы не захлопнуть за ней дверь. Даже стоя у выхода, девушка слышала доносившиеся со второго этажа завывания своей хозяйки. Ее будет нелегко успокоить. Тяжко вздохнув, Маргарит отправилась по лестнице вверх. Она не желала этого признавать, но в груди поселилась тяжесть.

Она ни на йоту не верила утверждениям всяких жуликов. Не доверяла заговорам, колдовству и людям, что предсказывали судьбу. Все это чушь полнейшая. Если чего-то нельзя увидеть, потрогать или попробовать — значит, этого на самом деле не существует.

И через неделю она получит тому доказательство. С миссис Данбери все будет в порядке. Она крепкая, бодрая и находится в здравом уме. В здравом, если снова не возьмется за прежнее. Тогда вдове, может быть, впервые в жизни, придется признать очевидную

безрассудность ее поведения.

А Маргарит сможет с чистым сердцем отправиться на новое место работы.

Неделю спустя Маргарит была готова приступить к новой работе. Миссис Данбери умерла.

Стоя рядом с остывающим телом своей работодательницы, она с болью смотрела на безжизненный труп. Все смотрела. И смотрела. Словно могла поднять женщину и оживить.

Она, свидетельница бесчисленного количества смертей, находилась рядом с близкими и друзьями, когда они оплакивали своих покойных, но не проникалась их горем. И никогда не хотела. Сейчас все было по-другому.

Этого не могло случиться.

Грудь сдавило так, что невозможно вздохнуть. «Это чувство вины», — догадалась Маргарит, но для нее это было непозволительно. Она оказывала пациенту посильную помощь... даже не веря, вплоть до самого конца, что у миссис Данбери рецидив, и что она действительно умирает. Было сделано все возможное, чтобы попытаться спасти ей жизнь. Все напрасно. Мадам Фостер оказалась права.

Она моргнула сухими воспаленными глазами. Когда миссис Данбери поверила в худшее и быстро угасла за три дня, Маргарит отказывалась сознавать, что ясновидица, возможно, не ошиблась. Это было невыносимо. Но если она предсказала правду...

Маргарит яростно замотала головой и сглотнула тугой ком в горле. Ее внимание остановилось на скорбящей дочери миссис Данбери. Несчастное создание со слишком длинным носом и нелепыми усами. Ей никогда не выйти замуж. До приезда Маргарит она являлась бессменной компаньонкой своей матери. Сказать, что появление Маргарит вызвало неприязнь — ничего не сказать.

— Почему? Почему? Ведь ей было намного лучше... она шла на поправку, ты так сказала! — мисс Данбери билась на кровати рядом с матерью, напоминая истеричного ребенка. — Ты сказала так, Маргарит, ты так сказала!

Маргарит вздрогнула. Она не могла произнести ни слова, объяснений не существовало. В ее голове материализовалось лицо мадам Фостер. Вы не проживете и недели. Ее пророческие слова сбылись.

Покачав головой, она положила руки на плечи молодой женщины, которые та незамедлительно сбросила.

Нервно облизнув губы, Маргарит попыталась произнести свои традиционные соболезнования:

— Мне жаль. Ваша мать прожила хорошую жизнь. Полноценную жизнь... Горести миновали ее.

Она каждый раз повторяла эту фразу... услышав ее однажды, когда только начала работать сиделкой. Ей запомнилось, как эти утешительные слова произнес друг семьи покойного, она тогда решила, что они невероятно мудрые. Теперь Маргарит думала, что они трагичные. Трагичные для нее... потому что сама она не жила хорошей жизнью. До сих пор ее жизнь нельзя было охарактеризовать как полноценную. Жизнь просто... была. Черeda проходящих дней, один за другим.

Осознание этого факта ускользало от нее... теперь же стало понятно, как много времени ей осталось. Достаточно, чтобы пожить хорошей жизнью. Полноценной жизнью. Она сложила ставшие вдруг холодными руки перед собой, не глядя на только что

покинувшую их миссис Данбери, лежащую в своей кровати, и проклиная мадам Фостер, которая вдруг заставила ее посмотреть на все иначе.

Зрелище смерти мгновенно охладило Маргарит, оказало свое воздействие. Как никогда ранее ощущалось, что из ниоткуда может дотянуться рука и схватить ее.

— Ты лгунья! — задохнулась мисс Данбери. — Лгунья! Я надеюсь, ты умрешь, ты страшное создание!

Изогнув губы в холодной усмешке, Маргарит повернулась и вышла из комнаты. В самом темном уголке ее сердца шевельнулось чувство, что она очень удивится, если желание мисс Данбери в скором времени не принесет плоды.

Это случилось гораздо позднее, после того как Маргарит удалилась к себе. Гробовщик пришел и ушел. Все было сделано. Мисс Данбери не было нужды справляться о делах, так как эта задача лежала на Маргарит. Она хорошо знала гробовщика и, со свойственной ей энергичностью, могла ускорить решение некоторых вопросов, при этом делая вид, что в кончине вдовы Данбери нет ничего необычного.

С усталым вздохом Маргарит упала в кресло возле окна, выходившего в маленький дворик, расположенный за богадельней. За последние несколько месяцев эта комната ей очень понравилась, вернее, вид, который открывался из окна. Даже попав в плен подступавшей зимы, деревья выглядели красиво, их ветви качались на ветру, немногие оставшиеся листья цеплялись за них с завидным упорством.

Ее глаза плавно закрылись, навалилась дремота — настигли потери последних дней. Неожиданно раздался стук в дверь, и Маргарит встревожено вскочила, приведя в порядок юбки, прежде чем открыть дверь экономке.

— Миссис Ханниган, — приветствовала она. — Вам что-нибудь нужно?

— Нет-нет, дорогуша. Извините, что побеспокоила. Я знаю, был долгий день, тяжелое испытание, и вы взяли на себя основную тяжесть боли мисс Данбери — не все из нас понимают это. Но сегодня утром пришло письмо, — она вытащила конверт из передника. — Я подумала, вы захотите взглянуть на него сейчас. Может быть, это от одной из ваших подруг, — она пожала своим пухлым плечом. — Надеюсь, оно вас немного утешит.

У Маргарит отлегло от сердца, когда она схватила хрустящий конверт. Письмо от Фэллон или Эви, безусловно, поднимет ей настроение. Обе ее подруги были счастливы в браке... вели полноценную жизнь. Обойдясь без традиционных ухаживаний, они нашли свою любовь, и замужество принесло им благополучие.

— Благодарю вас, миссис Ханниган.

— Спокойной ночи, дорогуша. Увидимся утром.

Маргарит кивнула, и на этот раз улыбка на ее лице была не такой вымученной и менее жесткой.

— Спокойной ночи.

Снова оставшись одна, она опустилась на кровать. Трясущимися от волнения руками разорвала конверт. Может быть, Фэллон вернулась в Лондон? Тогда можно было бы на несколько дней остановиться у нее, подыскивая новую работу, и отойти от событий последней недели, как от страшного сна, который будет меркнуть и бледнеть, пока не полностью не забудется.

Сердце сжалось, стоило лишь взгляду остановиться на странице. Она не узнавала почерк. В самом деле, каракули были почти неразборчивыми. Маргарит прочла следующее:

«Маргарит,

Это письмо, вероятно, повергнет тебя в шок. Должно быть, ты была уверена, что все эти долгие годы я пренебрегал тобой. Позволь заверить тебя, что это не так. Я содержал тебя через Пенвич, со всей ответственностью присматривал за тобой, как любой, исполненный сознания долга, отец. До этого момента я не полагал нашу встречу необходимой. Осмелюсь предположить, что ты можешь не согласиться, но надеюсь, что ты все-таки передумаешь. Даже если ты не хочешь познакомиться со мной, подумай о своих сестрах. Они так долго хотели встретиться с...»

Письмо задрожало в ослабевших пальцах Маргарит, и выпорхнуло, как мотылек. Остальные слова касались деталей, как связаться с отцом — у нее перепутались мысли.

Отец хотел встретиться с ней? Она фыркнула. Вряд ли! Он не соизволил увидеть ее за все то время, когда они с матерью влачили скромное существование в маленькой деревушке.

Несколько раз в год мать оставляла дочь на попечение соседей, чтобы отправиться в Лондон, в постель к своему любовнику. Маргарит не помнила, чтобы мать когда-нибудь присела рядом с ней и объяснила цель своих поездок, но она почему-то всегда это понимала. В Лондоне жил ее отец. Это не было тайной. Экипажи, которые прибывали, чтобы забрать мать, принадлежали ему. Мать всегда возвращалась улыбающейся, с новым гардеробом и куклами для Маргарит. Заплатив своей честью.

После смерти матери один из экипажей, которым она пользовалась, прибыл, чтобы сопроводить Маргарит в Пенвичскую школу для добродетельных девочек.

До сих пор отец не удосуживался познакомиться с ней лично. Она не видела причин знакомиться с ним и сейчас.

Он был прав. С ним она встречаться не желала. Но... сестры?

По сей день она считала себя одинокой. Нервно прикусив губу, Маргарит наклонилась поднять послание. Что это — правда или фикция? Уловка, чтобы привести ее к дверям отца? И почему он хочет увидеться именно сейчас? У него было достаточно возможностей при жизни матери. Возможность существовала и когда Маргарит училась в Пенвиче, страдая от одиночества до восемнадцати лет. Даже на Рождество он не посылал за ней. Сирота во всех смыслах и отношениях.

Сестры. На сердце потеплело. Откинувшись на кровать, она легла на бок и подтянула ноги к груди, чувствуя себя уже не такой покинутой, будто слегка оттаявшей от сознания, что где-то там у нее есть семья. Сестры, которые, вероятно, захотят с ней познакомиться.

Слова прорицательницы эхом отдались в голове, словно налетел порыв ветра. Вы не проживете и года.

Маргарит вздрогнула. Глупости, конечно. Чепуха полнейшая. Кончина миссис Данбери всего лишь простое совпадение. В конце концов, она болела, и, очевидно, не оправилась от своего первого недуга.

Маргарит не была больна. Умирать она тоже не собиралась. По крайней мере, в ближайшее время, и она не позволит козням какой-то шарлатанки лишить ее покоя. Ей хотелось навсегда выбросить мадам Фостер из своих мыслей и своей жизни. Жизни, которая вдруг стала более яркой, чем была несколько минут назад.

Не обращая внимания на боль в костяшках пальцев, Маргарит подняла руку, чтобы заколотить в дверь по второму кругу. Черт! Эта женщина должна быть дома. Маргарит не верилось, что она понапрасну приехала в Сент-Джайлз [\[2\]](#).

За ее спиной слышались грубые крики уличных торговцев, с безнадежным отчаянием предлагавших свой товар. Мимо нее с грохотом просились экипажи. Вопреки не по сезону холодной погоде, улицы буквально кишели людьми. По-видимому, единственной уступкой погоде была поспешность, с которой передвигались прохожие, без сомнения, снедаемые желанием добраться до родных пенатов и согреться у каминной решетки. Маргарит, кстати, тоже не терпелось вернуться в уютный пансион миссис Доббс. Это место она знала довольно хорошо. Маргарит частенько останавливалась там между назначениями, если не гостила у Фэллон или Эви.

Наконец дверь распахнулась. Из дома вышла женщина. Она чуть не столкнулась со стоявшей на крыльце Маргарит. Поплотнее заворачиваясь в плащ, женщина обернулась и воскликнула, обращаясь к кому-то в доме:

— До встречи на следующей неделе, мадам!

На пороге собственной персоной появилась эта самая «мадам».

— А как же! И помни, что я тебе сказала, Франси. Держись подальше от этого малогос по имени Том.

Франси махнула на прощание рукой и спустилась с крыльца на выщербленный тротуар.

Маргарит впиалась глазами в стоящую перед ней женщину. Несмотря на все старания выбросить ее из головы, девушка все же пришла к ней. Плотно сжав губы, она скупно кивнула.

— Мадам Фостер, я пришла с вами поговорить.

Женщина спокойно окинула Маргарит долгим взглядом.

— Вы, — заявила она безо всяких околичностей. — Я полагала, что вы придете ко мне куда быстрее.

Не успела Маргарит ответить, как гадалка пожала плечами и жестом пригласила девушку войти.

— Пожалуйста сюда. На сей раз, я рассчитываю, что вы заплатите мне за работу. Хотя бы потому, что тогда я предсказывала вам даром...

— В тот день я не просила вас об услугах, — резко оборвала Маргарит, входя в полутемную лавку, служившую предсказательнице жилищем.

— Вы прикоснулись ко мне, — напомнила прорицательница Маргарит, проходя через распашные качающиеся двери в небольшую гостиную. — Вы, если память мне не изменяет, очень грубо схватили меня.

По-видимому, мадам Фостер рассудила, что это деяние равносильно настойчивой просьбе погадать.

Маргарит упрямо покачала головой.

— Потому что перед этим вы сообщили моей работодательнице, что она умрет...

— Так и есть, — мадам Фостер круто обернулась к девушке, ее глаза воинственно горели. — А я оказалась права или все же ошиблась в этом вопросе?

Маргарит расправила плечи. Ей ни в коем разе не хотелось признавать правоту мадам Фостер. Ибо если она не ошиблась в своем первом предсказании, то, само собой разумеется,

могла верно напорочить и во второй раз.

Женщина фыркнула, несомненно, приняв молчание Маргарит за подтверждение.

— Именно так я и думала. Ну, как бы там ни было, вы тут. И если вы хотите узнать еще что-нибудь, вам придется заплатить. Как всем.

С шумным вздохом мадам уселась за маленький столик, накрытый роскошной скатертью зеленого бархата.

Маргарит продолжала стоять.

— Откуда вы узнали, что миссис Данбери... — девушка сглотнула, не в силах облечь в слова горькую истину. Она предпочла компромиссный вариант: — Как вы узнали, что она снова захворает?

Светло-зеленые глаза прорицательницы пристально смотрели на Маргарит.

— Как я узнала, что она умрет? Так же, как прочитала вашу судьбу. Я видела это.

На несколько секунд Маргарит потеряла дар речи. Девушка просто стояла и смотрела на эту женщину — обманщицу, вне всякого сомнения. Тогда зачем она здесь? С какой стати она вообще сюда пришла?

— Садитесь же, — мадам Фостер вежливым жестом указала на стул напротив себя. — Вы ведь за этим пришли. Чтобы выслушать. Да и я, глядя на вас снизу вверх, скоро шею сверну.

Маргарит молча опустилась на стул. Да. Она пришла, чтобы выслушать. Чтобы найти какое-то объяснение, хоть что-нибудь. Вероятно, мадам Фостер могла лучше нее определить состояние здоровья миссис Данбери.

А возможно это просто совпадение. Догадка, основанная на фактах. Не может же эта женщина с кошачьими глазами и в самом деле видеть будущее.

— Как?

Маргарит жестом указала на стол между ними, отчаянно стараясь ослабить возникшее напряжение и напомнить своей собеседнице, что сознает ее обман. То, что она добровольно уселась за стол перед гадалкой, вовсе не означает, что ее будет легко одурачить.

— У вас нет магического кристалла?

Мадам Фостер самодовольно усмехнулась.

— Для начала мне хватит и вашей руки.

Маргарит с великой неохотой протянула ей ладонь.

— Пожалуйста, снимите перчатку.

— Разумеется, — ответила девушка и, пока стягивала с рук перчатки, десять раз обругала себя уже за то, что сидит в этой гостиной.

Когда ее ладонь оказалась в руках предсказательницы, Маргарит заставила себя не ерзать. Девушка отвела взгляд, чтобы не смотреть на сидящую напротив женщину. Вместо этого, она принялась изучать заставленную вещами комнату, отметив про себя, что мадам Фостер питала пристрастие к статуэткам мопсов. Они стояли повсюду.

Через несколько секунд пожилая женщина тяжело вздохнула, чем снова привлекла к себе внимание Маргарит.

— Все так, как я сказала. Вы не проживете и года. Я не могу назвать точную дату, но в это же самое время в следующем году вас уже не будет. Ужасный несчастный случай станет тому причиной. Мне жаль, голубушка. Это Рождество станет для вас последним.

От этих, произнесенных так буднично, слов дрожь пробрала Маргарит до костей.

— С какой стати? — требовательно спросила девушка.

Только вот она сама точно не понимала, что именно ей хотелось узнать. «С какой стати ты лжешь подобным образом? С какой стати мне доверять тебе?»

Пожалуй, хуже всего то, что эта женщина вдруг ни с того ни с сего помрачнела и, судя по виду, потеряла терпение.

— Я сожалею. Это всегда нелегко. Я уж и не припомню, сколько раз мой дар позволял мне предсказать трагическую судьбу... но вы... Вы такая молодая и еще так мало прожили на этом свете...

— Хватит! — огрызнулась Маргарит, подстрекаемая каким-то грубым, неведомым чувством.

Она уже достаточно наслушалась. Поднявшись с места, девушка одновременно извлекла из сумочки монету. Уронив ее на стол, она развернулась и собралась уходить.

На что она рассчитывала? Что после этого визита ей полегчает? Надеялась на извинения? На опровержение глупого пророчества?

— Погодите! Если это вас как-то утешит, я видела у вас в будущем и чуть-чуть счастья.

Маргарит не следовало этого делать, но она приостановилась и оглянулась через плечо, окрыленная надеждой. Ей так сильно хотелось услышать что-нибудь хорошее, ну хоть что-нибудь обнадеживающее...

— Вы воссоединитесь со своей семьей.

Маргарит вздрогнула — едва заметно дернулась — и застыла, не желая, чтобы мадам Фостер догадалась, что, возможно, попала в точку.

— У меня нет семьи.

Мадам Фостер покачала головой.

— Я видела сестер. Двух, — она слегка потерла висок пальцами, чтобы сосредоточиться. — Возможно трех. Нет, все-таки их две.

Нет. Так не бывает. Маргарит почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. Чтобы не упасть, девушка ухватилась за спинку стула. Маргарит невыносимо, нестерпимо хотелось расспросить эту женщину, услышать еще что-нибудь пикантное, от чего вполне можно усомниться, что мадам Фостер — аферистка, и счесть ее настоящей провидицей. Той самой провидицей, что предсказала ей смерть.

Маргарит повернулась, намереваясь сбежать из этой комнаты. В ушах у нее гулко отдавался стук собственного сердца.

— Есть еще кое-что...

Девушка остановилась, снова оглянувшись через плечо и почувствовав что-то жутковатое в изгибе губ мадам.

— Я видела мужчину. Прекрасный образчик, нечего сказать. Он будет сходить по вам с ума.

Глупое сердце Маргарит радостно екнуло. Почему ей так хочется, чтобы это оказалось правдой? Если исполнится это предсказание, то тогда сбудется и все остальное, в частности, ее смерть. Нет уж, пусть лучше все окажется ложью.

Маргарит прижала ко лбу кончики пальцев и медленно покачала головой из стороны в сторону.

— Ага, и повеселитесь же вы с ним, — мадам двинула бровями. — Ну и парочка! От такого даже я краснею, а я всякого насмотрелась. С той минуты, как вы поженитесь, вы станете...

Голова Маргарит резко дернулась, рука упала.

— Поженимся? Я выйду за него замуж?

Ее сердце стучало в груди, словно молоток о стенку.

— Веселенький годик вам предстоит, а? — мадам подмигнула. — Да уж, вы отлично проведете время. Любовь, приключения и свадьба.

— Я не могу выйти замуж. Это невозможно. У меня даже на примете никого нет. Вы ошибаетесь, — категорически отрезала Маргарит, внезапно вновь почувствовав себя чуть лучше и сильнее.

Словно к ней снова вернулась способность дышать.

Мадам Фостер расправила плечи и выпятила грудь:

— Я никогда не ошибаюсь, но...

— Да? — подсказала Маргарит. — Что «но»?

— Я не хочу возрождать в вас надежду, но людские судьбы не предопределены раз и навсегда. Порой сиюминутное решение может все изменить.

Маргарит пристально смотрела на гадалку.

— И все?

Это должно было ее утешить?

Женщина пожала плечами.

— Хоть что-то. Вот и все, что я могу вам сказать.

На сей раз Маргарит не стала медлить. Она выбежала из комнаты. Девушка не останавливалась, пока не покинула крохотный магазинчик, воздух в котором смердел чем-то нечистым. Она стояла на крыльце, щурясь от лучей бледного дневного светила, и переваривала информацию о том, что мадам Фостер знала о ее сестрах... знала даже, что Маргарит наверняка с ними встретится. Как раз это девушка решила сделать.

Словно раненное животное, она хотела поскорее очутиться на другой стороне Лондона в своих съемных комнатах. Там Маргарит могла бы обдумать все, что с ней только что произошло, и подвести под логическое объяснение.

Ей необходимо преодолеть свои страхи. Вскоре ей придется заступить на новую должность, так что ни к чему заикливаться на отдаленной и маловероятной перспективе собственной кончины.

Когда Маргарит представила, как сидит рядом с умирающей и присутствует при уходе той в мир иной, ее впервые затошнило. Во рту остался неприятный привкус. Ей не хотелось иметь никакого отношения к смерти. Не хотелось даже близко к этому подходить... с нее довольно.

Но что дальше?

Маргарит обдумывала этот вопрос, натягивая перчатки обратно на руки. Что бы она стала делать? Она накопила достаточно денег, чтобы некоторое время жить самостоятельно, но эти сбережения «на черный день» предназначались на будущее. С расчетом, что в один прекрасный день Маргарит могла бы приобрести собственный дом. Всего лишь маленький коттедж. Возможно, на берегу моря. Если она потратит эти деньги сейчас, то ее и без того отдаленная цель станет и подавно недостижимой. «Вы не проживете и года».

Навязчивый голос мадам Фостер заполнил ее сознание. Разве не горькая насмешка: так кропотливо откладывать деньги только ради того, чтобы умереть молодой? Маргарит одолевало глупое желание расхохотаться, но она сдержала этот порыв.

Кому бы от этого стало хуже? Разве не следует жить так, словно каждый твой день — последний? По идее, это устремление казалось превосходным. Лови момент и тому

подобная чушь! Если бы она жила по такому стандарту раньше, то сейчас не пришлось бы с сожалением оглядываться назад.

В самом деле, кому от этого хуже?

Маргарит внезапно охватила решимость. Безрассудный план. Безумный, но замечательный. Маргарит почувствовала, что высвободилась из цепких лап страха.

Она устроит себе отпуск. Своего рода год отдохновения.

А в следующем году в это же время она вернется и убедится, что, как она и предполагала, мадам Фостер на самом деле всего лишь крупная аферистка. Как бы то ни было, а Маргарит предстоит восхитительный год. Ей не мешает отдохнуть.

Это будет самый лучший год в ее жизни.

А насчет нелепого предположения мадам о том, что она выйдет замуж? Наверяд ли. Маргарит знала, что она довольно привлекательна внешне, но какие уж тут планы на будущее, если ты занимаешь должность чуть выше служанки. Муж? Едва ли. Любовник...

Что ж, а это мысль!

С тех пор, как Фэллон и Эви вышли замуж, Маргарит стала задумываться, так сказать размышлять, о природе возбужденных взглядов, какими ее подруги обменивались со своими мужьями. Пожалуй, настало время и ей узнать, что такое страсть. Безусловно, прежде чем умереть, человеку нужно и это вкусить.

Стоя на крыльце, девушка решительно кивнула, за что заработала странный взгляд от какой-то женщины с тележкой.

Любовник. Да. Блестящая идея.

И у нее уже есть на примете один кандидат.

Глубоко погружившись в размышления, Маргарит задержалась на крыльце лавочки мадам Фостер и плотнее закуталась в плащ. Она твердила себе, что во всем виноват холод, а вовсе не пророчества мадам, от которых кровь стыла в венах... и не опрометчивое решение, что она приняла несколько секунд назад.

Сотрясаясь от озноба, Маргарит подняла лицо к небу и определила, судя по холодному воздуху, что с тех пор, как она вошла в магазин, температура, должно быть, понизилась на несколько градусов. Необыкновенно суровые холода в этом году наступили не по сезону рано. Это напомнило ей холодные зимы в Йоркшире. Чертовская стужа, скудные порции еды... тонкие одеяла, никогда как следует ее не согревавшие.

С неба медленно посыпалась ледяная изморось. Капюшон плаща Маргарит не полностью закрывал ее лицо, и с кончика носа стекали холодные капли. Девушка оглядела улицу, надеясь поймать извозчика и таким образом спастись от непогоды. Она тосковала по уютному камину в своих комнатах в пансионате. Ощущая себя героиней грустного романа, Маргарит начала спускаться по ступенькам.

Ее внимание привлекли громкие крики. Мимо крыльца, на котором стояла девушка, промчался маленький, с виду измученный человек. Он метнулся через толпу случайных прохожих, словно юркая уличная крыса. Чуть погодя за ним последовал другой мужчина. Он шагал столь широко, что без труда настиг худышку и ухватил того за шиворот. Коротышка извивался, размахивал рукой, пытаясь защититься, но его удары лишь отскакивали от плеча здорового детины.

Маргарит ахнула и застыла на ступеньке, когда молодой и куда более сильный мужчина отвел кулак и со зверской жестокостью впечатал его в лицо своей жертвы.

Вокруг них собралась толпа — стервятники почуяли добычу. Громкие крики дерущихся привлекли немало народу, и теперь девушка могла рассмотреть улицу лишь на несколько шагов вперед. Опасаясь, что этот зверь убьет горемыку, Маргарит подхватила юбки и бросилась по ступенькам вниз, на улицу.

— Прекратите! Сейчас же прекратите! Что вы делаете? — она бросилась в толпу газеющих зевак, расталкивая локтями мужчин, глумливо выражавших свое одобрение дерущимся. Среди них даже крутилось несколько дам. Хотя она едва ли решилась бы назвать их дамами. Эти особы издавали грубые одобрительные вопли наравне с мужчинами, с ликованием наблюдая, как это здоровенное животное избивает коротышку.

По мере того, как Маргарит пробиралась сквозь толпу, она все отчетливее слышала чавкающий звук кулаков. Жуткий звук, напоминающий треск ломающегося дерева. От каждого удара ее пробирало до костей, заставляя вздрагивать всем телом.

Сквозь сутолоку людских тел, девушка мельком разглядела белую рубашку нападавшего. Ни жилета. Ни пиджака. Этот человек оказался весьма примитивным. Грубый варвар. После нескольких ударов коротышка больше не мог подняться на ноги. Однако мерзавцу этого было мало. Он держал свою жертву за скомканный шарф и наносил удар за ударом по мотавшейся из стороны в сторону голове.

Маргарит, крикнув, в очередной раз кого-то оттолкнула и, спотыкаясь, прорвалась сквозь группу зевак. Теперь она могла наслаждаться зрелищем во всей красе — здесь все было видно куда лучше, чем с крыльца мадам Фостер. Или хуже — в зависимости от того, с

какой стороны на это дело посмотреть.

Девушка сжалась от страха. Лицо избитого представляло бесформенное месиво, сломанный нос распух. Из ноздрей ручьем текла кровь. От столь ужасного зрелища желудок Маргарит взбунтовался.

Напомнив себе, что она вовсе не слабонервная барышня — ей случалось выдвигать своих пациентов и в худшем состоянии — девушка бросилась вперед и схватила великана за руку как раз в тот момент, когда он отвел ее для очередного удара. Как только пальцы Маргарит сомкнулись на крепком, мускулистом предплечье, до нее дошло, что она, вероятно, попала впросак.

Сквозь тонкий батист рубашка девушка почувствовала твердую, словно железную руку, в которой скрывалась примитивная сила. Он был совсем не похож на тех мужчин, с которыми ей до сих пор доводилось сталкиваться... к счастью, не похож.

В голове прозвучал тревожный сигнал, но Маргарит его благополучно проигнорировала. Все это больше не имело значения. Сколь рискованно бы Маргарит себя ни вела, ей не суждено умереть здесь... во всяком случае, девушка не была в этом уверена. Согласно предсказанию мадам Фостер, сначала она должна встретиться с сестрами... и выйти замуж. Не то чтобы она строила планы насчет последнего события. Просто удобный случай проверить истинность слов гадалки.

Нет. Ее час еще не пробил. Понимание этого ободрило Маргарит; она тяжело повисла на бугрящейся мускулами руке незнакомца.

Мужчина дернул рукой, и ноги девушки буквально оторвались от земли. Тем не менее, она продолжала цепляться за него. Маргарит рявкнула на незнакомца самым жестким тоном, к которому прибегала лишь при общении с бесчувственными пациентами:

— Ты не имеешь права обижать этого человека, скотина! Слышишь меня?

— Кортленд, кажись, ей тоже не мешало бы отведать твоего кулака!

Кортленд. Имя это или фамилия, Маргарит не поняла. Она лишь догадалась, что среди этих подонков он был известной личностью, а это не сулило ей ничего хорошего.

— Ага, а может, отведать и еще кое-чего, — в словах мужчины прозвучал грубый намек.

— Ну, Кортленд, за этим дело не станет. Салли только свистни!

— Да уж, а если он не захочет, может, я сам!

Крайне униженная грубыми замечаниями, Маргарит вспыхнула.

Это животное скрутило ее так, что она больше не могла ухватить его за руку. Наоборот, теперь этот человек сам в нее вцепился.

— Да как вы... — взвизгнула Маргарит.

Слова застряли у нее в горле, когда он притянул ее к себе. Между ними словно искра пробежала. Его красивое, словно высеченное из грубо обтесанного камня лицо было так близко.

Все вдруг изменилось. Маргарит проглотила неизвестно откуда взявшийся комок в горле, трепеща от того, что роли так запросто поменялись... опасаясь, что этот человек может прижаться к ней самым неприличным образом.

Казалось, время замедлило ход и остановилось, а в холодном воздухе запахло грозой, когда она оказалась в объятиях этого мужественного, но опасного человека. Кортленд [\[3\]](#). Маргарит с иронией подумала, что, вопреки имени, в нем нет ничего аристократического. Особенно в его жутких черных глазах.

Девушка уткнулась взглядом в ладонь, державшую ее за рукав, задохнувшись от ужаса

при виде окровавленного кулака с ободранными суставами. Желудок сжался и ухнул вниз.

Ее взгляд метнулся обратно к его лицу. Его глаза смотрели на нее и мерцали подобно черному обсидиану ^[4] — очи демона — составляя поразительный контраст с золотистыми волосами незнакомца. Этот взгляд уничтожил Маргарит, лишив остатков самообладания. Все шло именно так, как предупреждала ее перед уходом мадам Фостер, когда Маргарит, в конце концов, допустила, что в словах гадалки может скрываться доля правды. Девушка опасалась, что так от нее вскоре ничего не останется — она просто-напросто постепенно рассыплется на части и превратится в пыль.

— Отпусти меня, негодяй! — прошипела Маргарит в лицо удерживавшей ее каналье.

Девушка взмахнула свободной рукой и отвесила мерзавцу звонкую пощечину. Маргарит даже не подозревала, что умеет так драться.

Ее ладонь оставила бледный отпечаток на смуглой щеке мужчины. В тот же миг толпа затихла, смех и улюлюканье прекратились. Потом над толпой пронесся глухой ропот.

Маргарит уловила лишь обрывки слов, что составляли части одной фразы: «Ей каюк».

Глупо, но ей отчаянно хотелось расхохотаться. Маргарит загнала это желание обратно, пока все эти люди и в самом деле не сочли ее безумной. В Бедлам ^[5] ей попадать не хотелось. Свои последние дни Маргарит хотелось бы провести иначе.

— Негодяй, — ухмыльнулся незнакомец, его слова прозвучали как-то вопросительно.

Губы мужчины изогнулись и Маргарит успела заметить ослепительно белые зубы. Она зажмурилась, не веря глазам своим. У этого отброса общества превосходные зубы. Равно как и его речь не выдавала в нем необразованного мужлана, который только и делает, что вышибает на улицах дух из беспомощных горемык.

Его пальцы сжимались вокруг ее запястья до тех пор, пока Маргарит не испугалась, что ее кость вот-вот сломается. Девушка сморщилась от боли. Краем глаза она заметила, что избитый страдалец ринулся прочь, растворяясь в толпе. И то хорошо.

Взгляд незнакомца метнулся на удаляющуюся фигуру, потом на нее.

— Вы позволили ему ускользнуть.

— Вы уже избили его до полусмерти... или вы убить его хотели? — съязвила Маргарит.

Мужчина яростно окинул ее пренебрежительным взглядом. Он был зол как черт.

— И как только сюда такую дамочку занесло? Немного заблудились, прогуливаясь по Бонд-Стрит, дорогуша?

— Я не хочу смотреть, как на моих глазах убивают невинного человека.

Лицо мужчины склонилось к ней — еще чуть-чуть и они могут столкнуться носами. Маргарит, насколько могла, отпрянула назад и неуклюже откинула голову.

— Невинного? — его рот скривился в жестокой ухмылке, мужчина расхохотался таким мрачным, грубым смехом, что у Маргарит волосы зашевелились на затылке.

Этот человек казался злобным и опасным даже когда смеялся.

Резко обернувшись, он свирепо посмотрел на свидетелей их перепалки.

— Чего уставились? Представление окончено!

А потом Маргарит обнаружила, что идет за ним, точнее ее волокут за руку. Наверняка потом все запястье будет в синяках.

Она уперлась пятками в землю. Тщетно. Только лишний раз споткнулась.

— Куда вы меня тащите?

Не обращая на нее внимания, мужчина широким шагом проследовал мимо лавчонки мадам Фостер к углу улицы. Он взмахнул рукой и пронзительно свистнул. Рядом с ними

почти мгновенно остановился кэб.

— Отправляйтесь-ка восвояси, — рывкнул он, рывком открыв дверь экипажа, и буквально забросил ее внутрь. — Туда, где вы сможете обманываться насчет невинности окружающих.

Обманываться? Неуклюже растянувшись на полу кареты, с запутавшимися в юбках ногами, Маргарит зажмурилась: она была в ужасе от свирепой физиономии незнакомца, в ужасе от его жестоких слов... и странного ощущения, что она все это видит во сне. В кошмарном сне.

Сперва мадам Фостер, а теперь этот темный ангел, взиравший на нее с такой злобой и говоривший с ней с таким осуждением. Неужели этот ужасный день никогда не закончится?

— В следующий раз, когда соберетесь в Сент-Джайлз, не вмешивайтесь в дела, в которых ничего не смыслите. Особенно если надеетесь вернуться домой по-прежнему невинной.

Маргарит неэлегантно фыркнула.

— Картина, которую я только что наблюдала, не требует пояснений.

В его глазах вспыхнуло темное пламя. Мужчина заглянул в экипаж, его внушительное тело склонилось над ней, словно туго натянутый, с трудом сдерживаемый лук.

Пальцы незнакомца скрючились у скромного выреза ее платья, захватывая в пригоршню ткань корсажа. Маргарит задохнулась от ужаса, не сомневаясь, что сейчас он сорвет с нее одежду и изнасилует ее.

— Этот невинный человек, — прошипел мужчина, — почти до смерти забил женщину. Простую работницу, из тех, что особы, подобные вам, избегают, переходя на другую сторону улицы.

Он презрительно осмотрел ее с ног до головы.

— У этой женщины нет семьи, способной защитить ее, нет мужа, только маленький ребенок, которого надо кормить. Невинное дитя.

Она слушала его, и страшная тяжесть поселилась у нее в груди. Глаза щипало, Маргарит в отчаянии зажмурилась.

И все же какая-то ее часть не могла отступить перед ним. Возможно, дело было в его поведении, в том, как грубо он обращался и разговаривал с ней, в его невероятной самонадеянности.

— А избив его до смерти, вы улучшите положение? Чем это поможет той женщине и ее невинному малышу?

— Упрямая дурочка, — процедил мужчина сквозь зубы, стиснув руками ткань ее корсажа, — вы же ничего не знаете об этих людях.

Его пальцы скользнули меж ее грудей, оставив за собой обжигающий след. Еще никто и никогда не касался ее столь интимно...

Сердце Маргарит стучало как барабан, грудь сдавило. Она не оттолкнула этого мужчину, не зажмурилась, ее широко раскрытые глаза, не отрываясь, лихорадочно смотрели на человека, который притягивал ее к себе все ближе и ближе... пока их лица не оказались совсем рядом.

На лице незнакомца вдруг появилось виноватое выражение.

Маргарит не двигалась. Не дышала.

Мужчина не сводил с нее глаз, он словно впервые по-настоящему ее увидел. Все остальное отступило на задний план. И хотя незнакомец наполовину стоял на улице, им

казалось, что они в экипаже наедине друг с другом.

Шум улицы замер, заглушенный гулом в голове Маргарит.

Крупная, сильная мужская рука потянулась вверх вдоль ее тела. У знатных людей таких рук не бывает. Кончик пальца прошелся по губам девушки.

— Такой хорошенький ротик, а говорит такую ерунду, — задумчиво пробормотал мужчина.

Маргарит ловила ртом воздух, в животе поднималась жаркая волна возбуждения.

А потом он ее отпустил. Чтобы не упасть навзничь, Маргарит пришлось опереться локтями о пол кареты.

Его ладонь проникла к ней под корсаж, костяшки пальцев задевали холмик груди. Девушка задохнулась от неведомого ощущения, платье вдруг стало слишком тесным. Грудь набухли, соски затвердели. От смущения Маргарит покраснела до кончиков ушей. Он внимательно следил за ней. Его рука снова путешествовала по ее телу, казалось, исследуя его каждым прикосновением пальцев к покрывшейся мурашками коже девушки.

— Нравится, — в его голосе звучало скорее утверждение, а не вопрос, но возражения, тем не менее, так и просились у девушки с языка.

— Нет.

Взгляд незнакомца поведал ей, что тот ей не поверил. Это лишь усилило унижение Маргарит. Возможно, унижение не было бы столь глубоким, не подозревай она, что в его словах кроется доля правды. Ей нравились такие прикосновения, она радовалась трепету и судорогам в животе, наслаждалась гулким стуком собственного сердца и — все это напоминало ей, что она жива.

Вот что ей нужно — испытать волшебство любви с мужчиной. Ее любовником. Эта идея уже успела пустить в ее душе корни и теперь все сильнее овладевала сознанием девушки.

Ей не удастся так просто от нее избавиться, да Маргарит и не хотела этого. Новая затея наполнила жизнь Маргарит смыслом. Сподвигла на поступок, который в иных, обычных обстоятельствах девушка сочла бы разнузданным и безумным. Только ее обстоятельства обычными уже не назовешь.

— Да, — ответил скрипучим голосом мужчина, просовывая палец глубоко под корсаж женского платья и осмелившись погладить сосок.

Маргарит стиснула зубы, стараясь побороть ощущение острого пронзительного наслаждения. Волшебство!

Из ее горла вырвался приглушенный вскрик.

В глазах незнакомца промелькнуло выражение мрачного самодовольства.

Он продолжил. Его глухой рокошущий голос был столь же реальным и осязаемым, как и палец у ее груди.

— Вам нравится, — заявил он. — Как вас зовут?

— Маргарит, — на одном дыхании выпалила девушка, не успев задуматься о том, насколько благоразумно сообщать незнакомому человеку такие сведения.

Уголки его губ медленно поползли вверх. Незнакомец сверкнул невероятно белозубой улыбкой. Усмешкой человека, все знающего и понимающего. Это уязвило Маргарит и выдернуло ее из паутины чувств и эмоций. Она хотела этого, что правда, то правда. «Но только не с ним», — неуверенно прошептал ей внутренний голосок.

— Возможно, Маргарит, вы не хотите возвращаться обратно невинной. Может статься, вы пришли к мошеннику, в надежде испробовать то, что недоступно в вашем маленьком

чистеньком мирке по ту сторону реки, — он склонил голову, рассматривая девушку, словно диво дивное. — Это так?

Он снова поднес руку к ее лицу и погладил мягкую плоть на щеке девушки.

И тут Маргарит учуяла запах крови. Его суставы покрывали рыжие пятна. В дюйме от ее рта. Маргарит затошнило.

Она не нуждалась в иных напоминаниях. Этот человек — дикарь. Каким бы соблазнительным он ни казался со своей мрачной ангельской физиономией и всем остальным. Как глупо, что она позволила такому негодю заворожить ее своим очаровательным взглядом.

Недолго думая, Маргарит повернулась и укусила его за палец.

Мужчина зашипел, отдернул руку и затряс ею. Маргарит замерла, не дыша, ожидая, что он наверняка вот-вот ее ударит. И уж конечно обратит против нее свою первобытную жестокость. Она видела, каков он в ярости.

Вместо этого мужчина всего-навсего сердито посмотрел на нее, в его глазах светилось бешенство. И еще что-то непонятное. От этого у нее в животе все затрепетало.

Девушка выпятила подбородок.

— Убирайтесь прочь!

Ее слова заглушил вопль кэбмэна.

— Эй, командир, так мы едем куда-нить, или вы там потрахаться собираетесь? Вы как хотите, а мне гоните монету, коль уж сели в мою повозку!

— Не суйтесь больше в Сент-Джайлз, если не хотите неприятностей. Такая прехорошенькая шгучка, да с таким дерзким ротиком... — он, нахмурившись, покачал головой. — Только проблем себе наживете. Того и гляди нарветесь на хмыря, вроде того, что вы нынче столь храбро спасли от моих кулаков.

— Какая забота! — усмехнулась Маргарит, твердо убежденная, что никого, опаснее стоявшего перед ней человека, ей встретить уже не доведется. — Благодарю покорно за совет.

Он выпрямился. Очертания крепкой фигуры грозно вырисовывались в узком дверном проеме экипажа, заполняя его, закрывая свет. Его глаза мерцали в полутьме. Маргарит ненавидела себя за то, что не могла пошевелиться, за то, что лежала на полу кареты, словно дрожащая мышь.

— Просто сделайте, как я сказал. Если не хотите неприятностей, держитесь подальше от этих мест.

Услышав это лаконичное распоряжение, девушка закипела от ярости. Да как этот мужлан смеет разговаривать с ней, словно она у него на побегушках? Слова, которые Маргарит раньше и в мыслях не отваживалась произнести, не то, что наяву, — если конечно не считать беспричинных побоев мастера Броклхерста — вертелись у нее на языке.

— Да пошел ты... к черту!

Он замер. Примолк. А потом откинул голову и расхохотался.

— Пожалуй, вы все-таки не такая уж и леди.

Маргарит ощутила на себе его пристальный взгляд, он раздевал ее, с дерзкой бесцеремонностью блуждал по ее телу.

— Но, с другой стороны, я не нахожу в этом ничего удивительного.

Маргарит вскарабкалась на пассажирское сиденье экипажа и, брызжа слюной, выпалила:

— Скотина!

Его смех царапнул воздух, ударил по натянутым нервам Маргарит.

— Не беспокойтесь. Я уверен, что однажды присоединюсь к адским созданиям. Только вы, дорогуша, уж будьте любезны, не торопите меня. Кстати, если вы не заметили, — он жестом обвел окрестности, а девушка обратила внимание на уродливые ночлежки, с зияющими глазницами разбитых окон и заткнуто в них грязное тряпье — жалкая попытка защититься от стужи, — все это чертовски напоминает ад.

Он выбрался из экипажа, его смех удалялся от нее, оставляя необыкновенное, возбуждающее ощущение у трясущейся на жестких сиденьях девушки.

И только позже Маргарит обнаружит, что этот смех станет преследовать ее по ночам и слышаться во сне.

Эш Кортленд шагал по улицам, провонявшим гнилью и едким дымом с близлежащей фабрики. Знакомый душок. Столь же привычный, как и собственная внешность. Однако Эш до сих пор чувствовал запах девчонки, с которой только что расстался. Слабый аромат меда все еще щекотал его ноздри.

Перебираясь через сточную канаву, Эш тихонько выругался. Зря он ее отпустил. Осознав это, Эш почувствовал непривычный укол сожаления. Он покачал головой — безумная мысль. Она же не подзаборный щенок, нечего ее охранять и баловать.

И все же, шагая по неровному тротуару, Кортленд не мог стряхнуть с себя ощущение, что оставил позади нечто важное. Эшу нечасто доводилось встречать женщин, осмеливавшихся бросить ему вызов. Эта девчонка разбудила в нем дикаря — пожалуй, в основном, поэтому он ее и отпустил. Времена примитивной грубости давно минули. Теперь он человек состоятельный. Богатый. Влиятельный коммерсант.

Они с партнером владели двумя самыми известными лондонскими игорными домами. Не считая шахты в Уэльсе и фабрики на севере, хотя эта собственность была приобретена только по его, Эша, настоянию. Джеку бы вполне хватило и игорного бизнеса. Теперь его партнер несколько отстранился и позволил Эшу вести дела и приумножать их богатство, в чем последний оказался на высоте. Но Кортленда не волновала утрата заинтересованности со стороны Джека. Если бы старик не взял его под свое крыло, Эшу ни за что не удалось бы выбраться с улиц.

В конечном итоге, после всего достигнутого, Кортленд меньше всего нуждался в какой-то вертихвостке, которая смотрит на него, словно на последнего подонка и вынуждает на самом деле вести себя, как отброс общества.

Он далеко ушел от мальчишки, что прятался по закоулкам и, пытаясь выжить, был готов на какую угодно низость. Теперь Кортленд обладал богатством и влиянием, недоступным большинству. Единственное, чего ему не хватало — аристократизма и хорошей родословной. Но он поклялся, что это у него тоже будет. Скорчив гримасу, он признался самому себе, что хватая женщин на улицах и лапая их в экипажах, словно пещерный человек, он своей цели не достигнет. И все же эти глаза цвета виски клеймом отпечатались в его сознании.

Эш оглянулся через плечо долгим взглядом, словно рассчитывая найти за спиной кэб. Почувствовав в очередной раз укол сожаления, он ругнулся. Вообще-то, она была лакомым кусочком — темноволосая, глаза так и искрятся. «Красоток-то пруд пруди», — напомнил себе Кортленд. В стенах его игорных домов красавицы были делом обыденным. Еще одна докучливая, вспыльчивая мегера не заслуживала упоминания.

«Пошел ты к черту!»

Он рассмеялся. Снова. Эти дурные слова, произнесенные тихим интеллигентным голосом, прозвучали нелепо. Он был готов биться об заклад, что эта девушка прежде ни разу их не употребляла.

Однако звук ее голоса, шепчущего совершенно иные слова, порочные намеки, манящие к греху, наполнил его воображение.

Этот звук, как он позже обнаружит, станет преследовать его по ночам и слышаться во сне.

Впереди появился величественный фасад «преисподней» — эдакий дворец с портиком

среди убогих жилищ. Даже в это время меж большими двустворчатыми дверями вливался и изливался непрерывный поток людей. Поклявшись больше не думать о той девице и настроившись на более важные деловые вопросы, Эш Кортленд вошел в ад. Едва он ступил на мраморный пол игорного зала, его уши наполнило жужжание вращающихся колес рулетки. «Это, — подумал он, — все, что мне нужно». Все, что ему осталось.

— Мисс Лоран! Какой замечательный сюрприз! Боже мой, сколько лет, сколько зим!

Лорд Соммерс ворвался в гостиную с изяществом, рожденным годами аристократического воспитания. Его бабка — да покоится она с миром — была вдовствующей маркизой и самой высокопоставленной пациенткой Маргарит.

— Лорд Соммерс! — поприветствовала его девушка.

Аристократ до кончиков ногтей, он вежливо раскланялся перед ней. В глубине карих глаз виконта Маргарит не заметила ни малейшей неловкости от их последней встречи, когда, поставив ее в неудобное положение, лорд опустил перед Маргарит на колено и умолял девушку стать его любовницей. Ничего подобного. Заглянув ему в глаза, вы бы ни за что не догадались, каково было его удивление, когда лорд обнаружил, что женщина, столь прохладно отклонившая его заигрывания и предложения, теперь дожидается его в гостиной.

Маргарит оценивающе посмотрела на Соммерса, пытаясь решить: может ли этот человек оказаться тем самым «прекрасным образчиком», что описала мадам Фостер. Костюм на нем сидел идеально. И лицом лорд удался, однако его несколько портили безвольный подбородок и редяющие волосы.

В сознании Маргарит всплыли пророческие слова гадалки. «Прекрасный образчик, нечего сказать. Он будет сходить по вам с ума». «Вы отлично проведете время. Любовь, приключения и свадьба». Она непременно выйдет замуж.

Маргарит охватило смутное беспокойство, но она поспешно его прогнала. Безусловно, лорд Роджер Соммерс — не тот человек. Этот аристократ ни за что не предложит выйти замуж такой, как она — даже под влиянием нежных чувств. На этот счет ей незачем опасаться. Он не мог быть тем самым мужчиной. Маргарит глубоко вздохнула с облегчением. Она уже бросает вызов роковой судьбе... если верить мадам Фостер, во всяком случае.

Пока Маргарит рассматривала Соммерса, в сознании всплыл образ грубой скотины из Сент-Джайлса. Вот уж прекрасный образчик. Она тут же одернула себя. Роджер ничуть — слава богу — не похож на человека, что способен жестоко избить какого-то мужчину на улице, и не важно, заслуживает тот этого или нет. И он не стал бы ласкать женщину, а потом обвинять ее в том, что ей это нравится. В нем нет этой грубости, этой жестокости... этой примитивной силы.

Маргарит прижала пальцы к горлу и заметила, как неровно бьется ее пульс. Тело предало девушку, в ней все сжалось при воспоминании о том, как тот негодяй зажал ее в тесном кэбе.

Изгоняя прочь мысли о незнакомце, она ответила на обычный вопрос Роджера куда резче, чем намеревалась.

— Мы с вами не виделись с тех пор, как ночью, через неделю после смерти вашей бабушки, вы явились в мою комнату и потребовали, чтобы я стала вашей любовницей... — она замолчала, облизнула пересохшие губы и любезно добавила, — милорд.

От такой откровенности юноша покраснел как рак. Он оттянул шейный платок, словно

тот его душил.

— Ах, да. Теперь я припоминаю...

Это произошло более года назад. Тогда она посчитала сложившееся положение крайне затруднительным. Для нее это было нечто из ряда вон выходящее. Обычно в такие ситуации попадала Фэллон. Ее яркая внешность привлекала мужчин — те слетались, как пчелы на мед. Но Маргарит-то тут причем? Никаких таких желаний она в представителях противоположного пола не возбуждала. По крайней мере, Маргарит в это верила до появления лорда Соммерса.

Его безумное увлечение и последующее предложение застали девушку врасплох. Она даже не стала делиться этим с Фэллон и Эви, решив просто выбросить досадное недоразумение из головы.

— В сложившихся обстоятельствах я еще раз обдумала ваше предложение и хотела бы его принять, если вы до сих пор согласны на сделку.

Маргарит вздернула подбородок, удивляясь, отчего попытка привнести страсть в свою жизнь напоминает ей переговоры. Официозные и чопорные. Так всегда бывает?

— Э-э, — виконт по-совиному заморгал и оглядел ее с ног до головы. — Вы это серьезно, мисс Лоран? Я был уверен, что оскорбил вас своим предложением.

Тогда Маргарит действительно обиделась. Чего и следовало ожидать. Но та Маргарит сильно отличалась от нее сегодняшней. Новая Маргарит ценила каждый день своей жизни, словно он был последний.

Она поспешно кивнула.

— Безусловно, милорд, я говорю серьезно.

— Я... заметил.

А Маргарит рассчитывала на горячий отклик.

— Неужели я так сильно изменилась? — она развела руками и опустила взгляд на свое тело, словно там можно было увидеть нечто оскорбительное. — Я больше вас не интересую?

— О, нет! Ничего подобного, — виконт опять потянул шейный платок и окинул девушку таким похотливым взглядом, что она снова ощутила прилив уверенности в себе. — Я всегда питал слабость к темноволосым женщинам. Из них выходят ласковые, послушные, кроткие любовницы. Вы тоже такая... Вполне в моем вкусе.

Виконт нахмурился, когда Маргарит, почувствовав, что ее оценивают, словно кобылу, шарахнулась в сторону.

Девушка в замешательстве опустила глаза и уставилась на свои руки. Намерения лорда ей не нравились. Однако его следующее замечание тут же привлекло внимание Маргарит.

— Простите мне мои слова, но я что-то не припомню у вас подобной решительности.

— Ну, да. В этом отношении я изменилась.

Она и прежде не отличалась кротостью, но обсуждать это с виконтом не стоило. Если ему нравится считать ее таковой — пусть.

— Я просто решила, что обязательно должна кое-что испытать прежде чем...

Маргарит споткнулась на слове. Она чуть не сказала «умру».

— Прежде чем что? — подсказал Соммерс.

Девушка облизнула пересохшие губы и поудобнее устроилась на диване.

— Прежде чем утрачу всякий шанс устроить свою жизнь.

Он кивнул. Очевидно, ее расплывчатый ответ удовлетворил лорда.

— Понятно. Ну, я в некоторой степени вами увлечен. В этом мои чувства не

изменились, — виконт окинул девушку взглядом. — Нам надлежит подписать договор? У меня есть аккуратный домик на Давентри-сквер. Скромный, но, безусловно, лучше других.

Маргарит покачала головой.

— Нет. Не стоит этого делать.

Он захлопал глазами.

— Нет?

— Милорд, у меня есть кое-какие требования, и, если вы не против, я поверю вам на слово. Не нужно никаких договоров.

Маргарит предпочла бы не оставлять письменного свидетельства своего морального падения. Если она переживет этот год, то не станет продолжать свою карьеру любовницы богача. Маргарит предпочла бы, чтобы ее похождения остались в тайне. Жизнь любовницы стала пожизненным уделом ее матери. Не ее. Нет, этот красивый лорд послужит какое-то время ее целям. В настоящий момент.

— Чего же вы хотите, мисс Лоран?

На сей раз, задав свой вопрос, он посмотрел на Маргарит трезво, сосредоточенно и решительно, как всякий, кто заключает деловое соглашение. И девушка снова ощутила укол разочарования. Где же та страсть, которую она искала?

— Я хочу провести зиму в Испании. Точнее, три месяца. Я не претендую на дом и длительные отношения. Три месяца. Вы. Я, — Маргарит решительно посмотрела виконту в лицо. — Я хочу приключения. Хочу страсти. А после... — ее голос замер.

И какого черта лицо Кортленда возникло в ее памяти? Получше времени не нашлось? Как он смеет вторгаться в ее мысли? Девушка предположила, что дело в его мужественности, в его мужских достоинствах, так сказать. Она подумала о страсти, и в голове возник непрошенный образ.

Взгляд Соммерса, устремленный на Маргарит, потеплел.

— Разве я могу отказаться от подобного предложения?

Девушка судорожно вздохнула от облегчения. Дотоле она не сознавала, насколько сильно волнуется.

— Так вы согласны на мои требования, милорд?

Виконт поднял голову и изучающе посмотрел на Маргарит.

— Мне давно пора устроить себе отпуск, а впереди Рождество. Ведь я с ужасом жду этого времени года... чертовы родственнички слетаются как мухи. Я бы с куда большей охотой сбежал в солнечную Испанию. С вами, моя дорогая. В сущности, ваша идея ниспослана мне провидением.

Девушка вздрогнула от его слов, прозвучавших то ли странно, то ли кощунственно.

Лорд Соммерс подошел к Маргарит и опустился рядом с ней на диван. При этом он с изощренностью, достойной женщины, расправил свой ярко-синий пиджак. Маргарит едва не передернуло, когда холодные пальцы виконта схватили ее ладонь, лежавшую на коленях.

— И когда же нам надлежит приступить к делу?

— Я готова прямо сейчас. Мы можем уехать незамедлительно.

А потом она вспомнила, что ей еще нужно навестить сестер. Маргарит не заботило, что она поклялась поступать вразрез с предсказаниями мадам Фостер. Девушка не могла не встретиться с родственниками. Они же ее сестры, семья, по которой она всегда тосковала. Одна единственная краткая встреча никому не повредит.

Лорд ответил ей прежде, чем Маргарит успела отречься от своего заявления.

— Боюсь, я не могу уехать ранее следующей недели. Мне нужно несколько дней, чтобы привести дела в порядок и сделать приготовления к нашему отъезду, — он улыбнулся. Усмешка вышла неожиданно ребячливой. — Солнечная Испания! Блестящая идея! — его внимание сосредоточилось на Маргарит, взгляд виконта опустился на ее губы. — Да и лучшего попутчика мне не найти. Мы великолепно проведем время. Вы получите свою страсть. И даже, осмелюсь утверждать, с лихвой.

Девушка улыбнулась. На это она и рассчитывала. Умиравшая женщина в ней молила о большем, требовала большего.

Когда виконт подался вперед и прижался губами к ее рту, Маргарит убеждала себя, что ощущает возбуждение, что прикосновение мужских губ опьяняет ее, хоть отдаленно напоминая чувства, охватившие ее в лапах того негодяя из трущоб. Увы, девушка обманывала себя.

Она не почувствовала ничего.

Маргарит, однако, поцеловала Коммерса в ответ, решив испытать хоть что-то. Хоть толику того пожара, что запылал меж ней и Кортлендом.

Ничего.

Когда виконт оторвался от ее губ и отстранился, Маргарит печально вздохнула. Лорд, очевидно, счел, что она в восторге от его посредственного поцелуя.

— Голубушка моя, чуть позже вы получите куда больше, — пообещал он.

Девушка кивнула и выдавила из себя улыбку.

— Я на это рассчитываю.

Хотелось бы ей рассчитывать, что в следующий раз все пройдет как по волшебству.

Той же ночью ей приснился сон. Такое случалось нечасто.

Обычно Маргарит спала крепко, беспробудно и на следующее утро ничего не помнила о своих сновидениях. Они таяли как дым. Так было со времен Пенвича. Ослабевшая, голодная девочка проваливалась в сон, как в бездну. Маргарит всегда просыпалась в той же самой позе, в которой ложилась в кровать: свернувшись на боку, а ее ночная сорочка даже не обматывалась вокруг ног.

Этой ночью все было по-другому. На сей раз Маргарит осознавала свои грезы. Ее чувства разыгрались, словно она испытывала все наяву и участвовала в происходящем.

Она находилась в своей комнате. В пансионе. В своей собственной кровати, отчего вполне можно было решить, что это не сон, а явь. И все же Маргарит знала, что она спит. Иначе, отчего бы ей находиться голой на краю постели? При чем сидеть, а не лежать.

В комнате был кто-то еще.

Странно. Доселе ей случалось делить свою комнату лишь с домовладелицей, миссис Доббс. Еще удивительнее, что Маргарит, одетая, в чем мать родила, держалась нагло и гордо, голышом ей было очень удобно.

Она неподвижно сидела на краю кровати, спокойно положив руки на бедра. И смотрела.

Она пристально, не сводя глаз, вглядывалась в крупную, смутно различимую фигуру человека, находившегося перед ней у окна. Занавески за его спиной колыхались от ветра. Струящиеся из окна бледные потоки лунного света позволяли разглядеть темные брюки незнакомца.

Маргарит совершенно не боялась. В то же время она велела себе встать, подойти к нему и потребовать, чтобы этот человек покинул ее комнату. Но не смогла вымолвить ни слова.

Она не могла шелохнуться. Даже пальцем шевельнуть, наготу прикрыть она и то не позаботилась.

Словно отбросила все условности. В этом сне, похожем на явь, было возможно все.

Мужчина с непринужденной решительностью шагнул к ней. Девушка увидела, что он полуодет. Ни жилета, ни пиджака. Батистовая рубашка незнакомца состязалась белизной с лунным светом. Спереди темнел глубокий клинообразный вырез. Темные брюки сливались с темнотой, впрочем, как и смутно различимое лицо незнакомца.

Он остановился перед ней. А Маргарит так и не пошевелилась. Даже когда его руки опустились ей на плечи и, поглаживая изящные изгибы, двинулись к ключицам. Девушка тихонько ахнула.

Широкие ладони снова легли ей на плечи. Он толкнул Маргарит, вынуждая откинуться на спину.

Груди омывал прохладный воздух. Соски затвердели и заныли. Маргарит опустилась на матрас.

И мужское тело накрыло ее, словно одеялом. Губы незнакомца сомкнулись на соске, втянули его. Тем временем мужская ладонь сжала другую грудь девушки. Маргарит застонала, изогнулась дугой и запустила руки в шелковистые волосы ночного гостя. Грудь горела и трепетала. Девушка опустила взгляд и увидела, как волосы цвета темного золота ласкают ее кожу. Живот сжался, в нем возникло ощущение тяжести.

Мужчина отпустил ее сосок, согрел дыханием набухшую вершинку и поднял голову, чтобы посмотреть на девушку. И встретил ее пристальный взгляд.

Маргарит приглушенно всхлипнула, увидев знакомые мрачные глаза. Очи демон-искусителя. Ужасные и обольстительные.

Ему здесь не место. Ее должен ласкать Роджер, а не он. Не он!

«Но это всего лишь сон. Просто греза». Словно кто-то внутри Маргарит шепотом уговаривал ее. И она, расслабившись, вновь опустилась на кровать и смирилась с волшебством, дарованным его ртом, его руками, нависшим над ней восхитительно тяжелым, крупным телом.

Маргарит со стоном вцепилась в покрывало и безвольно откинула голову на бок. И увидела еще одну пару глаз, наблюдавших за ними из темного угла. Кто-то следил за их сокровенной встречей. Словно мороз пробрал девушку при виде этих горящих белым огнем глаз. Просторный капюшон скрывал лицо соглядатая.

Изумленно ахнув, Маргарит попыталась сесть и натолкнулась на теплую мужскую грудь, слишком мускулистую для Роджера. Но больше на ней лежать некому. Это уж точно не тот уличный дикарь.

— Что? Что такое? — прошептал ее любовник, не отрываясь от тела Маргарит, скользя ладонью по ее шее.

— Он, — девушка указала трясущимся пальцем на фигуру в плаще. Таковую высокую и худую, что одежда, спадавшая пышными складкам, висела на ней, словно на вешалке.

— Ах, это, — беспечно ответил ее любовник. — Подождет. Пока что.

Смутная догадка пробивалась сквозь волны накатывавшего на нее сильного возбуждения, мешая наслаждаться своим любовником.

Внимание Маргарит снова обратилось на фигуру соглядатая: неподвижную, темную и безликую, если не считать горящих глаз. Человек заговорил с ней. Беззвучно. Без слов. Его голос проникал прямо в ее сознание.

— Я пришла за тобой... совсем скоро... скоро...

Понимание с сокрушительной силой ударило по сознанию девушки.

Пронзительно завизжав, Маргарит рванулась вперед, стремясь убежать подальше, скрыться от темной фигуры, нестись, сколько хватит сил, даже если это будет стоить ей любовника, чьи руки и губы творили с ней чудеса. Это того не стоило. Нет, если рядом ее поджидает Смерть.

Девушка на мгновение зажмурилась, что-то вдруг изменилось, крик застыл в ее горле. Маргарит безумным взглядом озиралась вокруг. Из груди вырывались хрипкое дыхание. Девушка провела рукой по телу, нащупав свою ночную сорочку. Это был всего лишь сон.

Занавеси на окне колыхались, словно их только что раздуло ветром. Учитывая накрепко закрытую оконную раму?

Кожа Маргарит покрылась мурашками. Девушка растирала плечи ладонями, стараясь унять гулкий стук сердца.

В дверь быстро застучали. Маргарит подскочила, чуть не завизжав в очередной раз.

— Мисс Лоран! — донесся из-за двери спальни лишенный эмоций голос миссис Доббс. — С вами все в порядке?

Маргарит откашлялась, пытаясь совладать с придушенным голосом.

— Со мной все в порядке, миссис Доббс. Просто кошмарный сон. Простите меня. Я не хотела вас тревожить.

— Ничего страшного, дорогая. Я лишь хотела убедиться, что тебя не убили прямо в постели.

Услышав легкомысленное замечание миссис Доббс, девушка укусила себя за руку. Слова домовладелицы ужалили ее в сердце.

Не убита. Не мертва. Пока, во всяком случае.

— Со мной все в порядке, — снова отозвалась Маргарит.

— Тогда спокойной ночи, дорогая.

Маргарит упала навзничь на постель и, едва коснувшись головой подушки, глубоко задышала. Она услышала тяжелую поступь удалявшейся по коридору миссис Доббс. Где-то далеко открылась и захлопнулась дверь, звук шагов эхом растворился в ночи.

Перекатившись на бок, Маргарит зарылась в одеяло, стараясь согреться, цепляясь за остатки решимости изо всех сил бороться за жизнь и сделать все от нее зависящее, чтобы избежать судьбы, предсказанной мадам Фостер.

Эш резко сел в кровати и уставился в большие моргающие голубые глаза взъерошенной женщины рядом с ним.

— Что ты только что сказала?

— Спокойнее, дорогой, — Мэри погладила рукой его обнаженное плечо, жадно проследовав взглядом за движением своей руки по его плоти так, словно хотела бы вместо этого пройти по ней губами, пробуя на вкус все, чего касается.

Он наклонился вперед, опершись на подставленные колени, и ошеломленно уставился вперед, переваривая ее слова. Кровь в его венах вскипела яростным жаром.

— Ты в этом уверена?

— Да.

Мэри откинулась на кровати, не обращая внимания на свою наготу. Они с Эшем еще много лет назад стали любовниками, с тех пор, время от времени, возобновляя эти отношения. Они стали ими задолго до того, как Джек сделал его партнером. Черт, да еще с тех пор, когда он был просто одним из администраторов Джека. Их давнишняя дружба сделала ее человеком, которому Эш мог доверять. У девушки, росшей бок о бок с ним на улицах, в то время, когда он, чтобы выжить, обчищал карманы, всегда будет его поддержка.

— Великий Джек Хадли пошел и собрал весь свой выводок. Всех девушек. Дочери, ты можешь в это поверить? Это почти забавно. Произведя потомство, он ни разу не зачал сына. Полагаю, что ты — самый близкий для него в этом отношении человек.

Мужчина покачал головой, недовольно ворча. Не сын. Сыну сообщают о положении дел и держат в курсе, а Джек держал его в неведении по поводу своих дочерей. Эш был уверен, что это не упущение. Все, что делал Джек, было методически обдуманно.

Не то чтобы Эша поразило то, что Джек породил потомство. Просто он испытал шок из-за того факта, что его партнер внезапно стал заинтересован в предъявлении прав на это потомство, что они внезапно приобрели ценность в его глазах.

Джек не был сентиментальным человеком. Он ничего не делал без выгоды для себя. Ни по какой другой причине он не сделал бы Эша своим партнером. Джек увидел в этом выгоду. Заявление прав на своих побочных отпрысков должно было что-то ему дать. Эш достаточно хорошо знал Джека для того, чтобы знать: он не заботится ни о ком, кроме себя.

Снизу долетали звуки из его игорного дома. Гул разговоров, смех, редкий крик выигравшего — действовали как бальзам на душу. Даже притом, что владел большим особняком в Сити, Эш оставался в «Преисподней», тоскуя по этим звукам, запахам. Его городской особняк лежал одинокой раковиной по другую сторону реки, окутанный тишиной. Там Эша ожидало лишь одиночество и мысли, которые лучше бы оставить в покое дожидаться его там.

Он снова перевел внимание на Мэри. Эш осознал, что она что-то говорила.

— Предполагается, что они соберутся все вместе под его крышей. Грир прибыла больше недели назад. Довольно милая девушка, разве что немного чересчур прямая в высказываниях. Другая прибыла только вчера, и еще одна должна появиться сегодня днем. Только эта не остается, как две остальные... вот почему он наспех устраивает сегодня званый вечер. Надеется убедить эту новенькую остаться на это великое событие.

Три? Старый похотливый развратник породил трех дочерей?

— Это факт?

Эш провел рукой по своим чересчур длинным волосам, глядя как Мэри встает и начинает одеваться. Его мысли все возвращались к последствиям, которые это событие могло повлечь для него. Его партнер внезапно заимел наследниц. Трех, если быть точным.

— Это напомнило мне, что нужно возвращаться, — пробормотала Мэри. — Надо много сделать. Джек хочет, чтобы все было безупречно. Он ожидает, что придет, по крайней мере, дюжина...

— Дюжина... кого?

Она пожала плечами.

— Каких-то утонченных джентльменов, как я слышала. Настоящая голубая кровь.

Волосы на затылке Эша зашевелились, в то время как он смотрел, как она натягивает свое платье.

— Что за план он состряпал?

— Он не говорит, но Грир не может держать язык за зубами.

— И что сказала эта Грир?

Мэри оглянулась через плечо, словно ожидая, что великий Джек Хадли материализуется позади нее. Это было бы в его духе. Невероятная, для многих пугающая личность.

— Ну... она думает, что Джек задумал выдать их замуж за каких-то дворян. Всех трех. Пойдет любой светский щеголь, коль скоро у него кончились деньги, и он достаточно отчаялся, чтобы жениться на побочной дочери Джека Хадли.

— Проклятье! — Эш покачал головой. — С чего бы какому-либо светскому щеголю захотеть...

Мэри резко взмахнула рукой вокруг себя.

— Из-за этого, конечно. Всего этого. Из-за прииска, фабрики...

В венах Эша застыла кровь. Конечно. Из-за всего, ради чего он так тяжело работал.

Тут-то все и встало на место. Он понял, почему Джек внезапно пожелал предъявить права на дочерей, которых раньше счел целесообразным забыть. Просто он хотел того, что они могли принести ему. Престиж. Доступ в блестящий мир светского общества. Если его дочери найдут себе мужей из их класса, спесивые аристократы будут вынуждены принимать его в своих гостиных. Рука Эша сжалась в кулак.

Мэри, должно быть, что-то увидела по его лицу. Обеспокоенное выражение промелькнуло в ее чертах. Тяжело вздохнув, она протянула его имя:

— Эш.

— Я сделал все это таким, — сурово сказал он, показывая на свой элегантный костюм. — Игорные дома были никакие до меня. А прииск? Фабрика? Это была моя идея вложить капитал...

— Я знаю, знаю, — успокаивающе произнесла Мэри.

— Он хочет передать то, что по праву мое, каким-то хлыщам с лилейно-белыми ручками, которые наберутся храбрости, чтобы жениться на его убудочных дочках?

— Ну, они — его наследницы, Эш, — указала Мэри. — И их будущие мужья имеют право...

— Только потому, что Джек кувыркался с матерями этих крошек, не дает их будущим мужьям права требовать все то, ради чего я работал! Все, что я построил!

Его грудь поднялась в глубоком вздохе.

— А что ты можешь с этим поделаться? Вы — партнеры. Если Джек отдаст каждой из своих принцесс часть от всего, чем владеет — это его право.

— Принцессы, — насмешливо произнес Эш и недоверчиво покачал головой.

Джек Хадли воровал, обманывал и убивал на своем пути навверх. Об этом знали все. Его дочери — не принцессы.

— По крайней мере, дюжина дворян придут сегодня вечером. Грир проболталась, что один из них даже настоящий герцог, — она фыркнула. — Можешь представить? Герцог? За одним столом со старым Джеком Хадли. Может, даже станет его родственником? — она рассмеялась.

И заберет то, что мое? Фабрику? Прииск? Игрные дома? Все, что Эш имел в этом мире.

— Нет, — произнес он сквозь зубы. — Я не могу этого представить.

И в самом деле не мог. Эш не хотел верить, что человек, который взял его под свое крыло, откажется от него ради стайки женщин, которых даже никогда не видел, дочери они или нет. Как может Джек после того, как вытащил Эша с улиц и подтолкнул его, даже не принимать его во внимание во всем этом?

— Ну, я пошла.

Мэри поцеловала его в щеку.

— Подожди минутку, — пробормотал он холодными губами. — Я отвезу тебя домой.

— О, — она подняла бровь, взгляд ее голубых глаз был явно настороженным. — Ты ведь не собираешься устроить какую-нибудь неприятность, да? У меня нет желания получить нагоняй за то, что болтаю не к месту.

— Джек не подумает на тебя, — уверил ее Эш. — Я еду, — произнес он категорически.

Он услышит из собственных уст Джека, что хоть тот и принимает Эша как сына, но не считает его достаточным подходящим, чтобы стать его наследником... достаточно подходящим, чтобы унаследовать все, что построил для них двоих. Вместо этого Джек предпочитает, чтобы его часть состояния и собственность отошла троим денди с голубой кровью, единственным достоинством которых является их происхождение и положение в обществе. О, и брак с внебрачными принцессами Джека.

Подъехав к дому Джека в Мэйфере, Эш обнаружил в два раза больше, чем обычно слуг, суеющих вокруг. Как армия муравьев они мели, вытирали пыль, полировали все до тех пор, пока оно не начинало сверкать. Оранжевые розы, благоухающие, насыщенных цветов, стояли на каждой поверхности. Верх экстравагантности в это время года.

Среди приторного букета ароматов дворецкий проводил его в кабинет Джека: круглую комнату с деревянными панелями насыщенного орехового цвета, которая была так же знакома ему, как его собственная кровать. В этой комнате Эш провел бесчисленное число вечеров, сидя со стаканом лучшего бренди Джека в руке, обсуждая дела, жизнь, городскую политику и то, как все это может повлиять на их предприятия.

Они были похожи: оба происходили из низов, оба отведали дурного обращения в жестоких руках неумолимого и беспощадного лондонского преступного мира. Оба обладали ненасытной жаждой преуспеть, выиграть и доказать, что они больше не шваль из сточной канавы. Эш всегда говорил себе, что вот почему они и так хорошо работали вместе, поэтому стали партнерами.

Очевидно, он был неправ. Они не были похожи.

Эш знал, что он из себя представляет, знал, что им управляет и не чувствовал ни малейшего раскаяния или желания измениться. Некоторые мужчины были рождены для домашней жизни и могли довольствоваться простой жизнью: жена, дом, дети, церковь по воскресеньям. Эш не был одним из них. И не стремился стать. Не был он и таким как Джек. Тот жаждал места в обществе, положения, заключительной печати одобрения, и он переступит через Эша, чтобы получить ее. Все это стало ему теперь понятно.

Эш увидел знакомую комнату по-новому. Несмотря на то, что Джек едва ли умел читать, а написать мог не более, чем свое имя, вдоль стен его кабинета рядами выстроились книги, простираясь до куполообразного потолка.

Эш остановил свой взгляд на Джеке, сидящим за своим столом. Его секретарь был рядом с ним, помогая в чтении каких-то документов.

Взглянув вверх, Джек поприветствовал Эша так, будто не произошло ничего необычного, будто джентльмены из высших слоев общества не собирались снизойти до этого самого дома.

— Эш, я не ожидал увидеть тебя сегодня.

— Это правда? — не тратя зря времени, потребовал он ответа.

Джек даже глазом не повел. Он никогда не делал этого. Никогда не выдавал внешних признаков того, о чем думает. Трюк, которому Эш научился у него. Никогда не показывать миру себя настоящего. Цепляться за свою защиту.

— Что, правда?

— У тебя есть дочери. Три чертовы дочери!

Джек вздохнул и перевел взгляд на своего помощника.

— Дайте нам минутку.

Эш смотрел на партнера сузившимися глазами, пока секретарь выходил из комнаты. Джек откинулся назад на своем кожаном стуле, когда дверь, щелкнув, закрылась.

— Одна из горничных, полагаю? Все женщины в моем штате принимаются глупо хихикать при виде тебя. Есть ли женщина, которую ты не можешь соблазнить?

Эш фыркнул. Джек знал все о том, как уложить женщину в постель. Об этом свидетельствовали его незаконнорожденные отпрыски.

— Зачем ты здесь, Эш? — спросил Джек резким тоном, который сказал Эшу, что партнер уже все понял.

— Я хочу услышать правду от тебя.

Джек, прежде чем начать говорить, изучал его в течение долгой минуты.

— Я отец. Неужели настолько удивительно, что я хочу увидеть своих дочерей? Я уже немолод.

— Я знаю, что ты собрал их всех здесь, чтобы продать с аукциона каким-то чертовым дворянам.

Он почувствовал, что его верхняя губа насмешливо изогнулась.

— Неужели это так плохо: хотеть увидеть моих девочек хорошо устроенными...

Эш прервал его смехом. Ничего не мог с собой поделать. Слишком хорошо он знал Джека Хадли, чтобы поверить в то, что тот был исполненным благих намерений отцом, обеспокоенным благополучием своих дочерей.

— Да брось, Джек. Ты хотя бы знаешь их имена? Дело в тебе. В том, чтобы заполучить себе в зятя герцога.

Красноватое лицо старика ярко вспыхнуло.

— Конечно, я знаю их имена. Я выбился из сил, выясняя их местонахождение, разве нет? Они все здесь... — Хмурое выражение промелькнуло на его лице. — Ну, я так думаю. Последняя должна приехать сегодня. Она была немного неуловима. Чертовски неудобно. Я запланировал большой вечер, и она нужна мне здесь.

Последняя. Она даже не заслужила имени. Она не обладала личностью. И все же Джек передаст ей, каждой из них то, ради создания чего Эш так тяжело работал. Это было невыносимо.

— Так ты не отрицаешь, что вызвал их как своих наследниц? Что намереваешься выдать их замуж и раздать все, ради чего я трудился...

— Это ведь не все твое, не так ли? — отрезал Джек.

Эш проигнорировал вопрос, настаивая на своем.

— Игровые дома едва держались на плаву, когда ты сделал меня партнером. Прииск, фабрика... мне пришлось убеждать тебя, чтобы ты хотя бы согласился вложить капитал...

— Но я согласился, — вставил Джек. — Ты не мог купить прииск или фабрику без меня. И ты сделал меня очень состоятельным человеком. Таким богатым, что я могу купить себе любого зятя, какого захочу.

Эш резко втянул воздух.

— Как насчет меня? Разве меня нельзя рассматривать в качестве кандидата? — Им завладела дикая идея, и он не мог от нее избавиться. Если женитьба на одной из дочерей Джека поможет ему обеспечить хотя бы небольшой контроль над империей, которую он построил, то так тому и быть. Правда, все еще останутся две другие дочери и их мужья-щеголи, с которыми придется бороться, но он справится. Да и к лучшему, если он будет женат на прямой наследнице. Одна треть доли Джека будет его. Вместе с долей, которой Эш уже владеет, у него будет преобладающее большинство.

Джек поднял густую бровь.

— Ты хочешь жениться на одной из моих дочерей? Ты?

Кожа у глаза пульсировала под оценивающим взглядом Джека. Конечно, он не хотел жениться на одной из его девиц. Эш ни на ком не хотел жениться, и еще меньше на какой-то женщине, которую никогда прежде не видел. Но в данный момент он хотел знать, что человек, который спас его от голода и жестокого обращения, человек, который был ему как отец, считал его вполне подходящим для этого.

— Возможно, — ответил Эш и задержал дыхание, пока Джек рассматривал его спокойным, твердым взглядом.

— Прости, Эш. Ты знаешь, ты мне как сын, но у меня большие планы на этих девочек, и ты не очень подходишь для них. — Выражение лица, должно быть, выдало Эша, потому что Джек добавил. — Ты не можешь стать моим зятем. Ты не отличаешься от меня — еще одна помойная крыса.

Эти слова как молотом отозвались в Эше.

— Понимаю.

Кивнув, он повернулся и направился прочь из комнаты, каждым шагом сапог по ковру все глубже вколачивая полученное от этих слов оскорбление.

Он действительно понимал. Теперь он все видел ясно. Джек отлично донес до него свое послание. Эш — недостаточно хорош и не заслуживает сохранить полностью себе империю, которую выстроил из двух разваливающихся игорных домов. Он просто не достаточно хорош, чтобы стать единственным наследником Джека.

Вот только никто не смеет говорить ему, что он недостаточно хорош. Что не может чего-то иметь, что бы ни сделал, что бы ни сказал, и как бы усердно ни старался. Эш доказал это за прошедшие годы.

И докажет снова.

Он может не хотеть жениться, но сделает это.

Эш получит одну из дочерей Джека, украдет ее прямо из-под его носа. Какого бы чертового герцога Джек не подыскал для нее, тот просто останется ни с чем. Потому что Эш не собирается проигрывать.

Ни за что.

Она была одета явно неподходяще к случаю.

Эта достойная сожаления мысль промелькнула в голове Маргарит, когда она вошла в гостиную Джека Хадли, чтобы присоединиться к своим сестрам. Ее отец, как проинформировал девушку дворецкий, был в данный момент нездоров, но позже присоединится к ним. В самый раз. В конце концов, она пришла сюда не ради него.

— Маргарит? — Старшая из двух девушек поднялась, ее изящные юбки заколыхались, когда она с легкой уверенностью двинулась вперед. — Я боялась, что ты не придешь. — Она жестом указала в сторону другой девушки, очень тихо сидящей с аккуратно сложенными на коленях тонкими руками. — Мы начали опасаться, что ты не захотела встречаться с нами.

— Конечно, я хотела встретиться с вами. Обеими.

«Особенно перед тем, как уеду».

Маргарит нехотя шагнула вперед, неуверенная, куда сесть.

— Проходи, садись. Я Грир, а это Клеопатра.

— Клео, — поспешно поправила та, чьи волосы были почти такими же темными, как у Маргарит. Мрачная улыбка скривила ее губы. — Моя мать немного с причудами.

— Ты живешь с матерью?

На кончике языка Маргарит вертелся вопрос, почему она здесь, если у нее есть мать.

— Да, и с отчимом, — гримаса пробежала по бледному лицу девушки. — И со сводными братьями и сестрами.

— Четырнадцать, ты можешь в это поверить? — вставила Грир, заправляя золотисто-каштановый локон обратно в свободно собранный пучок на затылке. Ее кожа была немодно загорелой, но даже это не скрывало россыпь коричневых веснушек на носу и щеках.

Грир наклонилась вперед. Дотянувшись до чайного сервиза, она наполнила чашку Маргарит.

— Четырнадцать? Как замечательно, — пробормотала Маргарит.

Клео пожала плечами.

— Не очень. Зачем еще я ответила на требование явиться от отца, который никогда прежде не стремился меня признать?

Маргарит медленно кивнула, ценя ее искренность и ощущая отголоски того же чувства, нахлынувшего на нее.

— Значит именно поэтому ты здесь?

— Поэтому мы обе здесь, — прояснила Грир. — У нас обеих ограниченные возможности. Клео устала быть одновременно прислугой, поварихой и нянькой, а я... ну, мне просто нужно было убраться подальше от дома. — Темные глаза Грир приняли отсутствующее выражение. Она потянула плотно облегающий рукав и почесала под ним запястье, что убедило Маргарит в том, что девушке было бы значительно удобнее в чем-то другом. — Мне надо было уйти давным-давно, но у меня никогда до этого не было возможности. И вот мы тут. А что насчет тебя? Ты останешься?

— Нет, это не входит в мои намерения. Я пришла, чтобы встретиться с вами обеими. — Маргарит прочистила горло, решив, что сейчас такой же хороший момент, как и любой другой, чтобы сообщить о своем намерении покинуть страну. — Прежде, чем я уеду.

— Уедешь? — спросила Клео. — Куда ты едешь? Ты же только приехала.

— Я уезжаю. Завтра. В Испанию.

— Испанию? Как волнующе. — Грир сделала большой плоток чая и потянулась за печеньем. — Я не уезжала из дома дальше, чем сюда. Будет справедливо предположить, что ты не стеснена печальными обстоятельствами, заставляющими тебя принять гостеприимство отца, который всю жизнь пренебрегал тобой? Хорошо тебе.

Маргарит вздрогнула. Она едва ли считала свои обстоятельства хорошими.

— Но что насчет сегодняшнего вечера? — спросила Клео, ее глаза стали светлыми от огорчения. — Ты не собираешься присоединиться к нам?

— Сегодняшнего вечера?

— Ты разве не получила мое письмо? — Клео покачала головой. Свет, льющийся сквозь окно, разделенное средником [\[6\]](#), падал на ее темные волосы, отчего они местами отливали синевой. — Джек дал мне твой адрес. Я послала письмо два дня назад. Думала, что ты поэтому приехала сегодня.

Маргарит сглотнула. Она выехала из пансиона вчера. После ужасного кошмара девушка стремилась быстрее покинуть пансион. Каждый раз, когда она бросала взгляд в угол арендованной комнаты, она ожидала снова увидеть темную, закутанную в плащ фигуру Смерти.

Кроме того, Роджер настаивал на том, чтобы разместить ее в отеле до их отъезда. Его сестры жили с ним в городе, так что едва ли было приемлемо останавливаться у него, но он жаждал начать играть роль благодетеля.

— Что будет сегодня вечером?

— Джек устраивает для нас небольшую вечеринку.

Улыбка Клео выглядела натянутой и нервной, как будто слова причиняли ей боль.

— О, называй все своими именами, — отрезала Грир, покончив с печеньем и стряхивая крошки со своих юбок.

— Я уверена, что мы сможем найти для тебя что-нибудь из одежды, — предложила Клео, в ее голосе слышалась надежда.

— Разве ты не слышала ее? — спросила Грир. — Она уезжает в Испанию. Не думаю, что у нее есть желание заманивать в ловушку мужа сегодня вечером, как, предполагается, будем делать мы.

Муж. Слово ножом прошло сквозь Маргарит, как петлей обвившись вокруг ее шеи. Мадам Фостер сейчас словно была рядом с ней, шепча на ухо: «Ты выйдешь замуж».

— Заманивать в ловушку мужа? — умудрилась вымолвить она пересохшими губами.

— Джек пригласил нескольких джентльменов познакомиться с нами сегодня вечером. Это будет особенный прием.

— Особенный, — фыркнула Грир. — Скорее аукцион для того, чтобы эти дворяне могли оценить нас как потенциальных жен. Вот почему он собрал нас. Он хочет выдать нас замуж за каких-то щеголей с голубой кровью, так чтобы он смог называть себя одним из них. — Она вздохнула. — Но перспектива удачно выйти замуж, безопасности... никогда больше не волноваться о крыше над головой... — Девушка твердо кивнула один раз. — Я была бы душой, если бы упустила такую возможность.

Маргарит стояла на дрожащих ногах, ее голова кружилась.

— Я должна идти.

— Ты же только пришла.

— Простите. Это не то, о чем я думала... чего ожидала.

— Маргарит, — Клео пристально взглянула на нее. — Не хочешь же ты сказать, что уедешь так скоро. Мы даже не успели познакомиться.

— Она белая, как привидение.

— Мне очень жаль. Я не могу остаться... Я вернусь...

— Когда? Ты же уезжаешь в Испанию, — напомнила ей Грир.

Она была права, конечно. Маргарит сделала успокаивающий вдох. Она уезжает в Испанию. Она не собирается выходить замуж. Не выйдет замуж. Нет нужды бросаться из комнаты, как испуганный заяц, при одном лишь упоминании мужа. Нет нужды реагировать так иррационально. Однако слово висело в воздухе. Это было чересчур, слишком близко... слишком опасно.

— Я навещу вас, когда вернусь. — Хотелось бы надеяться, что к тому времени отец оставит безумные намерения выдать ее замуж и удовлетворится более покладистыми Грир и Клео. Маргарит упрямо кивнула, отступая из комнаты. — Я должна идти. Берегите себя. Обе.

Она покинула их, намереваясь уехать прежде, чем встретится лицом к лицу с отцом, прежде чем услышит из его собственных уст о безумном эгоистичном плане.

Стоило ей выйти из комнаты, как сердце успокоилось. Она была уверена, что стоит ей выйти из дома Джека Хадли — ее пульс вернется в норму.

Проведя дрожащей рукой вниз по лицу, Маргарит направилась вниз по коридору. Она сделала всего несколько шагов, прежде чем почувствовала, что не одна. Половица скрипнула, и волосы у нее на затылке зашевелились.

Воспоминание вспыхнуло в голове: закутанная в плащ фигура из ее сна. Холодок пробежал вниз по позвоночнику. Сердце снова бешено заколотилось.

Девушка резко обернулась, намереваясь положить конец своим страхам, уверенная, что найдет не кого иного, как приближающегося слугу.

Темная расплывчатая фигура накинута на нее большой накатывающейся волной. Менее чем за секунду она была скручена руками, которые по ощущениям напоминали стальные оковы, а за ее спиной — кирпичная стена груди. Маргарит открыла рот, чтобы закричать, но смогла издать лишь короткий вскрик. Ее вопль был быстро пресечен, когда комок ткани нашел свой путь в ее открытый рот. Пытаться говорить было бесполезно.

На нее что-то набросили, завернув как в кокон. Пойманная, стреноженная, окутанная темнотой, девушка пиналась и цеплялась за плотную ткань, боясь, что задохнется.

— Ты уверена, что она одна из них? — прорычал мужской голос, бархатисто мягкий, несмотря на едкость слов.

Маргарит замерла при звуке этого голоса, холодок пробежал по ней и охватил ее сердце. Женский голос, напряженный и шепчущий, как потрескивающий пергамент, быстро заверил его:

— Да, да, она одна из них. А теперь бери ее и уходи. Иди, пока кто-нибудь не пришел.

Затем вернулся низкий голос, проникая в ее темный, пугающий мир. Она почувствовала его лицо, прижатое близко к ее голове, представила, что чувствует его дыхание рядом со своей щекой.

— Не шуми и не сопротивляйся. Чем быстрее мы выйдем отсюда, тем скорее я сниму с тебя это покрывало. Я не собираюсь пугать тебя, и в мои привычки не входит причинение вреда женщинам. Поняла?

Она отчаянно кивнула: что угодно, лишь бы снова дышать, избавиться от удушающей

ткани.

— Эш, уходи, пока кто-нибудь не пришел. Я не собираюсь терять свое место из-за тебя, не важно, как давно мы друг друга знаем. — Это снова была шепчущая женщина, служанка, без сомнения, нанятая помочь негодяю, который посмел проникнуть в дом ее отца и убежать с ней. Маргарит могла бы рассмеяться или заплакать от иронии. Ее первый день в качестве дочери Джека Хадли, в некотором смысле, и она подвергается похищению. Зачем?

— Так значит согласна? Ты будешь вести себя хорошо? — настаивал напавший на нее.

Хорошо себя вести? Как примерная маленькая жертва? Ее нрав закипал, и все же она снова кивнула. Перед глазами замелькали пятна. Маргарит пообещала бы что угодно, лишь бы ее освободили от удушающего покрывала.

Тут его голова отдвинулась, и девушку подняли на руки. Покрывало сдвинулось, слегка ослабилось, пропустило больше воздуха к носу, и дышать стало легче. У нее было чувство, что он очень высокий. Казалось, земля вырисовывается далеко внизу. Она, как могла, ухватилась за него через тяжеловесные слои ткани, покрывающие ее, молясь, чтобы не упасть.

Они двигались быстро. Прежде, чем девушка успела осознать это, холодный, влажный воздух закрутился вокруг ее свисающих лодыжек, и она поняла, что они снаружи. Паника поднялась в груди, охватывая ее. Его шаги зазвучали громче, как если бы отдавались от твердых булыжников. Она покинула дом отца. Именно то, чего хотела мгновения назад, только не при таких обстоятельствах.

Под множеством слоев ее покрывала девушка сумела поднять вверх руки и избавилась от кляпа.

— Боюсь, что произошла ужасная ошибка, — ее голос был все еще приглушен, но Маргарит была уверена, что он расслышал.

Мужчина проигнорировал ее и продолжал двигаться твердыми резкими шагами.

Она не позволит ему сразить ее молчанием.

— Я никто, ничто для Джека Хадли. Какую бы цель вы не преследовали, похитив меня, вы будете жестоко разочарованы.

— Ты — одна из его дочерей, — глухо прогрехотал низкий голос.

Утверждение, не вопрос. Маргарит воздержалась от отрицания. Его внутренний источник, служанка, полностью убедила его в этой истине, так что не было смысла отрицать.

— Едва ли. Я даже никогда не встречалась с этим человеком. Я просто зашла сегодня, получив его сообщение, чтобы встретиться со своими сводными сестрами. Я уходила, чтобы никогда не вернуться...

— Как я сказал, Джек Хадли — твой отец. Это все, что имеет для меня значение.

Когда он произнес это, она почувствовала в нем напряжение, в его твердом теле, держащем ее, таком сильном, таком большом, таком... мужском. Он укутал ее в покрывало и нес без малейшего намека на затруднения дыхания.

Он был рабочим. Должен был быть. Не было ни унции мягкости в теле, которое держало ее так близко.

После еще нескольких резких шагов они остановились. Маргарит слышала скрип двери кареты, и затем ее бесцеремонно свалили на мягкие сиденья. Когда дверь, хлопнув, закрылась, девушка начала рьяно освобождаться от своего покрывала. Сорвав с себя ткань, она глотнула воздуха и осознала, что окружающая обстановка немногим отличается от темного

мира всего мгновение назад.

Карета не была освещена. Шторки задернуты. Скучный свет пробивался в щель между ними. Даже ослепшая, Маргарит мотала головой, сдувая волосы, свободно спадавшие ей на лицо.

Ее пальцы сжались на покрытых плюшем сиденьях, зарываясь в них, пока не заболели суставы. Это был не двухколесный экипаж. Напротив нее виднелась большая тень сидящего мужчины, спокойного, как глыба мрамора, со слабо мерцающими во тьме глазами. Она замерла как дичь, пойманная его внимательным пристальным взглядом. Казалось, будто он мог ее видеть даже в этом гнетущем мраке.

Ее ноздри расширились. Девушка ощутила слабый запах мяты. От него? И что-то еще, что-то неопределимое, что заставило ее непонятным образом задрожать.

Довольно странно, что страх ускользал от нее. Она должна быть в ужасе. Ее похитили. Вместо этого она слышит только голос мадам Фостер, ее предсказания, звучащие в голове. Согласно всему, что та ей поведала, Маргарит не умрет в этот день. Слишком рано. Прошло недостаточно времени, и она не была замужем. Не пожила и не полюбила, как было предсказано. Она переживет еще одно Рождество. Это Рождество, Маргарит знала. Пока что она в безопасности.

Бесстрашная и спокойная Маргарит расправила плечи.

— Больше не заинтересованы в криках? — его голос прокатился по воздуху как колечки дыма от торфяного огня. Она вспомнила, что вероломная служанка звала его Эш^[7]. Подходяще. Мало того, что его голос тлел как угли, он заставил ее по необъяснимой причине почувствовать тепло внутри.

— Мне следует кричать?

— Большинство женщин стали бы.

— Я не большинство женщин.

— Я начинаю понимать это.

— Вы ничего не понимаете. Что хорошего может сейчас быть от крика? Он был мне выгоден только в доме Джека, когда у меня был заткнут рот. Сейчас это бессмысленно и скорее всего только подарит мне вкус вашего кулака.

Он мягко рассмеялся, низкий звук приласкал что-то незнакомое, находящееся глубоко внутри нее.

— Я никогда не ударю вас.

— Нет? — Она склонила голову набок. — Ваш голос звучал довольно угрожающе немногим ранее.

Маргарит почувствовала, как его плечо поднялось в темноте.

— Тогда мне нужно было, чтобы вы боялись меня. Теперь мне это не нужно.

Ее руки на коленях сжались в тугие кулаки.

— Так что вы просто посеяли страх перед насилием. И как по вашему, что хуже? Страх или реальность угрозы? — прежде чем у него появилась возможность ответить, она поспешила сказать: — Я жила с обоими и могу сказать вам, что разница небольшая.

Мужчина некоторое время молчал. Она слушала перестук копыт снаружи кареты, чувствуя, что он изучает ее.

— Вы — не то, чего я ожидал, — наконец произнес похититель, растягивая слова.

Она наклонилась вперед на сиденье и задала вопрос, который почти боялась спрашивать.

— А почему вы должны были чего-то ожидать от меня?

Они были никем друг другу. Незнакомцы. Хищник и добыча.

Он вдохнул, мягкий звук, глубокий и умозрительный для ее ушей.

— Уверяю вас, что я не причиню вам вреда.

— И почему я должна верить слову своего похитителя?

— Потому что я никогда не поднимал руку на женщину... и я умру жалкой смертью, прежде чем наброшусь на свою жену.

Жену. Она дернулась от этого слова, ощутив его на интуитивном уровне, словно удар в живот. Жар разлился по ее лицу, заставив зачесаться кожу. Маргарит пыталась проглотить невозможно толстый комок, образовавшийся в горле.

Голос мадам Фостер снова был тут, торопливо шепча у нее в уме, полный зловещего предупреждения. Медленно поворачивая голову из стороны в сторону, она облизнула онемевшие губы и сумела прошептать:

— Жену?

Так это оно? Ее неизбежная судьба? Вынудит ли он ее выйти за него замуж? Она полностью потеряла контроль над своей жизнью?

— Да. Мы с вами поженимся. Я приложил большие усилия, чтобы получить одну из дочерей Джека Хадли с этой самой целью.

— Никогда, — прошипела Маргарит, борясь с теплой волной дрожи, которую вызвал в ней его голос.

— Я уверен, вы увидите в этом преимущества.

Внезапно, страх, который избегал ее, страх, который казался таким бессмысленным минуту назад, нашел ее и окружил плотным кольцом, глубоко впивая в нее свои зубы.

В глубокой тени экипажа Эш наблюдал за женщиной, различая лишь ее размытый, затемненный абрис. Он расслабился, откинувшись на подушки, совершенно довольный, что отсрочил момент, когда она всецело предстанет перед его взором. Его будущая жена.

Ликование пробежало по телу при мысли о том, как легко он украл ее у партнера, того, кто сам стремился украсть у него все, его империю, созданную из двух рушившихся предприятий.

Оставалось надеяться, что она была, по крайней мере, весьма хороша собой. Не то, чтобы Эш женился на ней ради ее внешней привлекательности, но все же надеялся, что она хоть немного похожа на своего отца с резкими чертами лица.

Сидя напротив, дочь Джека, казалось, вовсе перестала дышать. Любопытство терзало его, в нем росло неодолимое желание увидеть, что же это за женщина, к которой он приковал себя. Перед тем как набросить на нее одеяло, он мельком увидел темные волосы, аккуратно собранные на затылке. По крайней мере, существовало хоть что-то, чего можно было ожидать от будущей жены. Ему нравились темные волосы, нравилось видеть их рассыпанными на своей постели, словно расплескавшиеся чернила, пропускать жидкую тьму сквозь свои пальцы...

Жена. Слово оставило плохой привкус на его языке.

Он никогда не думал жениться. В сущности, даже поклялся не делать этого. Его самые ранние воспоминания были о том, как ругались его родители, о том, как они раз за разом терроризировали и мучили друг друга, пока, наконец, не преуспели в этом, погубив друг друга.

Что до его сестры, то она была жертвой их маленькой войны. Не будь они столь одержимы гневом друг к другу, то могли бы заметить, что их дочь ускользает от них, страдая от рахита и постепенно умирая. Если бы они заметили, если бы это волновало их, то могли бы обеспечить ей должное питание, в котором она нуждалась, и могли бы спасти ее.

Эш избавился от неприятных воспоминаний и обратился к реальности. Накинуть хомут себе на шею — последнее, чего он желал, но его брак не будет таким, как у его родителей. Он не повторит их ошибки. Его никогда не охватит такая убийственная ненависть к женщине, что сидит столь неподвижно и безмолвно. Это невозможно. Чтобы питать такого рода ненависть, человек сперва должен чувствовать любовь. И эта любовь должна быть такой, какую испытывали его родители в начале.

Украдкой он посмотрел на ее неподвижную фигуру. Дочь Джека — его будущая жена. При этой мысли внутри все снова сжалось.

Ему лишь нужно напоминать себе, что этот брак поможет сохранить все, что он создал, и покажет Джеку то, что ему не следовало упускать из виду.

— Как вас зовут?

Ответом ему была тишина.

Теперь она собирается играть в молчанку? Еще недавно ее переполняли колкие слова.

— В итоге я его узнаю, — он пожал плечами, — что-то же должно быть вписано в журнал бракосочетаний, в конце концов.

— Вы не можете говорить это всерьез, — хриплый звук ее голоса расцарапал воздух.

Он согнул пальцы на бедре:

— Еще как могу.

— Почему вы хотите жениться на мне? Вы ведь даже не знаете меня.

— Не на вас конкретно. — Эш твердо решил быть откровенным с ней. Наипростейший способ избежать неловкости и разочарования. — Я решил жениться на одной из дочерей Джека Хадли.

— Тогда выберете другую. Разверните экипаж. Одна из моих сводных сестер, в сущности, может ответить вам согласием. Даже сейчас они готовятся на какой-то званый вечер, где встретят своих будущих поклонников...

— Кем меня явно не считают, — прорычал он, сжав руку в кулак. — Джек не одобряет меня как мужа ни для одной из своих драгоценных дочурок.

— Тогда в чем дело? Какая-то черная злоба, что вы питаете к моему отцу? — еле слышно пробормотала она нечто, что он не смог разобрать, на языке, который, как Эш подозревал, не был английским. Возможно, французский? Ее слова были слишком тихими, чтобы он мог определить. — Мир сошел с ума?

— А он когда-нибудь был в своем уме? — спросил Эш. Он решил, что мир уже очень давно далек от места, где царит логика, еще когда заблудился на улицах в нежном возрасте восьми лет. — Когда вы поразмышляете над этим, наша с вами свадьба едва ли покажется нелепой. Подходящей, возможно? Согласитесь, ни у одного из нас в жилах не течет голубая кровь аристократа.

Он уловил движение ее несогласно мотающейся головы.

— Я не выйду за вас замуж.

Эш втянул воздух, собирая воедино все свое терпение. Было справедливо ожидать, что ей понадобится небольшое убеждение, но как только она поймет преимущества, все ее протесты прекратятся, в этом он был уверен. Эш был деловым человеком и знал, как достигнуть благоприятного соглашения.

— Ваше согласие желательно, конечно же. Убежден, что вы будете...

— Желательно? — засмеялась она. Голос прозвучал судорожно и отрывисто в закрытом пространстве. — Думаете, я могу желать такой судьбы? У меня есть планы, и вам, сэр, не следует разрушать их.

— И какие же у вас планы? — Он был уверен, что на любой из ее планов сможет ответить куда лучшим предложением. Ему только нужно объяснить, что ей удалось подцепить завидного жениха, и что его карманы туго набиты деньгами, чтобы видеть ее в драгоценностях и атласе всю оставшуюся жизнь. — Я не без средств. Вы будете жить в комфорте. У меня великолепный дом в Сити, ждущий женского внимания и заботы.

Она фыркнула.

Эш нахмурился, видя перед собой лишь ее тень.

— Подумайте над моими словами. Положению, что я предлагаю вам, могли бы позавидовать многие женщины. Дом, безопасность, образ жизни, который, без сомнения, значительно превышает ваше настоящее положение. — От его внимания не ускользнула грубая шерсть ее платья, когда он держал ее. Едва ли самое изысканное или элегантно из гардероба. — И я не такой уж и противный. Мне говорили, что я даже привлекательный.

— Есть ли предел вашей заносчивости?

Его лицо обожгло — совершенно новое и неприятное ощущение. Он ненавидел это, эту... мольбу. Никогда прежде ему не приходилось просить о женской благосклонности.

— Я только лишь обращаю ваше внимание на качества, что могли бы быть

привлекательны для женщины, ищущей мужа.

— Вы не в состоянии понять меня. Я не ищу мужа. А вы разрушаете все! Завтра я уезжаю в Испанию. — В ее голосе звучало отчаяние. Даже несмотря на всю ее злость, голос был нежным. Ее стремительные гласные стали более заметными с досады, возможно, свидетельство французского происхождения. Вероятно, ее мать была эмигранткой. — Все приготовления сделаны. Прошу вас, отпустите меня.

Эш насупился. Все шло не так, как планировалось. Она нисколько не была любезной. Поверить только, он собирается взять в жены ту дочь, что не заинтересована в замужестве.

— Завтра мы будем на пути в Шотландию, — резко произнес он, все еще отказываясь отступить от своих намерений, уверенный в том, что сможет убедить ее, дайте лишь время.

— Шотландия, — сдавленно произнесла она так, как если бы это было лишение ей навязанное, словно он пугал ее Ньюгейтской долговой тюрьмой.

— Да. Это страна к северу от нас.

На его насмешку негодующий шипящий вздох слетел с ее губ.

— Вы не можете насильно увезти меня, тащить через всю страну и вынудить выйти за вас замуж. Сейчас не средневековье.

— На самом деле, я мог бы... но в этом нет необходимости.

Деньги, как узнал Эш, в сочетании со значительной долей обаяния могут завоевать практически все, что угодно.

Он был уверен, что мог бы убедить ее выйти за него замуж. Ему никогда бы не удалось купить прииск в Уэльсе без своей силы убеждения. Продавцы были очень даже против, чтобы шахту приобрел чужак со стороны. Он преодолел ту проблему, так же преодолет и эту тоже.

— Мой отец...

— Как только дело будет сделано, его это волновать не будет, — закончил он. — Он довольно старомоден и решит, что вы всецело и искренне моя, как только мы поженимся. Я его знаю. Этим все и закончится.

— Ничего этим не кончится, потому что этого не произойдет!

С этим полным гнева возгласом она подлетела к двери повозки.

Эш быстро двинулся вслед за ней, таща ее назад, она же тянулась к задвижке на двери, дикое животное в его руках. Он бросил ее на сидение. Изогнувшись, она повернулась к нему и внезапно набросилась, извергая проклятия на французском.

Он сильнее обхватил ее хрупкую фигурку, сжав ее в своих руках, пока они падали на пол экипажа.

Она пыталась освободиться от него и вскарабкаться на ноги, но Эш сцепил руки вокруг нее, поймав в ловушку ее острые маленький кулачки, так что они оказались зажаты между их телами, он крепко прижимал ее к себе. Она извивалась и ерзала, ее юбки обернулись вокруг его бедер. Эш ничего не мог поделать с собой и принялся оценивать женщину в своих руках.

Она была маленькой. Стоя не достала бы ему до плеча, и, тем не менее, фигура у нее была привлекательной, мягкой и округлой там, где нужно. Она все еще боролась с ним, добившись лишь того, что теперь он ощущал ее нежное тело, прижатое к его собственному, и ее грудь снова и снова касающуюся его, до того, что ему пришлось сдержать стон.

— Ты только сама себя измотаешь — хрипло прошептал он.

— Отпустите меня, — взмолилась она, голос ее прозвучал сдавленно, и Эш испугался, почувствовав приближающиеся слезы.

— Вы намереваетесь выпрыгнуть из движущейся кареты? Хотите искалечить сама себя? Могу вас уверить, что со сломанной шеей далеко вы не уйдете.

Он слегка встряхнул ее, давая возможность словам достигнуть ее сознания. У него не было никакого желания связывать девушку по рукам и ногам, это было бы неудобно, не говоря уже о том, что это просто варварство, но он сделает все, что должен будет, чтобы удержать ее от нанесения увечий самой себе.

Она застыла, ее теплое дыхание приятно щекотало его лицо.

— Хорошо, — прошептала она осипшим голосом. — Я спокойна. Я не выпрыгну.

Его грудь неприятно сдавило от звука ее обиженного голоса. Обдумывая этот план, Эш не придавал ей самой большого значения. Она была просто одной из незаконнорожденных дочерей Джека. Но теперь, здесь, он столкнулся с ней настоящей.

Вздыхнув, он смягчил свой голос и произнес:

— Просто выслушайте мое предложение...

— У меня есть любовник, — выпалила она. — Я являюсь любовницей одного мужчины и завтра уезжаю в Испанию с м-моим покровителем.

Его грудь поднялась от резкого вдоха, таких слов Эш не ожидал. Разочарование пустило корни глубоко в его душе, обосновываясь там подобно тяжелому камню.

— Вы... содержанка?

Чувство, которое он не смог определить, быстро сменилось осознанием того, что ему ничего не известно об этой женщине: ни ее имени, ни ее лица, ни даже намек на то, кем она является. Ему не приходило на ум, что она могла находиться в затруднительном положении. Эш выпустил ее запястья из своих рук и отпрянул от нее. Соскользнув с его груди, ее руки упали, и она быстро поднялась на ноги на другой стороне повозки.

В его голове пронеслась шальная мысль, что ему следует вернуть ее и забыть страстный и нежный голос. Затем он услышал голос Джека, твердый и лишенный каких-либо эмоций, рассекавший его мысли, который объяснял, что Эш недостаточно хорош, чтобы быть его наследником. Не достаточно хорош...

Теперь больше, чем когда-либо, он был убежден, что их брак будет для нее благом. Для них обоих. Это спасло бы ее от положения любовницы на содержании какого-то мужчины и дало бы ей право на законную жизнь. Он предлагал ей свободу. Ему просто нужно заставить ее понять это.

— Вы не едите в Испанию, — начал Эш, его голос был тихим, но твердым, — больше не едите. Теперь вы путешествуете со мной в Шотландию. По дороге туда вы поймете, что я предлагаю вам кое-что, что ваш покровитель никогда вам предложить не сможет.

В этом он ее убедит.

— И что же это такое?

— Свободу. Средства, чтобы быть независимой женщиной, идти, куда вздумается, делать, что захочется.

Мгновение Маргарит молчала, и он знал, что она заглотила наживку. Она слушала, возможно, в первый раз.

— Вы не планируете заставить меня силой выйти за вас замуж...

— Мне не придется делать этого, — ответил он. — Вы увидите здравый смысл в этом. Мы воспользуемся путешествием, чтобы лучше узнать друг друга. — Эш услышал, как она вздохнула и почувствовал, как ее вздох отозвался в нем. Хороший знак. Она уступала. Еще одна приманка — и дело будет сделано. Он был уверен в этом. — Нам нет необходимости

даже довершать брак, деля постель. Это будет притворством. Через несколько месяцев вы можете идти, куда вам вздумается... полностью обеспеченной.

— Несколько месяцев, — эхом повторила она.

Ошибки быть не могло, он слышал неодолимое желание в ее голосе.

— Окажите себе услугу, не торопитесь и подумайте над моим предложением во всяком случае.

Голос лился спокойно и тихо, несмотря на все напряжение, пронизывающее его в ожидании ее ответа.

— Хорошо, — наконец прошептала она. — Я подумаю над этим.

Эш откинул голову на сидение.

— Вам следует отдохнуть, пока мы не доедем до гостиницы, — предложил он, чувствуя внезапную усталость, а вовсе не триумф, которого ожидал, услышав от нее почти согласие.

Все пошло не так, как он думал... не то, чтобы Эш много задумывался о том, как они могли вести себя друг с другом... или о ней вообще. Он определенно не учел, что она может принадлежать другому мужчине. Неосознанно его рука сжалась в кулак.

— Когда мы остановимся?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мы поздно выехали. Уже почти стемнело. Остановимся прямо за городом. Осталось не так долго.

Потом все будет лучше, поклялся он. Эш отвернулся и устремил взгляд сквозь тонкие занавески на окне, наблюдая, как темные фигуры пролетают мимо. Должно быть лучше. Он не мог принять поражения. Не в этом случае. Хоть он и не мог принудить какую-то женщину выйти за него замуж против воли, он не сдастся до тех пор, пока не убедит ее согласиться стать его женой.

В воображении он представил вечер впереди. Они обменяются любезностями и придут к согласию, что еда просто чудесна, а потрескивающий огонь дарит уют и согревает воздух. Он будет развлекать ее, следуя нормам приличия, очаровывать ее, сделает комплимент прекрасным глазам,... будет ухаживать за ней, чтобы в итоге она сама упала в его объятия и вышла за него замуж без лишней суеты и возражений.

Нет никакой причины, чтобы что-то между ними пошло не так, и события не приняли дружеский характер. Эш вздохнул и расслабился, откинувшись на спинку сидения, позволяя видениям о браке заполнить его мысли. Он сам почти верил им.

Глядя на тень мужчины, который насильно увез ее, Маргарит не могла отрицать правду и дальше. Она больше не лгала себе и не притворялась. Вот он, здесь, столь же пристально смотрит на нее в ответ. Все указывало на это. Знаки, которых невозможно было избежать и не заметить. Они были столь же отчетливы, что и крепкое мужское тело человека, сидящего напротив. Действительность устремила на нее свой холодный взгляд.

Мадам Фостер не обманывала.

Но в тоже время Маргарит сопротивлялась этой горькой правде, она припомнила кое-что, что женщина сказала ей в своей шумной гостиной. Нечто, что дало Маргарит надежду и решимость, побуждающую помешать негодяю, который сидел напротив и был столь уверен в ее поражении:

«Судьба ни одного человека не высечена на камне. Решение, принятое за один миг, способно изменить ее ход».

Маргарит сделает это, она изменит свою судьбу, сделает все, что в ее силах, чтобы

воспрепятствовать тому будущему, которое предрекла мадам Фостер. Она должна. Чего бы это ни стоило, она не выйдет замуж за заносчивую скотину с завораживающим голосом. И пока этого не случится, она будет в безопасности. Этого, прежде всего прочего, не должно произойти. Пусть считает, что она приняла его предложение все обдумать. Если он будет рассчитывать на ее уступчивость, то сбежать от него будет легче.

Они сидели в тишине. Маргарит раскачивалась в такт движущейся повозке, покусывая кончик большого пальца, грызя его так, как, бывало, делала, когда была ребенком. Первый раз возле постели своей больной матери, затем позже, замерзшая и голодная, а зачастую и нездоровая, когда спала в крошечной кроватке на втором этаже Пенвической школы для добродетельных девочек.

Она снова чувствовала себя также: не больной, но замерзшей, беспомощной. Судьба, которую она не выбирала, окружала ее, душа в жутком непроглядном тумане.

Это не повторится вновь, поклялась Маргарит. Никогда снова не произойдет.

Она больше не беспомощный ребенок, а взрослая женщина, и не собирается умирать, так и не ощутив полноты жизни.

Маргарит не могла верить его обещанию о временном формальном браке. Ни на миг. Слишком многое зависело от того, говорит ли он правду или же лжет. Она не ожидала ничего хорошего от человека, который посмел похитить ее. Пусть думает, что она сдалась, что согласна принять его нелепое предложение, а затем, когда его бдительность ослабнет, она оставит его ни с чем, полностью поверженным.

У нее было все, что она планировала для себя: приключение, страсть, впечатления, которые она никогда не позволяла себе.

Жизнь. Наконец-то, у нее была жизнь.

Невероятно, но Маргарит задремала, привалившись к стенке экипажа. Ее сон был беспокойным, время от времени, она просыпалась от толчков, когда колеса кареты попадали в выбоину на дороге. Маргарит разлепляла веки и оценивающе смотрела на тень на другом конце повозки — едкое воспоминание, что она находилась далеко от своей безопасной постели в отеле Давентри, что ее увезли далеко от путешествия в Испанию с Роджером и приключения всей жизни, которое она обещала себе.

Воспоминание о голосе ее похитителя, глубоком и низком, обволакивало ее — реакция, причиняющая беспокойство и сбивающая с толку. Почему ей следует чувствовать что-то, кроме страха к безликому незнакомцу, который вознамерился сделать ее своей женой? Он представлял все то, чего она должна избегать.

Напомнив себе, что они были не так далеко от Лондона, Маргарит стерла остатки сна со своих глаз. Она все еще могла добраться до своего отеля ко времени завтрашнего отъезда. Роджер говорил, что заедет за ней в полдень. Украдкой она взглянула на темный абрис напротив. Он сидел неподвижно, словно камень, но Маргарит не стала обманывать себя. Она знала, что он не спит и, вероятно, все это время наблюдал за ней. Кот, следящий за своей добычей. Корни волос на затылке покалывало. Это было довольно глупо, но она задавалась вопросом, видит ли он ее? Способен ли его взгляд пронзять тьму, подобному взгляду одного из хищных чудовищ?

Когда повозка наконец-то замедлила ход, она подалась вперед, сразу насторожившись и приготовившись сбежать при первой же возможности, и не важно, что воспоминание о его голосе обрушилось на нее и подобно жидкому жару, осело внизу живота. Маргарит сказала себе, что это происходило лишь из-за ее решения отказаться от пристойного поведения и бросится в объятия чувственного удовольствия, которое пробудило эту скрытую часть ее сущности. Ничего больше. И не он конкретно. Боже, конечно же нет. Она даже не видела его лица.

— Где мы? — спросила она в тот самый момент, когда извозчик открыл дверь.

Внезапный порыв холодного ветра ворвался внутрь экипажа. Маргарит была без пальто, а ее шерстяное платье представляло собой скудную защиту. Зубы тут же застучали, и она крепко обхватила себя, стискивая руки.

Ее похититель двигался, как дикий кот, подтверждая тот факт, что на самом деле не спал и минуты. Двигаясь плавно, он вышел из экипажа и повернулся, протягивая руки, чтобы помочь выбраться ей. Он опустил ее на землю без усилий, где Маргарит за краткий миг смогла оценить, каким же все-таки высоким он был, до того как похититель повернулся и потащил ее к ожидающей гостинице с мерцающими окнами, что сулили свет и тепло.

Маргарит сделала глубокой вдох, втянув ледяной воздух, приготовившись к тому, что, как она знала, должна сделать, тогда как ее ноги, одна за другой, ступали по слякоти.

Она приподняла юбки, холодные грязные брызги летели на ее икры, минуя полуботинки. Глубоко вздохнув, Маргарит остановила взгляд на двойных дверях гостиницы. Она могла сделать это.

В мыслях она четко представила всю картину: она поднимет переполох, выложив все первому человеку, которого увидит по ту сторону дверей. В считанные минуты прибудет

должностное лицо, сжимая в поддержке ее руку, в то время как ее похитителя потащат в тюрьму.

Ей почти стало жаль его. Она почти чувствовала вину за то, что нарушила свое слово, обещав ему время, чтобы дать убедить себя в том, что выйти за него замуж — хорошая идея. Почти — если бы только ее счастье и сама жизнь не были поставлены на карту. Но время — это как раз то, чего у Маргарит не было.

Пока он вел ее по оставшейся части двора, она взглянула на его профиль, погруженный в густой покров ночи. Мерцающий свет фонарей, висящих возле гостиницы, едва ли способен был помочь.

Залаяла собака, спеша поприветствовать их. Кровь застучала в скованных холодом венах Маргарит, пока она прокручивала в мыслях различные внушающие ужас заявления, способные всполошить любого к действию.

Она отчетливо представила себе троих очень больших и на вид весьма недоброжелательных мужчин, сидящих в гостинице. Именно тот сорт мужчин, которые любили их матерей и обладали глубоко укоренившимся защитным инстинктом по отношению к прекрасному полу. И вот она уже видит, как они поднимаются на ноги, спеша к ней на помощь.

— Пойдите.

Он потянул ее за руку, заставляя остановиться.

Маргарит моргнула, устремляя взгляд на его неясный силуэт, и пытаясь расшифровать его намерение. Звук легкого хлопка раздался в воздухе. Она вскинула голову, узнав звук, но не вполне понимала, к чему это. По крайней мере, до тех пор, пока он не опрокинул на нее бутылку джина.

Он откупоривал бутылку.

Маргарит закричала, когда алкоголь пропитал перед ее платьем, просачиваясь сквозь сорочку до самых костей. Непереносимый запах наполнил воздух, обжигая ноздри.

— Простите меня, — произнес он, закрывая бутылку, при этом в голосе его не было и следа раскаяния. — Это превентивная мера.

— Что вы делаете? — требовательно произнесла она сквозь сжатые зубы. — Вы погубили мое платье.

— И, как полагаю, вашу способность внушать доверие тоже. Я не намерен рисковать, позволив вам лепетать о том, что я похитил вас. В молодости я уже пару раз побывал за решеткой. И это не тот опыт, который доставляет удовольствие, чтобы я вознамерился пережить его заново.

Она что-то бормотала, пытаясь подобрать слова. Мог ли он прочитать ее мысли? Как он смог понять ее намерение увидеть его упрятым за решетку?

Он продолжил:

— Стоит лишь вам навалиться с жалобами на сочувствующего слушателя, как мне, к своему стыду, придется признать, что моя жена в стельку пьяная, — произнес он с насмешкой. — Слышали ли вы когда-нибудь подобное? Так неудобно. Но это же болезнь на самом-то деле. Даже не знаю, что мне с ней делать.

— Вы не посмеете!

В сумраке он взмахнул рукой, обводя ее силуэт:

— О, уже все сделано, любовь моя.

Любовь моя. От этой не содержащей в себе ничего нежности ее кожа покрылась

мурашками. Этот хам был незнакомцем, ее противником. Его могучий голос и пустые нежности не должны взволновать ее ни в коей мере.

— Никто не поверит в такую чушь! Я не пьяница.

Снова сжав ее руку, он легко произнес:

— Почему это так сильно беспокоит вас? Вы обещали мне, что выслушаете меня и дадите время, чтобы познакомиться поближе. Если только вы не солгали и не планировали все это время сбежать от меня.

Она плотно сжала губы, не желая признавать, что так оно и было, и что именно это она и надеялась сделать, испытывая отвращение к самому факту, что должна была почувствовать угрызения совести.

Ее тюремщик большими шагами направлялся к гостинице, его длинные пальцы сомкнулись вокруг ее запястья. Маргарит, спотыкаясь, следовала за ним. Она пыталась вернуть самообладание и не показаться пьяницей, какой он стремился изобразить ее.

Весь перед ее платья был насквозь мокрым, и Маргарит била дрожь, когда они вошли в теплые пределы гостиницы. Однако она подозревала, что дрожит скорее от злости, нежели от холода.

Ступив в большую, хорошо освещаемую комнату, она заморгала словно крот, вынырнувший из-под земли. Обводя вокруг взглядом, она пыталась найти дружелюбное лицо, кого-то, кто мог бы помочь ей.

Взгляд ее остановился на человеке с веселым лицом, он был почти настолько же круглым, насколько и высоким. Человек приближался к ней, идя вразвалочку, что, должно быть, было вполне быстрым темпом для него. Он вытер свои мясистые руки о фартук, воскликнув:

— Добро пожаловать, мои прекрасные друзья!

Маргарит открыла свой рот, чтобы обличить животное подле себя, самого низкого из всех негодяев, похитителя невинных. С этими пылкими словами, горящими на кончике языка, она повернула лицо к обвиняемому, готовая вынести ему приговор до того, как он примется лгать на ее счет.

Рот ее был открыт, слова готовы были сорваться с губ, Маргарит застыла. Она лишалась слов, лишь неотрывно смотрела.

Выражение, застывшее на его лице, отражало ее собственное удивление. Или это был страх?

К этому времени владелец гостиницы уже подошел к ним, но они так и продолжали немигаючи смотреть друг на друга. Темный взгляд ее похитителя бродил по ней так, словно тот никогда прежде не видел стоявшей перед ним женщины.

Это был он. Он. Человек из Сент-Джайлза.

— Кортленд, — прошептала она.

— Маргарит, — сказал он в ответ, произнеся ее имя еле слышно, она едва расслышала его.

Теперь причиняющее беспокойство действие его рокошущего голоса обрело смысл. Тоже самое было тогда, когда он прижался к ней, когда настолько интимно прикоснулся и говорил почти в самое ухо. В какой-то момент она должна была узнать его. Она должна была знать.

— Ты, — прошипела она.

Маргарит замотала головой так, словно испытывала головокружение, стараясь изо всех

сил сопоставить мерзавца из Сент-Джайлза с этим человеком, заявившим, что обладает огромным состоянием. Состоянием достаточным, чтобы склонить ее к браку, по крайней мере, так думал он.

Он моргнул, и какую бы эмоцию она в нем не пробудила — та уже испарилась. Он холодно взирал на нее своим темным взглядом, свет померк, утих. Самообладание вернулось к нему.

— Конечно, дорогая, — произнес он успокаивающим голосом, в котором слышалось осуждение страдающего мужа. Она проследила за его взглядом, который был направлен на полные настороженности глаза владельца гостиницы. — Как и всегда, это я. Возле тебя.

Сразу же поняв, что он пытается начать свой обман, изобразив, что они женаты, Маргарит резко выдернула свою руку.

— О, нет, ты не сделаешь этого, — прошипела она низким голосом.

Она ринулась к хозяину, желая объяснить свое непростое положение, но Кортленд наступил ей на подол, его ботинок твердо удерживал ее на месте.

Она пошатнулась, закачалась из стороны в сторону, стараясь восстановить равновесие и выдернуть свой подол. И вдруг уже ничто не сдерживало ее. Он убрал свой ботинок с кромки ее платья, и она упала прямо на владельца гостиницы. Без сомнения, это было спланированное действие, чтобы заставить ее выглядеть еще более неспособной твердо стоять на ногах.

— Уухх! — воскликнул хозяин.

— Мне очень жаль! Примите мои извинения, — пролепетала она. — Это из-за него я упала, он заставил меня... — ее голос оборвался, когда она взглянула в лицо владельца.

Он зажал рукой нос, нестерпимый запах, исходящий от нее, определенно поразил его. Владелец гостиницы положил свои маленькие толстые ладони на ее руки и быстро отстранил от себя.

— Ну, ну, будет. — Он смерил их суровым взглядом. — Не знаю, какого рода заведением вы полагали я тут управляю...

— Вы должны простить мою жену, — начал Кортленд, голос его был успокаивающим и проникновенным. Совсем на него не похоже. Маргарит уже очень хорошо это знала, — мы вернулись с празднования девяностолетия моей двоюродной бабушки. Милая старушка, трудно поверить, что она все еще в форме. Ходит в деревню и обратно каждый день. Даже церковь посещает по воскресеньям, конечно, если позволяет погода, а это приличное расстояние. У моей жены трудности с самоконтролем, когда дело доходит до алкоголя. Это битва длиною в жизнь. Но что я могу поделать? Я женился на ней, когда она была совсем юной. Я делаю все, что могу, чтобы защитить ее от демонов, но не в силах стоять на страже каждую минуту...

Маргарит захлебнулась от возмущения, ее ногти вонзились, причиняя боль, в нежную кожу ладоней. Что за спектакль! Ему бы на сцене выступать.

— Ты, мерзавец! Негодяй!

Владелец гостиницы смотрел на них широко раскрытыми глазами.

Подлец же со своими ясными темными глазами даже умудрялся выглядеть сокрушающимся и невинным, точно ангел, когда покачал своей головой. Будь он проклят!

— Обещаю, если вы сдадите нам комнату на ночь, мы не причиним беспокойства и уедем с первыми лучами солнца. Сладкоречивый дьявол вытащил большой мешочек монет из-под плаща и потряс им перед хозяином. — Я щедро вознагражу вас.

Тучный владелец облизал губы и схватил мешочек.

— До тех пор, пока вы не беспокоите других постояльцев.

— Конечно. Госпожой, определенно, овладеет сон в тот же момент, когда она коснется подушки. Так происходит в большинстве подобных случаев.

Оживленно и деловито кивнув, хозяин повел их наверх по узкому ряду ступеней. Ее тюремщик крепко сжимал ее руку, продолжая вести беседу и, невзирая на протесты Маргарит, он тихо говорил что-то о праздновании дня рождения своей двоюродной бабушки и изображал себя настоящим святым, безмерно терпеливым и преданным своей жене-алкоголичке.

У двери в их комнату владелец оставил им лампу, давая совет на прощание:

— Похоже, вам следует быть с ней построже, именно это ей от вас и нужно.

Кортленд, как ни странно, соблаговолит показаться застенчивым, слабо улыбаясь. Это выражение было настолько фальшивым, почти нелепым на его лице, лице, высеченном из камня.

— Порой я и в самом деле позволяю своим нежным чувствам к ней стоять на пути благоразумия.

— Твердая рука, вот что ей нужно, ваша ли или же в лечебнице для таких, как она.

— Я подумаю над этим.

Жалкий человечиска! Маргарит дико озиралась по сторонам. Всякая вина за ложь, за то, что изменила своему слову, обещав подумать над его предложением о замужестве, исчезла. Она осматривала комнату, останавливая взгляд на кувшине, стоящем на столике. Маргарит дернула руку, освобождаясь от хватки своего так называемого мужа.

Кортленд выпустил ее, тихо захлопнув дверь, отгородив их от остального мира.

На этот раз никаких масок, никакой неясности, покрывающей их. Лишь они вдвоем. Маргарит находилась в спальне, наедине с очень большим и сильным мужским намерением втянуть ее в судьбу, которой она стремилась избежать. И она почти сказала ему, что подобная судьба была приемлема для нее. Конечно, это было до того, как она поняла, что он был мерзавцем из Сент-Джайлза. До того, как он облил ее джином. Она определенно могла не выходить за него замуж.

Взглядом Маргарит поедала выщербленный кувшин, будучи более рассерженной, чем когда-либо чувствовала себя в этой жизни. Ее дрожащие руки сомкнулись вокруг тяжелого фарфора, пальцы сжали изогнутую ручку.

Резко обернувшись, она запустила в него кувшин.

Его глаза расширились, он резко пригнулся. Кувшин разбился вдребезги о стену.

Со стоном разочарования Маргарит обводила комнату взглядом в поисках другого подходящего предмета. К несчастью, у нее не было времени, чтобы воспользоваться чем-нибудь еще, он схватил ее за талию и оторвал от пола. Воздух вырвался из ее легких сильным порывом, когда его плечо вонзилось в живот. Она колотила его по плечам, спине, повсюду, куда только могла дотянуться. Он шагал с ней по комнате, волоча, словно куль зерна, все ее попытки не оказывали на него ни малейшего эффекта.

Он швырнул ее на кровать.

— Довольно, — прорычал он, нависая над ней, на его лице отразилась темная злоба.

За исключением этой злости, не было ничего, что умяло бы его поразительной внешности. Ее сердце предательски замерло, сжимаясь в груди.

Глядя на его слишком красивое лицо, Маргарит вжалась в мягкий матрас, и это заставило вспыхнуть внутри нее совершенно новый вид паники.

Грубые и резкие слова слетели с его прекрасно очерченных губ:

— Я пообещал владельцу, что присмотрю за тобой, и не испытываю удовольствия при мысли провести ночь в карете, когда, по твоей милости, нас вышвырнут отсюда.

— До твоего удовольствия мне дела нет!

Глаза его сузились, напоминая узкие щели, что ничуть не уменьшило их сверкающей темноты. Он сжал челюсть так, что мышцы туго натянулись на его скраденной полумраком плоти.

— Ты обещала подумать над моим предложением. Я намерен проследить, что ты сдержишь слово.

— Я передумала. У меня есть планы, жизнь... — она билась под тяжестью его тела, слегка задохнувшись на этих словах, ощутив боль в груди. — Жизнь, которую я собираюсь прожить. — Хорошо прожить. — Ты разрушаешь все!

Его взгляд медленно скользил по ее лицу, не упуская ничего. Маргарит отпрянула от него, не желая, чтобы он разглядел в ней хоть что-то.

— Это из-за той чертовой поездки в Испанию? — требовательно спросил он. — У меня достаточно средств, чтобы ты могла наслаждаться этим бесчисленное количество раз. Выходи за меня — и можешь ехать куда угодно, не будучи никому обязанной.

Она помотала головой, лежа под ним на кровати.

— Ты не понимаешь. — У меня нет времени. Решив попробовать более мягкий подход, она облизала пересохшие губы. Вспомнив его имя, Маргарит прошептала: — Эш, пожалуйста. Ты должен отпустить меня. Ты не понимаешь, насколько важно...

— Тогда это из-за любовника?

Он плотнее прижался к ней. Его твердая грудь вздымалась, заставляя ее сжаться. Щеки Маргарит вновь запылали от их столь нескромной позы. Она окинула взглядом широкую линию его плеч, его напряженную под пиджаком грудь. Девушка моргнула и закрыла глаза, плотно сжимая веки, она пыталась противостоять его физической притягательности. Но, как только она открыла их, его облик вновь с полной силой поразил ее, вызывая дрожь. Воспоминание о его силе, неограниченной и грубой, свидетелем которой Маргарит была на улицах Сент-Джайлза, охватило ее мысли, так что дыхание сперло в горле.

— Так ты его любишь? — он понизил голос, поднеся свое лицо ближе к ее шее. Она задрожала от теплого дыхания, с которым его слова коснулись ее кожи. — Это так? Ты боишься, что он не станет ждать тебя? Что спустя несколько дней возьмет в любовницы другую? Повезет ее в Испанию, тогда как от тебя ни слуху, ни духу?

Она задержала дыхание, не уверенная, как следует ответить. Должна ли она заявить о своей любви к Роджеру? Утверждать, что и он, в свою очередь, влюблен в нее. Что за мужчина, в конце концов, захочет жениться на женщине, которая изнемогает от любви к другому.

Она внимательно смотрела на него, изучая тени, мелькавшие на его лице, танцующие на суровых чертах. Нос, который, должно быть, был сломан когда-то. Рот чувственный и манящий. Резкий контраст с его твердым взглядом.

Слишком плохо, что он хотел жениться на ней.

Непрощенная мысль посетила ее. Что, если бы он не желал жениться на ней, тогда она могла бы использовать его, чтобы воплотить в жизнь все свои желания. Он был безупречным

экземпляром. Его прикрытые глаза сушили все виды запретных познаний. Один лишь мимолетный взгляд в эти глаза — и Маргарит чувствовала себя затянутой, покоренной, вовлеченной во что-то темное и безмерно глубокое. Мужчина, подобный ему, мог бы научить ее паре вещей о страсти. Даже в его имени был намек на порочность... Эш.

Лежа под ним вот так, когда его полное жизни тело прижималось к ней, Маргарит чувствовала себя более живой, чем когда-либо за долгие годы. Этого было достаточно. Очарование достаточно для того, чтобы позволить сумасшествию охватить ее и, завладев ею, побуждать изгибаться под ним, направляя всю себя к его теплему крепкому мужскому телу.

Он склонил свое лицо, всматриваясь в нее, изучая ее также, как она изучала его. Своим пальцем, что лежал у ее подбородка, он приподнял, а затем наклонил в сторону ее лицо.

— Я не вижу в тебе ничего от Джека, — улыбка подернула его губы, губы которые опускались к ней, приближаясь все ближе. — Что даже к лучшему. Я не намерен думать о нем прямо сейчас.

Его палец скользнул к уголку ее рта, легко коснувшись верхней губы. Она задрожала, испытывая странную боль и нестерпимое желание, идущее из самого центра ее существа.

Неужели таков был план? Соблазнить ее наинейнейшим прикосновением? Именно так он намеревался убедить ее выйти за него замуж?

Ее тело зазвенело, каждый нерв неистово завибрировал, как если бы она могла воспламениться.

Он коснулся ее верхней губы, нежно поглаживая, кончик его пальца проник в ее рот — лишь едва уловимый намек, но этого было достаточно для нее, чтобы Маргарит смогла ощутить его вкус.

— Думаю, мы чудесно поладим друг с другом, — его хриплый голос расцарапал воздух. — Это не будет таким уж плохим соглашением ни для тебя, ни для меня.

Никакие слова не способны были настолько действенно охладить ее пыл, как эти. Он тут же напомнил ей о своем желании жениться — судьбе, что для нее была равносильна смерти.

Она резко дернула головой, отворачиваясь от его соблазняющей руки.

— Убирайся.

Его глаза сузились от тона, которым она произнесла это, но он не двинулся, оставаясь неприступной стеной, возвышающейся над ней.

— Что? Без выбора? Можно подумать, что раньше ты никогда свободно этим не занималась.

Щеки ее запылали.

— Свободно занималась с мужчиной, которого выбрала сама. Тебе им никогда не стать.

— Ты можешь удивить сама себя. — Его губы искривились, обнажая зубы. — Прежде меня не отвергали.

— Ну, зато отвергли сейчас.

— Я еще не начинал пытаться, моя дорогая.

— Выглядело так, будто только что попытался.

— Что? Это? — Он окинул взглядом несуществующее пространство, разделяющее их тела, и тихо засмеялся. От этого звука крошечные волоски на затылке Маргарит встали дыбом. Все в нем волновало ее, касалось ее, ласкало ее без самого прикосновения. — Едва ли это можно назвать попыткой обольщения. Его ты бы узнала. Я могу быть очень

убедительным, уверяю тебя.

Она фыркнула и еще раз толкнула его в грудь.

— Что, скажи на милость, заставляет тебя думать, будто я захочу, чтобы какой-то мерзавец из Сент-Джайлза касался меня своими руками? — слова потоком срывались с ее губ.

Как бы сильно Маргарит не намеривалась оскорбить его, быть даже жестокой, ее грудь неприятно сдавило при взгляде на его лицо. Она словно ударила его. Вспышка эмоции промелькнула в его темных глазах, а затем исчезла, оставив непроницаемую черноту вместо себя. Его лицо вновь стало холодным — бесчувственный мрамор.

Он поднялся, оторвавшись от нее, словно не мог вынести соприкосновения. Пока он направлялся к двери, она скатилась на край кровати и поднялась на ноги, ненавидя себя за то, что ноги ее не способны прочно устоять на полу.

— Куда ты идешь?

— Какое тебе дело? Я же просто какой-то первобытный человек. Дикарь из борделя.

Она вздернула подбородок.

— Мне есть до этого дело, пока это имеет ко мне отношение.

— Мы уедем на рассвете. Это единственное, что тебе нужно относить к своей персоне. — Его голос прозвучал резко. — Поспи немного, а то выглядишь так, будто вот-вот свалишься без сил. — Он толкнул дверь и остановился на миг в проеме, глядя в сторону, чтобы избежать встречи с ее взглядом, его профиль запечатлелся в струящемся полумраке:

— Ты обещала подумать над моим предложением. Я намерен проследить за тем, что ты сдержишь свое слово.

Мысли уже неслись в ее голове, Маргарит размышляла над тем, как долго нужно выждать прежде, чем спуститься вниз, чтобы попросить о помощи кого-нибудь, за исключением хозяина гостиницы, который уже сложил свое представление о ней.

И вновь, будто он знал ход ее мыслей, Эш добавил:

— И не вздумай покинуть эту комнату. Без сомнения, здесь найдется какой-нибудь слуга, к услугам которого я могу прибегнуть, попросив охранять дверь... с целью уберечь мою бедную неразумную женушку, чтобы она не смогла уйти и навредить себе.

О! Маргарит метнулась к столику для умывания и схватила чашу, выдернув ее с подставки. С криком разочарования она подняла руку и швырнула предмет в его сторону, но он уже ушел, захлопнув за собой дверь. Его негромкий смех смешивался со звуком затихающих шагов.

Подлец был умен, черт бы его побрал.

Что ж, она покажет ему. Она покажет ему, как умна она может быть... покажет, как умна может быть женщина, которой нечего терять.

Эш шумно спускался по лестнице, только что в коридоре он буквально загнал в угол служанку и предложил ей щедрое вознаграждение за то, чтобы та караулила дверь.

Он сошел на первый этаж, испытывая облегчение: теперь одной проблемой меньше. За столом Эш заметил кучера и слугу, те сгрудились над тарелками с тушеным мясом, от которых поднимался пар. Коротко кивнув им, он направился вон из гостиницы и устремился в ночь, равнодушный к обжигающему холоду. Немного позже он перекинется со своими людьми парой слов и убедится: они в курсе, что нужно быть готовыми отправиться в дорогу с утра пораньше.

Он не думал, что Джек последует за ними. Он обязательно узнает, что Эш даже забрал у него ради этого дочь, но сомневался, что так будет. По словам Маргарит, она не принимала участия в маленьких брачных аукционах отца. В сущности, к тому времени, как Эш скрылся с ней, она уже покинула дом. Так что вполне могла подготовиться к своему путешествию.

Упоминание об этом, подобно шепоту, звучало у него в голове, горечью подступая к горлу, и он знал почему. Это не имело ничего общего с ее путешествием в Испанию, но было непосредственно связано с тем фактом, что у нее был любовник.

Когда он представил ее в объятьях другого мужчины... дома в постели другого, руки его настолько сильно сжались в кулаки, что заломили костяшки пальцев. Чужь. Эш едва знал ее, но чувство собственности жгутом сжимало его внутренности, стоило представить ее с любовником. Какой-то мужчина, который, вероятно, сейчас мерит шагами комнату из-за нее. Эш приподнял плечо, загораживаясь от резкого ветра. Слишком плохо. Он не чувствовал никаких угрызений совести к этой безликой фигуре. Если тот человек хотел обладать ею, если он хотел быть уверен, что никто другой не украдет ее, ему следовало бы жениться на ней самому. Сейчас же она принадлежит Эшу, ну, или будет в скором времени.

Он шел прямо в пасть ветра, радуясь холодным порывам, хлеставшим по коже. Это вернуло его на землю, к действительности, остужая вожделение, что горячим потоком бежало по его венам. Оно мешало. Страсть могла затуманить голову любому, а ему необходимо мыслить спокойно и ясно, когда дело касается Маргарит.

Она была умна, эта маленькая ведьма, да и вспыльчива к тому же. Опасное сочетание. Он буквально видел, как лихорадочно вращаются ее мысли за золотисто-карими глазами, и понимал, что она сбежала бы, дай он ей шанс. Эш не мог допустить подобное.

Он вскользь взглянул на гостиницу, пробежался глазами по третьему этажу, а затем отвернулся, как если бы поддался слабости, оглянувшись назад.

Девушка на том этаже не имела ничего общего с его ожиданиями. Эш был самонадеянным из-за слов Мэри о том, что дочери Джека все были в поисках мужей. Но эта... с взрывным характером, горящими глазами и черными, как ночь, волосами — она едва ли являлась охотницей до замужества, которую он себе представлял. Вот уж повезло схватить именно ту дочурку, что о браке и слышать ничего не хочет.

Ему следовало вернуть ее обратно, как она и предлагала, и обменять на одну из более сговорчивых сестер — уступчивую девушку, которая имела представление о том, что значит хорошее предложение, когда ей его преподносили.

Эш резко остановился и развернулся, чтобы взглянуть на гостиницу, а в особенности на тускло светящееся окно на третьем этаже, где, как он знал, была Маргарит.

Единственная проблема в этом плане заключалась в том, что она запала ему в душу. И произошло это не сегодня вечером, а в тот самый день в Сент-Джайлзе. С самого начала, с той первой случайной встречи Маргарит засела у него в голове: ее острые обвинения и глаза, в которых пылал огонь. И теперь она была у него.

Все что ему требовалось, так это убедить девушку, что их брак выгоден не только для него, но и для нее тоже. Стоит ей умерить свой нрав — и она начнет видеть логику и здравый смысл в их союзе.

Если бы Эш верил в такие явления как судьба, то сказал бы, что их путям суждено было пересечься вновь. Он не выбросит ее как какую-то мелкую рыбешку. Он заполучил ее и не выпустит из своих рук.

Карета с грохотом прокатилась под окном, Маргарит уже очень хорошо был знаком этот внушающий беспокойство ритм. Тихо вздохнув, она раздвинула шторы и устремила печальный взгляд на покрытую снегом землю.

Вот уже три дня как они вместе. Ее корабль в Испанию, скорее всего, давно уплыл без нее. Роджер, вероятно, подумал, что она изменила решение, но ей не хватило храбрости встретиться с ним лицом к лицу и сказать об этом самой.

Кортленд был верен своему слову и предоставлял ей веские доводы в пользу формального брака при каждой возможности. Независимость, свобода, возможность делать то, что хочешь, идти, куда пожелаешь. Это на самом деле было заманчивым. Только слова мадам Фостер заставляли ее останавливаться и не соглашаться на то, что все больше и больше звучало как идеальное предложение.

Конечно, Маргарит задавалась вопросом: будет ли отсутствие близости с мужем означать, что она избежит своей предначертанной гибели. Вздохнув, она потеряла виски. Этих мыслей было достаточно, чтобы кровь запульсировала у нее в голове.

Бежать — вот ее единственное спасение.

Кортленд никогда не оставлял ее без присмотра. Всякий раз, когда он уходил, то убеждался, что кто-то был возле нее: будь-то извозчик, лакей или еще кто-то, кому он платил за то, чтобы все они вертелись вокруг Маргарит.

— Просто приглядываю за тем, что ты верна своему слову, — игриво напомнил он, когда она выразила свое недовольство.

Маргарит уже проклинала себя за то, что пообещала подумать над его предложением.

— Я беру свои слова обратно. Отвези меня домой.

Тогда его темные глаза вонзились в нее, он проникал в Маргарит своим мрачным взглядом, неподвижным и ровным, как полуночное море. Она силилась увидеть хоть что-нибудь за этой жидкой тьмой, хоть какой-то проблеск его мыслей.

— Думаешь, это делает тебе честь? Давать обещания, а затем отказываться от них, когда тебе удобно?

Чтобы не начать кричать, она отвернулась, напоминая себе, что не является женщиной, которая легко впадает в ярость. С тех пор они не разговаривали.

Маргарит считала, что обычная женщина согласилась бы с такой судьбой. Не то чтобы ее насильно выдавали замуж за отвратительного человека, в конце концов. Эш был привлекательным. Он владел состоянием достаточным, чтобы обеспечить ей жизнь, о которой она не смела и мечтать.

И все же, с тех пор как она столкнулась с мадам Фостер, ее жизнь определенно приняла

необычный поворот.

Казалось, что чем дальше остается позади Лондон, тем Эш чувствовал себя спокойнее. Его плечи больше не были столь напряженными. Не то чтобы Маргарит думала, что кто-нибудь пуститься за ними следом. Безусловно, отец, с которым она еще должна была повстречаться, не будет сильно тревожиться за дочь, которая не смогла соответствовать его планам.

Растущее облегчение Кортленда будет ее преимуществом. Она изобретательна. Девушка бы не пережила все те годы в Пенвике, не пользуйся она своим умом. Она еще обойдет Эша. Она все еще могла освободиться и найти способ вернуться в Лондон, вернуться к Роджеру. Как только Маргарит все объяснит, он без сомнений перенесет их путешествие на другое время. Время еще есть.

— Впереди есть деревня. Пока будут менять лошадей, мы сможем отдохнуть и пообедать.

Она согласно кивнула, и облачко пара заволокло ее губы. Зима умудрилась пробраться и в хорошо оснащенную карету. Маргарит не могла вообразить, как выдержала бы такой холод, если бы не путешествовала в таком комфорте. Разогретые кирпичи согревали ноги, колени укрыты толстым одеялом. Каждое утро он укутывал одеялом ее колени, подтыкая его по бокам, будто она ребенок. Всякий раз при этом она сидела не шелохнувшись, пораженная его заботой и борясь с собой, чтобы не поддаться и не смягчиться по отношению к нему. Ей не следовало забывать о том, что именно он тот безжалостный человек, что похитил ее.

Маргарит согнула обтянутые в перчатки пальцы внутри мягкой муфты из горностая, лежащей у нее на коленях и внимательно посмотрела на него, пытаясь найти хоть что-то неприятное в его красивом лице. Твердый безжалостный взгляд, скрытая свирепость, готовая выплеснуться на нее. Не то чтобы Маргарит желала испытать на себе его жестокость... она просто хотела, чтобы он был менее... привлекательным.

Эш нашел ей подходящую одежду для холодной погоды и дней тяжелой поездки. И то, что он был так внимателен и предусмотрителен к ней, лишь добавило ей волнения.

Никто никогда прежде не заботился о Маргарит. Ее самые ранние воспоминания были о времени, когда все усилия уходило на мать, она следила за тем, чтобы та не зачахла из-за пренебрежения Джека Хадли. Это занятие отнимало все время Маргарит — уберечь маму от увядания и опустошенности между ее визитами к Джеку.

У нее хорошо получалось заботиться о других. Ведь это все, чем она занималась и что хорошо знала.

Но это? Мужчина, заботящийся о ней...

Она тряхнула головой, отказываясь позволить этому факту оказать на нее воздействие. Нежные чувства к Кортленду только ослабят ее решимость. Отвлекут от того, что она должна сделать. Каким бы заманчивым не было его предложение, она не могла рисковать и выйти за него замуж. Ни формально, никак вообще.

Маргарит ожесточила свое сердце, предостерегая себя от соблазна испытывать к нему симпатию лишь из-за того, что он снабдил ее одеждой и одеялом. Вероятнее всего, он не хотел, чтобы она умерла от холода. Девушка отвела свой взгляд от окна, рассматривая его профиль.

За исключением его добрых жестов и веских доводов, Эш держался на расстоянии все время, пока они ехали на север. Маргарит была уверена, что причиной этого были ее слова, сказанные ему в ту первую ночь в гостинице.

«Что, скажи на милость, заставляет тебя думать, будто я захочу, чтобы какой-то мерзавец из Сент-Джайлза касался меня своими руками?»

С тех самых пор, как она бросила те оскорбившие его слова в отчаянной попытке избавиться от его близкого присутствия, он держался поодаль. На расстоянии. Это действовало ей на нервы. Да кто он такой, откуда он взялся... несомненно, эти вопросы были для него деликатными.

Или же это просто из-за того, что он предлагал ей выйти за него замуж, руководствуясь холодным расчетом, и не чувствовал ничего по отношению к самому событию. Ничего не чувствовал по отношению к ней.

Экипаж остановился. Порывы ледяного ветра хлестали по ней, когда она вышла наружу. С каждой милей на север они все глубже погружались в объятия зимы.

Маргарит задрожала и плотнее закуталась в плащ и капюшон. Идя возле Кортленда, она остановилась посмотреть на семейство, что проходило мимо, в руках они несли охапку зеленых веток. Собираются украшать дом, предположила Маргарит, вспомнив, что Рождество на носу. Мать воскликнула, когда самый маленький споткнулся и упал в свою же охапку из сосны и падуба. Она и еще двое детей постарше засуетились вокруг малыша, стряхивая с него иголки и пытаясь сдержать выступившие слезы.

— Идем, — Кортленд потянул ее за руку. — Внутри есть огонь.

Она оторвала взгляд от матери с детьми и позволила ему вести себя в гостиницу, всю дорогу, пока их сопровождали до комнаты, они хранили молчание. Скорее это была ее комната. С той ночи в гостинице, когда она оскорбила его, он не входил внутрь даже на шаг. Маргарит считала, что ей следует испытывать от этого облегчение.

Пару раз, пытаясь покинуть свои апартаменты, она открывала дверь только чтобы обнаружить кого-нибудь, стоящего на страже: слугу, извозчика, девушку, что работала в баре, но никогда его. И Маргарит ничего не могла поделать, спрашивая себя, где Эш проводит все это время.

Неужели он проводил время в постели с женщиной, которая отнюдь не противилась ему? Одной из бесчисленного числа служанок, что ходят за ним следом, пожирая голодным взглядом? Ее не должно это волновать, но сама мысль об этом терзала Маргарит.

Его глубокий голос раздался в воздухе:

— Я позабочусь, чтобы тебе принесли поесть.

Он произносил эти слова вот уже несколько вечеров кряду.

— Тебе что-нибудь нужно? — также спрашивал он каждый раз.

Она прошла в центр комнаты, сделав небольшой круг, чтобы оказаться прямо перед ним.

Он и не думал проходить дальше. Эш стоял, переступив одной ногой через порог, и ждал ее ответа, производя при этом впечатление человека нестерпимо желающего избавиться от ее компании.

Потерев руки, она подняла подбородок и холодно посмотрела на него.

— Мою свободу, было бы чудесно.

Его губы искривились, и на мгновение ей показалось, что его непоколебимый внешний вид может дать трещину, и он действительно улыбнется. Затем его губы застыли, и рот вновь сомкнулся в тугую линию.

Чувствуя, что дрожит, Маргарит обхватила себя руками.

— Тебе холодно? — спросил он, взгляд его метнулся к тлеющему огню в очаге. — Я

попрошу кого-нибудь принести побольше дров.

— Куда ты идешь? — внезапно задала она вопрос.

Он посмотрел на нее сердитым взглядом.

— А что? Ты будешь скучать по мне?

В его вопросе не было ни поддразнивания, ни юмора. А его пристальный взгляд лишь заставил Маргарит вздрогнуть.

— Разумеется, нет, — ответила она быстро чересчур громким голосом. — Почему это должно волновать меня?

— Это не так уж и неслыханно для женщины, которая беспокоится о местонахождении своего в скором времени мужа.

— Действительно, жену это должно волновать. Но, следуя твоим же словам, я буду женой лишь формально.

Он резко поднял голову, темные глаза вспыхнули:

— Так ты принимаешь мое предложение?

— Я этого не говорила, — возразила она, жар коснулся ее щек.

Это прозвучало, как будто бы она уступала. Маргарит обводила взглядом его лицо и фигуру, он стоял столь твердо на пороге. Возможно, что так оно и было.

Маргарит не могла отрицать, что Эш привлекал ее, воздействуя на ту часть, которая, как она думала, невосприимчива к мужчинам — ее скрытая сторона, что страстно желала узнать тайны, происходящее между мужчиной и женщиной. Исключая тот факт, что, по словам мадам Фостер, постижение этих тайн с мужем приведет ее лишь к гибели.

К счастью для нее, Эш не проявлял ни малейшего намерения сделать их союз чем-то большим, чем просто деловое соглашение, которое он предлагал. Она сглотнула, ощущая горький привкус во рту.

— Тебе необходимо принять решение. Завтра мы будем в Шотландии.

Завтра.

Она пожала плечами, притворившись, что ее это не беспокоит, что от его объявления пульс не забился бешено у нее в горле.

— Тогда завтра и решу.

Он резко поднял голову. Движение произвело на нее впечатление чего-то опасного, угрожающего, как будто хищник оценивал свою добычу перед финальным выпадом. Как она могла доверять ему? Если бы она ошиблась... цена была бы непомерно высока. Как Маргарит могла поверить, что он вернет ее в Лондон, если она откажет ему? Или не попытается соблазнить ее, если они поженятся?

Как бы мало она ни знала своего отца, Маргарит многое узнала от него о мужчинах. На них ни в чем нельзя положиться.

Она вздохнула, не позволяя застрявшим в горле рыданиям вырваться наружу. Все это было непросто. Ее голова разрывалась. Она надавила на виски кончиками пальцев, там, где пульсировала тупая боль.

Маргарит хотела лишь знать: означает ли их брак ее неминуемую смерть.

Если бы она не была так убеждена в том, что он упрячет ее в лечебницу, то объяснила бы ему все. Хотя и сама не была уверенная в том, что не лишилась ума, чтобы верить во все это самой.

— Завтра, так завтра.

Кивнув, он захлопнул за собой дверь и оставил ей лишь образ своего красивого лица.

Мысли бешено проносились в голове Маргарит, она ходила по маленькой комнате взад и вперед. Швырнув на пол муфту, она стянула перчатку и принялась грызть кончик большого пальца.

Она не могла выйти за него замуж. Но также и не могла отказать ему и поверить в то, что он примет ее отказ. Несомненно, существует некое число беспринципных священников, которые и глазом не моргнут при виде немногословной невесты.

Маргарит даже не подошла к двери, пробежав по ней укоризненным взглядом. Это было лишено смысла. Кто-то уже, скорее всего, сторожит ее снаружи.

Но она сбежит. Сегодня последний шанс для нее. Она подошла к окну, поскрежетала заиндевевшую поверхность стекла рукой, что была без перчатки, очистив его достаточно, чтобы можно было выглянуть наружу.

Задний двор гостиницы неясно вырисовывался под ее окном, за исключением сарая и загона для скота с четырьмя толстыми свиньями.

Появилась молоденькая служанка с полным ведром объедков, которые она вывалила в миску возле сарая. Две собаки зарычали друг на друга, претендуя на лучший кусок. Громкий голос девушки раздался в вечернем воздухе, когда она прикрикнула на псов, сделав выговор сцепившемуся дворняжкам.

Маргарит пристально разглядывала покатый портик под своим окном. Даже если она сорвется с края, это не будет слишком резким падением. Она не могла пораниться. Сильно.

Девушка решительно кивнула. Она сделает это. Времени не осталось.

Стук в дверь известил ее о том, что принесли обед. Повернувшись, Маргарит предложила войти. Ее наполняло спокойствие, которого не было прежде, умиротворение от решения, к которому она пришла.

Она непременно съест все до последнего кусочка. Ей понадобятся силы для того, что ожидает впереди.

На следующее утро Эш сидел за столом в одиночестве, устремив взгляд на суетливое падание снежинок за окном и размышляя, придется ли отложить из-за снегопада их поездку.

— Могу я принести вам что-нибудь еще, сэр?

Он обернулся на звук голоса, в котором сквозила надежда. Это была та же самая нахальная девица, прислуживающая в баре, что и прошлой ночью. Она была более чем просто заботлива, предлагая не только горячий обед, так как постоянно нагибалась все ближе, являя взору ложбинку груди.

— Спасибо, все хорошо.

Кинув для нее на стол несколько монет, он поднялся, потягиваясь. Несомненно, он спал бы спокойнее с кое-каким чертенком с волосами иссиня-черного цвета в своей постели. Тряхнув головой, Эш сделал себе предупреждение. Их брак не будет подразумевать ничего подобного.

Решив, что настало время забрать Маргарит и отправляться в путь, он сказал:

— Ты уже отнесла поднос с завтраком наверх?

— Да, но леди там не было.

Внутри Эша все словно похолодело, когда ему так жизнерадостно сообщили эту новость.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что ее там не было?

Девушка пожала плечами, выглядя недовольной.

— Комната была пуста...

— Черт побери!

Он ринулся наверх, громыхая сапогами по ступеням. Должно быть, тут какая-то ошибка. Маргарит не могла пробраться мимо охраны.

Он не стал беспокоиться и стучать. И, промчавшись мимо грума, просто распахнул дверь. Его тут же окатило волной холодного воздуха, который хлестал через одежду, кусал тело и впивался в кости. Занавески на окнах трепетали на ветру, насмехавшимся над кружевом, влажным от снега. Эш прошел вперед. Сжав подоконник окоченевшими руками, он свирепо уставился вниз на двор, с укором рассматривая пологую крышу.

Черт ее побери!

Он потрянул головой. Да поможет ей Бог, когда он до нее доберется! Он был терпелив с ней, обходился со всей учтивостью и искренне верил, когда Маргарит утверждала, что рассмотрит его предложение. Девушке недоставало здравого смысла. Она предпочла выпрыгнуть из окна, чем заявить о своем отказе ему в лицо. Неужели думала, что ее потащат к алтарю за волосы?

С проклятием он оторвался от подоконника и прошествовал к выходу, рывкнув груму, широко распахнувшему глаза, следовать за ним. Надо надеяться, что кто-то хоть что-то заметил. Такая женщина, как Маргарит, выделяется. Она держала себя со спокойной грацией. Ее иссиня-черные волосы и глаза цвета виски делали ее не от мира сего, неземной. Будто бы она произошла от земли и лесов. Она не могла пройти незамеченной. Что поможет ему напасть на ее след, но не принесет ничего хорошего ей. Совсем ничего хорошего.

Но под его гневом глубоко внутри гнезился страх. Ощущая его металлический и горький привкус, он волновался, что без сопровождающих ей могут навредить. Эш на

собственном опыте познал, каким жестоким и безжалостным может быть мир. Одинокая женщина была особенно уязвима. И особенно в этой части страны, в которой кишмя кишели воры, разбойники и прочие отчаявшиеся самых разных занятий.

Не давая разгуляться своим опасениям, он сказал себе, что девушка не могла уйти далеко. Он вскоре найдет ее и заставит пожалеть за то, что решила поиграть с ним.

Маргарит проснулась, как от толчка, не понимая, где находится, окруженная пеленой темноты и ощущая покалывание и царапание по всему телу. Она прихлопнула раздражающую ежевику, царапающую лицо, и гневно размышляла, от колючего ли кустарника она проснулась.

Затем она услышала выкрики кучера и тихое ржание лошадей в ответ. Повозка, дернувшись и заскрипев колесами, остановилась. Девушка затихла, прекратив ерзать, когда вспомнила, что забралась сзади на повозку.

Она выскользнула из окна гостиницы после ужина и провела ночь, прячась, ожидая подходящей возможности, рассматривая всех проезжающих мимо деревни. Возможность представилась в ранний предрассветный час, когда она заметила фермера, ехавшего по деревне с повозкой сена. Он ее не заметил. Даже тогда, когда девушка скользнула в его повозку, надежно схоронив себя под сеном.

Маргарит дунула на особенно толстый стебелек сена, вонзавшегося в губу, в попытке сдвинуть его. Неужели когда-то она считала сено мягким? Да оно напоминает иглы, впивающиеся в плоть.

Пальцами она проделала в сене глазок, чтобы оглядеть окрестности. Со своей позиции Маргарит могла разглядеть не так уж много, но она заметила несколько соломенных крыш. Ее взгляд поднялся чуть выше, разглядывая клубящийся на фоне серого неба дымок из трубы.

Возница что-то выкрикнул, и она подпрыгнула, прижимаясь к своему колючему ложу, опасаясь, что ее обнаружили. Спустя мгновение девушка поняла, что он лишь выкрикнул приветствие. Прислушиваясь, она различила еще один голос, а потом снова возницу, принимавшего приглашение выпить. Повозка остановилась, центр тяжести сместился, и Маргарит догадалась, что фермер уже не сидел на козлах.

Задерживая дыхание, она заставила себя подождать несколько мгновений и потерпеть свое колючее пристанище. Убедившись, что возница в самом деле ушел и устроился со своим элем, она выбралась из повозки, раскидывая по сторонам сено, как линяющая птица перья. Маргарит неуверенно приземлилась на ноги и разглаживала свою невозможно измятую юбку. Раздирающее кожу сено могло сохранить ее в тепле, но привело в кошмарное состояние ее одежду.

Решив, что помощь важнее платья, она обратила свое внимание на волосы. Вынимая сено из запутавшихся локонов, она оглядывала местность, узнав деревню, так как они останавливались в ней вчера сменить лошадей. Что ж, по крайней мере, фермер ехал вместе с ней в южном направлении. За это стоило быть признательной.

Небольшая церквушка неясно вырисовывалась через дорогу, ее шпиль был самой высокой точкой в округе. Дом священника примостился рядом. Определенно, что хотя бы одна добрая душа в тех стенах была. Девушка глубоко вздохнула и зашагала вперед, посмотрев направо и налево перед тем, как перейти дорогу...

Вот тогда-то она его и увидела. Смутный силуэт в утреннем тумане.

Он стоял под тихо падающим снегом, как персонаж, сошедший со страниц сказки.

Выглядел он мужественным и опасным, снег собирался на его широких плечах. Вырисовываясь в серых сумерках, он казался огромным и сильным даже через растянувшуюся между ними дорогу.

Знакомый экипаж стоял позади него с распахнутой настезь дверью. Очевидно, он только что вышел из него. Лошади в упряжке тяжело дышали, выпуская из ноздрей пар, и били по земле копытами, их темные шеи блестели от напряжения.

Он сильно их гнал... только чтобы догнать ее. Тошнотворное чувство скручивалось в животе.

Маргарит страстно желала откинуть назад голову и прокричать о несправедливости. Сначала смертный приговор, затем похищение, а теперь еще и это. Ее побег был расстроен с отвратительной легкостью. Она не смогла выиграть даже день форы.

Она задрожала, не двинувшись с места — от гнева, от паники, чувствуя себя кроликом, пойманном взглядом хищника. Девушка сглотнула в своем внезапно сухом горле.

Пока что он ее не заметил, но заметит обязательно. В любой момент.

Со стучащим в груди сердцем она в отчаянии оглядывалась в поисках, куда можно сбежать. Справа от нее стоял коттедж. Слева простиралось поле, огороженное шатким забором. За этим забором теснились леса, густые и плотные. Леса, в которых она может затеряться.

Маргарит бросилась к полю, намереваясь перескочить через забор вдалеке и укрыться между деревьями.

Кортленд прорычал ее имя, также рассерженно и пылко, как и неистовый прилив крови к ее лицу. Он ее увидел.

Быстро перебирая ногами под юбками, она рискнула обернуться и пронзительно вскрикнула. Он был ближе, чем она ожидала. Один взгляд на его внушающее ужас выражение лица, приближающееся с такой скоростью — и сердце готово было выскочить из груди.

Маргарит припустила сильнее. Ледяной ветер хлестал по щекам и заставлял глаза слезиться. Пейзаж расплывался бело-серыми пятнами, пока она летела вперед. Летела до тех пор, пока легкие не заболели от вдыхаемого жаляще-холодного воздуха.

Она перескочила через забор, совсем неграциозно споткнувшись, юбки и плащ спутались клубком в ногах, почти что уронив ее на покрытую снегом землю. Освободив ноги, она снова поднялась. Тяжелая поступь разъяренного мужчины почти настигла ее. На этот раз она не оглядывалась, слишком боясь того, что может увидеть.

Она нырнула в полосу деревьев, отказываясь принимать, что была несомненно и поистине поймана. Что она вытерпела тряскую поездку и холод в повозке с несчастным сеном зря. Если она чему и научилась за предыдущие две недели, так это тому, что сверхъестественные силы в этом мире работали. Может, если бы она захотела, она могла бы расправить крылья и взлететь.

Обнадеживающая мысль ее не спасла.

Тяжелое тело ударило ее сзади. Девушка шлепнулась о землю с силой, заставляющей кости трещать. Она отплевывалась от снега, попавшего в рот, забившего ноздри.

Жесткая рука схватила ее за плечо и перекатила, но Эш с нее не поднялся. Своим весом он прижимал ее к холодной земле.

— Ойй! — Она била его по груди и плечам обоими кулаками и выгибалась, пытаясь его скинуть. Тщетная попытка. Он лежал на ней все равно, что валун. — Ты пытаешься убить

меня?

— О! — он презрительно усмехнулся, на лице, которое он придвигал к ней ближе, застыло жестокое выражение, не делая его, однако, менее привлекательным, — а ты так сильно заботишься о своей жизни? Женщину, выпрыгивающую из окна третьего этажа и не побоявшуюся пуститься в путь по северной дороге ^[8] в одиночестве, едва ли можно описать как заботящуюся о самосохранении.

— Риск, необходимый, чтобы защитить себя от негодя, который меня похитил и заставляет выйти за него замуж, спасибо большое. А теперь! Слезай с меня!

— Заставляет? — рявкнул он. — Я предоставил тебе выбор — я был с тобой бесконечно терпелив, пока ты решала, что тебе делать, женщина!

Беспомощность и гнев охватили ее. Беспомощность — потому что она не могла объяснить свою отчаянную потребность убежать от него. Если не хотела, чтобы он посчитал ее сумасшедшей.

— От чего ты бежишь? — прорычал Эш, а его мерцающие темные глаза так сильно всматривались в ее лицо, что заставляли горло сжиматься.

«От тебя», — хотелось ей закричать. И все-таки не от него. Она не могла и дальше это отрицать. Она не хотела бежать от него. Он был воплощением соблазна.

— Я ненавижу тебя!

Слова вырвались откуда-то из глубины ее существа. И в тот момент она его действительно ненавидела. Ненавидела за то, что он искушал ее тем, чем она никогда не сможет обладать.

Если бы было возможно, то кипящие внутри него эмоции просочились бы из его глаз. Его взгляд словно покрылся коркой льда. Сильная челюсть напряглась, на туго натянутой коже заходили желваки.

— Вот так. Видишь, — пробормотал он с обманчивым спокойствием. — Мы уже ведем себя, как женатая пара. Будет не так уж трудно совершить это изменение.

— Никогда! — прокричала она, приблизив свое лицо к его.

Глупо, она знала. Ей следовало хотя бы притвориться покорной. Мужчина раздавливал ее в снежном поле.

— Ладно тебе, — сказал он с горькой усмешкой. — Мы уже далеко зашли. — Он наклонил голову ниже. Холодный кончик его носа коснулся щеки девушки. Шипящий звук сорвался с ее губ. — Зачем поднимать такую суматоху?

Его отрывистое дыхание согрело щеку словно весеннее солнышко. Она ничего не могла поделать с собой и медленно приблизила свое лицо к источнику этого приятного тепла.

Его голос превратился в мурлыканье.

— Я довольно состоятелен. Я не охотник за приданым, в отличие от прочих претендентов, околачивающихся около твоего отца. И самое главное — я не буду управлять тобой, как попытался бы сделать любой другой муж.

Это утешение не имело большого значения. Совсем никакого. У нее были другие причины бежать от Эша Кортленда, которых он даже представить не мог. Причины жизни и смерти. В этот самый момент она должна была бы находиться на борту корабля, направляющегося в Испанию. Он все испортил. И напоминание об этом разожгло ее злость с новой силой.

— Нет, спасибо.

Он снова выглядел сердитым, темные глаза запылали.

— Упрямая женщина. Ты же не какая-то зеленая девчонка. И уже делала это раньше. Я, по крайней мере, сделаю из тебя честную женщину и не буду требовать за это платы...

— О! — Ее лицо запылало. Маргарит возобновила борьбу, втиснув руки между их телами, изумляясь, насколько он был большим, твердым и крепким, и также неподатливым.

— Маргарит, хватит, — сказал он. — Ты только поранишь себя.

Эш схватил ее за запястья и вытянул по сторонам ее головы. Такое положение привело к тому, что ее груди приподнялись и уперлись в его грудь. Ее щеки горели от возникающих соблазнительных ощущений. Кончики грудей затвердели. Ею овладело смирение. Есть надежда, что он чувствовал ноющие вершинки через платье. Дыхание Маргарит сбилось, рывки воздуха предали ее, обнаружив, как сильно он оказывал на нее влияние.

— Тебе не нужно бороться с этим, ты же знаешь. — Его голос, подернутый хрипотцой, превратился в смолу, подкрепляя ее самые страшные страхи. Он знал, как покорить ее. — Может, нам стоит отказаться от идеи женитьбы ради лишь имени и обратить внимание на действительность...

— Никогда, — выкрикнула она, а голос прозвучал отчаявшимся ударом, прорезавшим стылый воздух. По правде говоря, его предложение воспламенило что-то у нее внутри, раздувая огонь, который он зажег при их самой первой встрече. Она пыталась вырвать свои запястья еще более отчаянно, чем до этого, чтобы освободиться от него.

Эш наклонил голову. Слабый солнечный свет просачивался сквозь тяжелые облака, покрывая позолотой его волосы.

— Ты же не какое-то там непорочное создание...

Она хрипло рассмеялась, смех вышел сухим и надломленным.

— Так из-за того, что я подпорченный товар, мне не стоит задумываться, чью кровать я делю?

— Для меня ты далеко не подпорченный товар, — сказал он в ухо странным, сиплым, запыхавшимся голосом.

Его голова опустилась, от взгляда его темных, бездонно глубоких глаз она таяла прямо лежа на холодной земле.

Маргарит сама едва расслышала, как прошептала:

— Что ты делаешь?

— То, о чем ты мечтала с момента нашей встречи.

Его губы потерлись о ее губы, пока он говорил, мягкие, как крылышки бабочки, но не менее потрясающие. Она рефлексивно отдернула голову, и от этого движения по губам скользнул воздух.

— Я не мечтала, — смогла она вымолвить, но голосом таким дрожащим, что сама не поверила в свое отрицание.

— Кое-что, — продолжил он, так как она молчала, — что я намеревался сделать с самого первого дня, как увидел тебя в трущобах.

Она вдохнула... вдохнула выдыхаемый им воздух и почувствовала слабый запах кофе. И что-то еще едва различимое — мяту?

Его губы снова приблизились. На этот раз она не отвернулась, когда его рот заявил о своих правах на нее. Она не двигалась, просто неподвижно лежала.

Губы Эша были твердыми, но нежными, чего она не ожидала. Они медленно двигались, не спеша, уговаривая губы Маргарит двигаться в ответ. Чувствительную кожу губ согревало,

покалывало. Все тело девушки пылало, несмотря на покрытую снегом землю под ней, увлажнившую одежду и промолив ее до самых костей.

Ей было все равно. Она не чувствовала холода или влаги. Она растворилась в ощущениях. Пропала для всего, кроме него. И чувствовала только приятную твердость его тела каждым своим изгибом и выпуклостью.

Мужская хватка на ее запястьях ослабла, касание пальцев превратилось в шелковистую ласку, скользящую по всей длине ее рук... слегка задевая склоны груди.

Маргарит вздохнула, обвив руками его за шею. Тяжелый вес его тела погрузился в нее еще глубже. Эш застонал, углубляя поцелуй, скользя обеими руками вдоль ее тела, чтобы заключить в них лицо. Большими пальцами рук он упирался ей в щеки, когда наклонял голову, озорной язык тщательно исследовал изгиб губ девушки, раскрывая их. Она застонала, впервые почувствовав вкус его бархатного языка. Необузданный как ветер и припорошенный снегом утесник [9] вокруг них. Она застонала, притягивая его к себе ближе, страстно желая большего.

Одной рукой Эш скользнул ей на затылок, наклоняя ее голову, чтобы еще больше приблизить. Другой рукой он оставил пылающую дорожку на ее незащищенном горле. Его большой палец слегка касался места, где в изысканном темпе бился пульс.

Маргарит положила ладонь на его лицо, наслаждаясь легким царапанием его колючего подбородка ее ладони. Она восторгалась всем этим. Давление его тела, горячее соединение их губ, то, как его руки двигались по ее телу, трогая, прикасаясь, лаская, будто она была особенной... созданной из хрусталя, который надо холить и лелеять. Все, конечно, лишь иллюзия, но, тем не менее, она ею наслаждалась. В первый раз оказавшись в руках мужчины. И, возможно, в последний.

Он повернул голову, изменив положение рта и снова углубляя поцелуй. Будто ему всегда казалось, что он недостаточно глубок. Жар поднимался в теле Маргарит, опускаясь к ее животу и свертываясь там, скручиваясь кольцами. Она извивалась под Эшем, прижимала голову все ближе, поглаживая руками густые пряди волос, казавшиеся ей на ощупь шелком.

Он застонал, и этот стон отозвался в ней, всколыхнул в ней что-то, будто она сама издала его.

— Маргарит.

Он выдохнул ее имя ей в губы. Она упивалась, наслаждалась тем, как оно прозвучало. В его устах ее собственное имя звучало чувственностью, голодом и отчаянной потребностью в ней.

Она чувствовала ту же самую потребность, пульсирующую в ней. Боже, я — истинная дочь своей матери. Все эти годы она думала, что отличается от нее, что невосприимчива к желаниям плоти. Должно быть, это из-за призрака смерти, парящего над ней. Он сделал ее такой бесстыдной и беспечной.

Губы Эша оторвались от губ Маргарит и принялись нежно покусывать уголок ее рта. Его рука на ее затылке надежно удерживала девушку, так что его рот мог пиршествовать.

— Такая сладкая, — прошептал Эш, оставляя легкие поцелуи, прокладывая обжигающую тропинку по подбородку и направляясь к шее.

Второй рукой он обхватил одну налившуюся болезненной тяжестью грудь, поглаживая ее, пока Маргарит не начала пульсировать в своей ставшей внезапно тесной одежде. Она замурлыкала, выгибая свое тело, чтобы прижаться к нему поближе.

— Мистер Кортленд! — внезапный крик прорвался сквозь дымку похоти. Она моргнула.

Оклик раздался снова. — Мистер Кортленд!

Звук шагов сотрясал землю под ней.

Эш резким движением оторвал от нее голову. Она осматривалась вокруг, проводя рукой по смятым губам и разглядывая дрожащие руки, обнимающие ее с двух сторон.

— Что? — выкрикнул он, на щеке бешено задергалась жилка.

Маргарит проследила за его взглядом к вознице и груму, бегущим по полю по направлению к ним. Дородный кучер схватился за бок, будто бы страдая от колик. Грум, на лице которого была написана тревога, был на добрый ярд [\[10\]](#) впереди того. Когда он приблизился, тревога рассеялась, а выражение лица стало робким, когда он заметил, в каком скандальном положении находятся лежащие на земле.

— О, простите меня, сэр! Мы подумали, что вы упали и поранились... — его голос медленно затихал.

Он крепко схватил задыхающегося кучера. Вдвоем они отправились обратно к тропинке, неуклюже топчась по полю.

Чары были разрушены.

Ее губы все еще покалывало, она выбралась из-под Кортленда. К счастью, он не стал ее останавливать.

Стуча зубами, она убрала с него руку, осторожно наблюдая за ним, готовая дать деру, если он сделает движение, чтобы дотронуться.

Эш сел, изучая ее. Когда он дотронулся до нее, убирая влажную прядь чернильного цвета, упавшую ей на лицо, она дернулась и шлепнула его по руке.

Его губы сжались в твердую линию, взгляд темных глаз снова заледенел, смотря прямо сквозь нее, но не выдавая своих собственных чувств.

— Ты дрожишь, — объявил он холодно.

Она не позаботилась сообщить ему, что не столько холод, сколько он сам, заставляет ее трястись, или скорее воспоминания о нем — его поцелуе, его теле, прижатом к ней, то, как неистово и лихорадочно он шептал ее имя. Никогда не наступит то время, когда воспоминание об этом не будет заставлять ее дрожать.

Поднявшись на ноги, он потянулся к ее руке.

— Пойдем. Я привез твои вещи. Давай переоденем тебя и отправимся в путь.

Он поднял ее рывком, не ожидая ответа. Он был сплошной бестактностью, но все же деловым человеком, первым сделавшим ей предложение о браке. Он никоим образом не напоминал мужчину, который так самозабвенно целовал ее мгновением ранее. Мужчину, ради которого она могла бы с готовностью всем рискнуть.

Эш отвел Маргарит в комнату, которую раздобыл на вечер. Как и следовало ожидать, они не доехали до Гретна-Грин, как планировали. Не после обратного путешествия, которое пришлось совершить, чтобы найти девушку. Он поставил обе их сумки — ее и свою — у камина и выгнул бровь, ожидая протестов.

Маргарит переводила взгляд со своей сумки на его. В карете они разговаривали очень мало, но он определенно ожидал, что сейчас она нарушит молчание.

Словно в подтверждение его ожиданий, с ее губ с раздражением сорвалось:

— Что твоя сумка делает... — Она метнула наполнившийся пониманием взгляд своих глаз цвета виски к его лицу. — Ты будешь спать здесь?

Он поднял подбородок.

— Я считаю, что это единственный способ убедиться, что ты не причинишь себе вреда. — Он искоса взглянул на окно: — Ты можешь с легкостью сломать себе шею, спускаясь из этого окна.

Маргарит сделала шаг по направлению к нему, затем внезапно остановилась, как будто осознав, что подошла слишком близко. Она покачала головой, окидывая блуждающим взглядом кровать.

— Обещаю, что я не убегу снова...

— Я знаю, что не убежишь... — Эш сел и снял пиджак. Паника заполнила ее, когда она увидела, что он располагается поудобнее, устраиваясь на ночь. — Завтра, если ты примешь решение вернуться, я сам отвезу тебя обратно.

Маргарит облизала губы, и внутри у него все сжалось, а глаза не отрывались от розового кончика ее языка. Он помнил этот язычок, помнил, как пробовал его на вкус своим.

Кровь его вскипела, пока он на нее смотрел, такую миниатюрную и в тоже время гордую. Мужчина в два раза больше нее был более предусмотрителен, чем она. Это было опрометчиво, не говоря уже о том, что загадочно. Почему она так сильно сопротивляется ему? Неужели положение любовницы манило ее больше, чем респектабельность, что предлагал он?

Раздался стук в дверь. Эш ответил, разрешая войти. Вошла служанка, с трудом удерживая поднос, уставленный едой. От посуды шел пар, заставивший его желудок заурчать. Он едва ли съел что-то из корзины с продуктами, которую до этого уложил на пол кареты, чересчур запутавшись из-за женщины, которая нарушала его планы на каждом шагу.

Вместо этого он наблюдал, как Маргарит грызла клиновидный кусочек сыра, его мускулы все еще были напряжены и натянуты из-за ее побега. Женщина одна, без защитника... с ней могло произойти что угодно. Он повидал много женщин, над которыми совершили надругательство и с которыми жестоко обращались. Подруги, даже девушки, которые ему нравились. Видения их лиц проносились у него в голове... и каждое из них, казалось, напоминало лицо Маргарит. Его пальцы сжались в кулак. До тех пор, пока она на его попечении, он не отойдет от нее ни на шаг.

Эш поднес стул к маленькому столу, где девушка-служанка расставляла тарелки. Жестом он пригласил Маргарит присесть. Она опустилась на стул, взгляд оторвался от его взгляда.

Служанка оставила их, и они ели в одиночестве: он, наблюдая за ней, она, наблюдая за

падающим на улице снегом.

— Тебе нечасто приходится такое видеть, — пробормотал он, кивая головой в сторону снега, изумляясь, что он может вести с ней легкий разговор — что он чувствовал себя вынужденным ухаживать за ней, будто бы она была леди, расположения которой он искал, а не дочерью короля лондонского чрева. Будто бы его не отделял лишь один вдох от того, как чуть не овладел ею на припорошенном снегом поле.

Эш не сводил глаз с ее губ, пока она жевала, его плоть твердела, пока он размышлял, не наклониться ли через стол и поцеловать ли ее снова, заключить в объятия и уложить на постель, закончив начатое ими сегодня. Черт возьми, начатое ими, когда они обменивались оскорблениями в Сент-Джайлзе.

Она абсолютно свела его с ума. За короткое время, что он ее знает, она забралась ему под кожу.

Вероятно, это была игра в кошки-мышки. Охота была для него внове. Он не привык, чтобы женщина ему отказывала.

Даже во времена, когда Эш околачивался на улице, борясь за выживание, у него были любовницы. Некоторое время так он и выживал. Многие одинокие вдовы со звонкой монетой, бывало, зазывали его в их затемненные экипажи для совершения набега им под юбки. Он видел уродливую, неприглядную сторону жизни. Может, даже забыл, что существует и другая. Это, как он понял, и было тем, о чем говорил Джек. То, что сделало его недостойным любой мало-мальски приличной женщины. К счастью для него, Маргарит не была впечатлительной девицей. Наверное, они вполне подходили друг другу.

— Я насмотрелась на свою часть снега, — начала она. — Однако тебе не до его красоты, когда холодно и хочется есть.

Он поднял голову, уставившись на нее жестким взглядом, пытаясь заглянуть вглубь утонченных линий и ямочек ее лица.

— Когда же это дочь Джека Хадли голодала?

— Моя фамилия Лоран. Меня не растили как дочь Джека Хадли. Мой отец не признал меня, не дал своего имени.

Эш медленно кивнул.

— Как же тогда Маргарит Лоран довелось узнать муки голода и холода?

— После смерти моей матери Джек отправил кого-то за мной. — Она пожала плечами, помедлила, словно ей нужно было перевести дух перед тем, как продолжить. — Слуга забрал меня и отвез в Пенвичскую школу для добродетельных девочек. Может, Джек был слишком занят, чтобы заняться этим самому. Не знаю. Я не знаю его.

И по тону голоса Эш сообразил, что и желания его узнать у Маргарит нет.

Она продолжила, но так тихо, что ему пришлось наклониться чуть ближе.

— Можно просто сказать, что Пенвич не та школа, куда отец отправил бы дочь, которую любит... не после ее первого письма домой, не после того, как он первый раз навестит ее и увидит, насколько истощенной и апатичной стала его дочка. Йоркширские зимы трудно пережить, даже если у тебя теплая одежда и еда в животе. Без этого же...

— И Джек никогда не навещал, — предположил Эш.

— Нет, никогда.

Он хмуро кивнул, представив Маргарит маленькой девочкой без одежды и еды, чтобы пережить Йоркширскую зиму. Будь проклят Джек!

Его пальцы сжались в кулак под столом. Он почти желал никогда не знать этой

истории. Желал не знать, что у него с Маргарит было что-то общее, что она также познала страдания и лишения, как и он.

Он поднял стакан с кларетом, протягивая ей для тоста.

Девушка перевела взгляд со стакана на его лицо. Выгнув свою темную бровь, она подняла свой стакан. Каждое ее движение производило впечатление, будто оно делалось с неохотой. Она все еще боролась, боролась с ним. Она никогда бы не позволила себе даже задуматься о моменте согласия между ними.

— За лучшее будущее, — пробормотал он.

Ее лицо побледнело, все краски схлынули с оливковой кожи. Она поставила стакан обратно, не сделав ни глотка.

Можно было подумать, что он произнес тост за упокой ее души.

— Не можешь выпить за будущее? — произнес он со злостью. — Ты такая упрямая? Так сильно настроена ненавидеть меня? Я не сказал, что оно будет связано со мной.

Она покачала головой.

— Ты не понимаешь.

— Так объясни.

— Моего будущего не... — ее голос затих.

Девушка перевела с него взгляд.

Он схватил ее стакан и протянул ей.

— Черт возьми. Пей, — прошипел он. — Если я не буду частью твоего будущего, ты должна с радостью выпить за него, верно?

Маргарит перевела взгляд на его лицо. Ее глаза светились, сияли как солнечный свет, струющийся сквозь витражное стекло.

— И с кем же твое будущее? — продолжал он презрительной усмешкой, в то время как внутри горел страшный гнев. — С твоим утонченным джентльменом в Сити?

— Нет, — прошептала она, ее глаза напоминали глаза раненого животного. — Мое будущее ни с кем.

— Ты говоришь бессмыслицу, — прорычал он.

Маргарит кивнула.

— Я знаю.

Она перевела взгляд снова на окно, сосредоточенно наблюдая за падающим снегом.

А Эш так же сосредоточенно смотрел на нее, размышляя, могла ли она быть немного не в себе — и удивляясь, почему он не делает ничего, чтобы остудить свою страсть к ней. Почему мысль вернуть ее в Сити и сказать до свидания заставляла его испытывать ноющую боль в груди.

После ужина Маргарит переодевалась за ширмой в углу, ругая себя за то, что чуть не рассказала Эшу всю правду. Должно быть, ее одурманили его поцелуи. Часть ее хотела, чтобы он знал, понимал. Только вот он не поверит. Она и сама-то едва могла в это поверить.

Вздыхая, девушка накинула через голову прохладную ткань, сердясь, что придется надеть один из пеньюаров, предоставленных Эшем. Особенно в его присутствии. Шелк мягко прошуршал по ее коже — едва ли подходящая защита от зимы на севере Англии. Очевидно, покупки он делал, не задумываясь о практичности. Одно дело спать в этом скудном облачении в одиночестве, и совсем другое — встретиться с ним лицом к лицу в этом одеянии.

У Маргарит вырвался судорожный вздох, и она медлила за ширмой, набираясь

самообладания.

Раньше она думала, что, возможно, выйдет замуж. Думала просто о возможности. О браке со степенным, трудолюбивым, уважаемым человеком. С кем-то безопасным в его предсказуемости.

Волнующие мужчины приводили лишь к беспокойству. Мать научила ее этому. Фэллон и Эви были исключениями. Маргарит не была глупой. Не была и настолько самонадеянной, чтобы причислять к исключениям и себя.

Какой толк от беспутного, имеющего сомнительную репутацию владельца игорного притона, который существовал на самом краю общества, недалеко от ее отца-старьевщика.

Она провела рукой по тонкой ткани, облегающей бедра. Вот уж действительно, такой сценарий никогда ей в голову не приходил. Союз с дикарем, больше напоминающим мечту, чем реальность. Его искушающие глаза, поцелованные солнцем волосы и тело, созданное руками скульптора, были предметом любовных романов. Не реальностью жизни Маргарит Лоран.

Жадно глотнув воздух, она ринулась из-под защиты ширмы, напоминая себе, что сама творит свою жизнь. Сама выбирает свою судьбу.

Маргарит стремительно преодолела несколько шагов и нырнула под одеяло, натянув его до самого подбородка. Слишком поздно, конечно же. Она чувствовала отпечаток его взгляда на каждом сантиметре своего тела. Эш ничего не пропустил. Она проклинала надетый на нее пеньюар цвета шампанского. Она знала, что благодаря кружевным вставкам по бокам он сливался с кожей, из-за чего она казалась обнаженной.

Жар распространялся по лицу девушки. Сердце в груди билось в бешеном ритме. Она вспомнила то заснеженное поле — его губы, его руки, восхитительную тяжесть его тела на ней. Повтори они это свидание — на этот раз их ничто не остановило бы. Ни зовущие слуги. Ни причины останавливаться. До тех пор, пока она не даст ему эту причину. Сможет ли она? Сможет ли она быть настолько твердой, когда ее тело действовало по своему собственному желанию?

Неясный шепот прозвучал в ее мыслях: Как сильно ты хочешь жить?

Даже под одеялом она задрожала, тоскуя по привычному белому хлопку ночных рубашек, оставленных ею в номере гостиницы, ожидающих вместе с другими вещами поднятия на борт корабля, отправляющегося в Испанию.

Привычное исчезло. Теперь ничего не будет, как прежде.

Украдкой выглядывая из-под края одеяла, она смотрела, как Эш в свете камина снимал свою одежду. Он двигался со смелым изяществом, не обращая внимания на себя, свою силу, свою притягательность. Он обладал животной красотой, напоминая Маргарит леопарда из джунглей, за которым она однажды наблюдала на зоологической выставке в Лондоне. Та же неукротимая мощь, готовая вырваться в любое мгновение.

Когда он направился к кровати дикой походкой хищника, воздух в легких Маргарит застыл и она задумалась, сможет ли она это сделать. Стоила ли она того? Жизнь, наполненная страстью, в противоположность безопасной, скучной жизни. Это был ведь один из способов смерти, не правда ли?

Девушка поглубже зарылась в мягкую перину. Даже несмотря на потрескивающий огонь, в комнате было холодно. Ветер завывал за оконными стеклами, пытаясь пробраться внутрь.

Она стиснула челюсти. Она не будет трусихой. Она не будет съезживаться, как стала бы

старая Маргарит.

Он не будет ее насиловать. Такая дикость не в его натуре. В течение всего проведенного вместе времени Эш мог совершить сколько угодно подлых и безнравственных поступков по отношению к ней, но не стал. Нет уж, если она жаждала близости, придется ей самой сообщить ему об этом.

Эш погасил лампу. Кровать прогнулась, когда он скользнул под одеяло. Сжимаясь от страха, она вцепилась в край одеяла, поворачиваясь на бок, чтобы уставиться в окно, образ его бронзового тела надолго врезался в память. Очертания его плеч и бицепсов. Дорожка мускулов на животе.

Глубоко внутри нее зародилось трепетание. Она прижала колени к груди, закусив губу от нахлынувших чувств.

Его голос преодолел незначительное расстояние между ними, задевая расшатанные нервы, заставляя подниматься волоски на затылке.

— Наутро мы повернем в Сити.

Если она не скажет. Если она не осмелится сказать, что искушает ее в мыслях.

Между ними повисла тишина. Маргарит смотрела, как безупречными большими хлопьями падает снег и подумала, что, вероятно, это Рождество будет для нее последним. Оно наступит через несколько дней, это особенное время, которое для нее никогда чрезвычайно особенным не было. Очевидно, уже и не будет.

При мысли об этом у Маргарит сдавило грудь. При мысли обо всех рождественских праздниках, проведенных ею в одиночестве, в уговорах, что следующее Рождество будет лучше. Что на следующее Рождество она не будет чувствовать себя ужасно одинокой.

Даже навещая Фэллон или Эви, она всегда была лишь гостьей, наблюдательницей. Это чувство стало еще больше после того, как они вышли замуж. Неважно как гостеприимно и доброжелательно они ее принимали, она все равно была гостьей. Не членом семьи.

Всю свою жизнь Маргарит чувствовала себя отделенной от мира и от людей в нем. Одинокой. Отделенной. Даже когда мать была жива, она не обращала внимания на Маргарит, проводя время, уставившись в пространство в мечтах о Джеке. Особенно в рождественские праздники. Ее мать провела много вечеров, проливая слезы из-за возлюбленного, который забыл прислать подарок.

Цепляясь за край кровати, Маргарит представила, как чувствует дыхание Эша на своей шее, и вздрогнула. Если она останется, если примет предложение Эша, то не будет встречать это Рождество в одиночестве. Она будет с ним. Каким бы странным это не казалось, это Рождество может стать самым лучшим. Она уж точно не будет задумываться об одиночестве.

Его рука легла на изгиб ее бедра, и Маргарит подпрыгнула. Теплые пальцы скользили по телу, следуя к впадинке живота.

— Я представлял тебя в этом наряде. Всю в золотом...

Ее дыхание участилось.

Его намерения были ясны. Она их прекрасно понимала. И чувствовала то же самое. Чувствовала себя живой, страстно желая близости. Ей нужна была близость. Нужен был он.

Девушка судорожно вздохнула, борясь со своим желанием лежащего рядом мужчины... даже если это заведет ее дальше по тропинке, которой она пытается избежать любыми путями.

Он потянул ее, пытаясь перевернуть на спину. Она сопротивлялась, с силой вцепившись пальцами за край кровати, не будучи пока готовой.

Эш ослаблял хватку на ее бедре до тех пор, пока его сильные пальцы не соскользнули с тела Маргарит. Она лежала, наполовину чувствуя облегчение и наполовину сожаление, что он ее отпустил. Девушка отпустила край кровати, позволив руке свеситься.

Спустя некоторое время он вздохнул. Этот звук сотряс все ее существо.

— Чего ты так боишься, Маргарит?

В панике она сделала вдох, встревожившись, что он может так легко ее читать.

— Кто сказал, что я чего-то боюсь? Я не боюсь.

— Может я и поверил бы в это, — ответил Эш, и от его голоса по спине Маргарит будто провели перышком. — Если бы я не целовал тебя ранее. Если бы я не прижимал тебя к себе, не чувствовал, как твое тело отвечает мне...

— Перестань, — выкрикнула она, зажмурив глаза, словно могла остановить его слова, остановить поток тепла, который они разжигали, желание, которое притягивало ее к нему. — Ты не должен так говорить.

— Почему нет? Завтра все закончится. Если уж я должен отвезти тебя обратно, то хотя бы скажу правду.

Она закрыла глаза, сжимая веки. Соблазнительно. Так соблазнительно.

— Я хочу жениться на тебе, — прорычал он. — Это будет не какая-то грязная связь. Это может быть...

Она ударила кулаком по матрасу.

— Не превращай это в то, чем оно не является. Ты не хочешь жениться на мне. Совсем нет. Хочешь говорить правду, так делай это. — Чувства жгли ее изнутри. — Ты лишь хочешь удовлетворить свое эго и взять в жены дочь Джека Хадли.

— Так было сначала, верно, но...

— Не надо вводить меня в заблуждение, убеждая, что ты изменил свое намерение и в действительности чувствуешь ко мне некую привязанность.

Она судорожно рассмеялась, жалкий звук, от которого внутри все леденело. И, правда, нет. Это, к сожалению, была она. Он хотел ее по причинам, не имеющим ничего общего конкретно с ней, и он не переубедит ее в обратном.

— Когда же началась эта привязанность между нами? — презрительно усмехнулась Маргарит. — Когда я допустила возможность стать любовницей другого мужчины? Когда я ударила тебя по лицу? Или когда я сбежала и таким образом заставила тебя отправиться на мои поиски в увлекательнейшее путешествие по горам и долам? Все поступки, что внушили тебе любовь ко мне, я уверена. — Она сделала паузу, чтобы вдохнуть, в груди становилось тяжело от потока горьких слов. — Я не какая-то там легковверная, зеленая девчонка.

Наступила гнетущая тишина. Его тело рядом с ней гудело, воздух потрескивал от разлившегося напряжения.

Горячая слеза скользнула по лицу, и Маргарит неистово стерла ее, проведя щекой по подушке. Несмотря на все ее разгневанные речи, она хотела ошибаться. Она хотела думать, что он испытывает к ней истинное чувство. Это могло бы сделать риск выйти за него замуж терпимым.

Страсть и грандиозное приключение могли бы наполнить ее последние дни значением, но неподдельная привязанность и любовь могли бы наполнить ее жизнь смыслом. Как жаль, что любовь настолько неуловима.

Эш снова вздохнул. Но на этот раз вздох вышел усталым, и Маргарит почувствовала себя немного виноватой, зная, что утомила его.

— Спокойной ночи, Маргарит.

Она почувствовала колебание кровати и поняла, что он повернулся на бок спиной к ней. В то же мгновение она ощутила холод, будто бы он забрал у нее тепло. Оставил ее одну. Маргарит поняла, что между ними разверзлась пропасть.

Довольно долгое время она печально лежала и смотрела на снег, падающий прекрасными пухлыми снежинками, сон был последней вещью, о чем она думала.

— Я принимаю.

Некоторое время он ничего не говорил, и она подумала, что Эш не расслышал ее. Может, он уже спал.

— Что ты сказала?

У нее вырвался вздох при звуке его голоса. Она облизала губы.

— Я принимаю.

Кровать закряхтела под его весом.

— Принимаешь? — сурово потребовал он ответа.

Маргарит сглотнула.

— Твое предложение о браке.

И о страсти. Она у нее будет. Принимая во внимание, что он хотел продолжить с того момента, на котором они остановились сегодня утром. Но пока она не могла заставить себя признаться в этом перед ним. Одного заявления за ночь будет достаточно. Пока. Позже наступит время для страсти. И для их клятв.

Схватив Маргарит за плечо, Эш перевернул ее на спину. Его темные глаза сверкали в темноте, как обсидиан.

— Вот так вот? Ты принимаешь? После всех твоих отказов? После того, как рисковала своей шеей, убегая?

Она попыталась говорить ровно.

— Ты предложил разумное соглашение. Я была бы душой, если бы не приняла его, на что ты указывал мне не единожды.

Она была бы душой, если бы убежала от возможности получить больше его поцелуев, таких, какие он дарил ей.

— Верно, — с сомнением пробормотал он.

— Верно, — вторила ему Маргарит.

Его пальцы сомкнулись на ее руке, оставляя горячие следы.

— Что ты задумала, Маргарит? Ты не хочешь выходить за меня.

— Я много чего хочу. Брак с тобой поможет мне этого добиться. — Большинства, в любом случае. Так как он молчал, она рискнула продолжить. — Ты передумал?

Он не спеша откинулся обратно.

— Нет, конечно.

— Отлично. — Вырвавшись из его хватки, она повернулась на бок, демонстрируя ему свою спину и говоря себе, что она не отказалась только что от своей жизни. — Спокойной ночи, Эш.

Спустя несколько минут, в течение которых, она чувствовала, он буравил своим темным взглядом ее спину, Эш сказал, и в его голосе звучало полное недоверие:

— Ты самая несговорчивая женщина из всех, что мне когда-либо встречались.

Безрадостная улыбка скривила ее губы. Ироничная, потому что на надежную, всегда практичную Маргарит могут смотреть как на кого угодно, но только не как на кроткое и

пассивное создание. Не так уж она и сожалела об этом. Для нее «несговорчивая» означала... «живая».

— В какие кошки-мышки ты играешь со мной?

— Я в игры не играю.

Не в те, по крайней мере, в которых она не намеревалась бы выиграть.

Они медленно направлялись на север по заснеженным дорогам и, наконец, пересекли границу с Шотландией. Маргарит поглядывала через окно экипажа на падающий снег, опасаясь, что их заметет в любой момент. И она не могла решить, к счастью ли, к горю ли.

Когда они прибыли в деревню, ее решимость серьезно пошатнулась. Девушка полагала, что сомнения — обычное дело для невесты. Но она была необычной невестой. Если верить мадам Фостер, замужество и всеобъемлющая страсть — предвестники ее кончины. Стряхнув с себя ощущение, будто на шее затянулась петля, Маргарит позволила Эшу отвести ее в гостиницу. Мадам Фостер так же говорила, что ее судьбу можно изменить. Это выполнимо.

Эш отлучился вскоре после того, как обеспечил их комнатой. Через некоторое время появилась горничная со свертком. Открыв коробку, Маргарит ахнула, когда увидела изысканное платье в тонкой оберточной бумаге. Неужели он купил ей свадебное платье?

Дрожащими руками она достала наряд из коробки. Платье насыщенного сливового цвета с золотой отделкой струилось в ее ладонях. Никогда в жизни у нее не было ничего столь прекрасного. Осторожно прикасаясь к дорогой ткани, девушка разложила наряд на постели.

Это был невероятно щедрый подарок, и платье словно приглашало его примерить.

Маргарит никогда не носила таких прекрасных нарядов, и подобная перспектива пугала ее сверх меры.

Сглотнув, она сделала шаг назад и покрутила головой. Быть может, в нем же ее и похоронят. Она вздрогнула от этих болезненных мыслей. Это еще не конец. Ей еще не конец.

Девушка прикрыла глаза от боли. И все же воспоминаний о его губах, целующих ее, о его руках, возбуждающе скользящих по ее телу, было недостаточно. Она не могла этого сделать. Даже несмотря на ту страсть, что она пережила в его объятиях.

Маргарит оглядела комнату. Сердце ее грызла тревога, от ощущения безысходности в животе образовался тугий узел. Она должна действовать быстро. Вероятно, в этот самый момент он разговаривает со священником.

Раздался стук в дверь. Резко обернувшись на звук, девушка взмолилась, чтобы это был не Эш.

Она сказала «Войдите», с отвращением услышав дрожь в голове. Когда служанка и двое юношей внесли в комнату ведра с горячей водой, напряжение, сковавшее ее плечи, ослабло. Не Эш. Еще нет, во всяком случае.

Один из парней, намного моложе ее самой, дерзко подмигнул и остановился, расплескав воду по полу, позабыв о своей задаче. Маргарит потупилась, поразившись его дерзости.

— Они вернутся, — объяснила горничная, когда парни унесли ведра из комнаты, словно Маргарит беспокоилась о том, что воды для омовения может не хватить.

Пока горничная наводила порядок в комнате и разводила огонь, Маргарит пыталась найти способ выбраться из безвыходной ситуации, разглядывая потрескавшуюся дверь.

— Могу я помочь вам, мисс? — спросила служанка резким голосом директрисы, и Маргарит показалось, что та получила задание приглядывать за ней.

Неужели Эш ожидал того, что она может сбежать? Он уже называл ее несговорчивой.

Тем временем парни вернулись. Наглец опять улыбнулся и подмигнул ей. На этот раз

она не потупилась, не отвела взгляда.

Смотрела прямо на него и послала ему улыбку, которую он мог счесть соблазнительной. Или заигрывающей. В данном случае она не могла выбирать. Она примет помощь от любого, кого сможет найти. Даже от долговязого юнца.

Его глаза чуть расширились, когда он увидел ее улыбку. От воодушевления его взгляд стал более дерзким, юноша осмотрел ее с ног до головы с особой тщательностью. Девушка это стерпела, ее губы вновь растянулись в приглашающей улыбке, а в голове начал формироваться план.

— Робби, шевелись! — рявкнула горничная.

Робби моргнул, подошел к медной ванне и вылил в нее кипяток. Маргарит посмотрела на служанку и обрадовалась тому, что та не смотрит на них, занятая сменой постельного белья.

Бочком приблизившись к парню, она шепнула ему на ухо:

— Нужна компания?

И поморщилась, как только эти слова сорвались с ее губ, надеясь, что этот чудовищный вздор звучит искренне. Не хуже, чем разговоры в Воксхолле.

Кошмарно, но, несомненно, правдоподобно. Его глаза сверкнули, и юноша одобрительно улыбнулся.

— Ага, милая, — прошептал он в ответ. — Мне это очень нравится.

Маргарит с тревогой посмотрела на горничную.

— Ты можешь что-нибудь с ней сделать?

— Ой, с моей сестрой, с Фионой? — фыркнул он. — Я могу ее отвлечь.

Маргарит легонько коснулась его руки пальцами.

— Хорошо. Я буду ждать с нетерпением.

Она отодвинулась от него в тот самый момент, когда его сестра обернулась. Лицо горничной омрачилось, когда она посмотрела на брата.

— Робби, ты все еще здесь? А ну проваливай, у тебя еще есть дела.

Еще раз подмигнув на прощание, парень покинул комнату. Торжество распирало ее грудь, но было не только это ощущение. В животе все трепетало от тревоги. Было ли сумасшествием довериться мальчишке? Да еще и незнакомому?

— Мисс, вам что-нибудь еще нужно? Помочь вам раздеться?

— Нет, спасибо, — девушка прикоснулась к пуговичкам платья.

Резко кивнув, Фиона оставила ее.

Маргарит быстро разделась, в горле бешено стучал пульс. Робби действительно удастся отвлечь сестру? Не откладывая, девушка погрузилась в ванну, впервые за много дней. Она не собиралась упускать возможность помыться.

Она действовала быстро, не беспокоясь о том, что вода плещет через край. Выбравшись из ванны, постояла с минуту, кусая губы и разглядывая платье, что ждало ее на кровати. Неподходящий костюм для побега.

Надеясь, что Робби быстро обернется, она одела амазонку и упаковала кое-какие вещи, что понадобятся ей на пути в Лондон.

Девушка зашнуровывала свои полусапожки, когда раздался тихий стук в дверь. Она метнулась к двери, едва приоткрыв, чтобы посмотреть, кто там.

Там стоял Робби.

— Я избавился от Фионы, но она может вернуться в любой момент. Давай

поторопимся.

Маргарит быстро схватила чемодан, что стоял в ногах кровати. Выйдя в коридор, она сказала себе, что поступает правильно, доверяя этому мальчику. Это ее единственный выбор, учитывая то, как сложится ее судьба, останься она в гостинице.

— Тогда поспешим, — проговорила она. — Веди.

Юный Робби взял ее за руку и повел ее вниз по лестнице для слуг. На нижней ступеньке он остановился и заглянул в комнату. Судя по божественным ароматам хлеба, тушеного мяса и пунша, это была кухня. Видимо, Робби решил, что все в порядке, дернул ее за руку и завел в комнату.

Задохнувшись, Маргарит дернулась назад, увидев поварику, которая чистила картошку, стоя спиной к ним. Когда широкоплечая женщина начала поворачиваться, Робби вытащил ее из кухни. Они вышли за дверь и оказались на трескучем морозе.

Снег хрустел у них под ногами, когда они бежали через двор к конюшне. Резкий запах лошадей и сена ударил ей в нос, как только они укрылись в теплом стойле.

— Вот мы и на месте, красотка, — Робби смело взял ее ладони в свои и, наклонившись, подул на них. — Сейчас я тебя согрею.

Его ладони двинулись вверх по ее рукам, он потянул ее к себе, и в его глазах явно светилась похоть.

Маргарит едва сдержала возмущенное фырканье. Неужели он думает, что запах конского навоза привлекает женщин?

— Робби, — быстро сказала девушка, прижав руку к его груди, когда его губы были в дюйме от ее. — Я сразу поняла, что ты галантный мужчина, рыцарь.

— Рыцарь? — юноша замер.

— Конечно. Я увидела это с первого взгляда. Ты был так добр, что пришел мне на помощь.

— На помощь? У вас неприятности, мисс? — нахмурился Робби.

Маргарит оглянулась через плечо. Она ничего не могла поделать. Уже давно. Эш наверняка скоро узнает, что она сбежала, и ей не хотелось оказаться поблизости, когда это произойдет. Последнее, чего она хотела — это оказаться с ним лицом к лицу. Сила воли полностью оставляла ее в его присутствии. Один взгляд его темных глаз — и ей хотелось броситься к нему в объятия, будь проклята судьба.

Всхлипнув, она, как ей казалось, выразительно провела пальцами в уголках глаз.

— Он жесток.

— Кто жесток? — спросил Робби, и воинственный блеск появился в его глазах.

— Мужчина, который привез меня сюда, — объяснила девушка, и ее сердце наполнило чувство вины оттого, что она говорит такое об Эше. — Прости, что ввела тебя в заблуждение, но мне нужно было выбраться из комнаты прежде, чем он вернется. Ты pomoжешь мне? — она стиснула руки юноши.

Растерявшись, он оглянулся.

— Фиона заметит, что меня нет, если...

— Пожалуйста. — Маргарит еще сильнее вцепилась в его руку. — Должен быть способ помочь мне.

Робби посмотрел на свою кисть, стиснутую ее руками.

— Меня не хватятся еще где-то час. Я могу отвезти тебя в охотничий домик в южной части города. Мой па иногда там бывает, но сейчас он свободен, — он кивал, когда идея

формировалась в его голове. — Я могу оставить тебя там и вернуться за тобой позже... И проводить до ближайшей железнодорожной станции.

— Звучит прекрасно, — выдохнула она, надеясь, что у нее действительно получится, по-настоящему получится сбежать от Эша и того искушения, что он собой представлял. — Спасибо, — и она снова обернулась через плечо, словно ожидая, что его внушительная фигура уже приближается. Все слишком просто. — Мы должны уехать как можно скорее. Он может вернуться в любой момент.

Маргарит нахмурилась. Внезапно ее грудь стеснило понимание, что она больше никогда не увидит Эша, что она вольна бежать, куда глаза глядят. Глупо, что она позволила себе привязаться к нему. Иначе зачем еще убеждать себя выйти за него?

Роджер теперь казался никчемной подделкой. Как она может вернуться к нему, принимать его поцелуи, его прикосновения? Она сложила руки, как в молитве.

Робби привел ее в другое стойло. Девушка наблюдала, как он седлал лошадь. Подтянув подпругу, он улыбнулся, обернувшись через плечо.

— Когда он узнает, что ты исчезла, мы будем уже далеко.

Приторочив чемодан к седлу, юноша помог Маргарит взобраться на лошадь, и затем сел в седло позади нее. Когда они пронеслись по двору, девушка угрюмо смотрела вверх.

Робби не обращал на нее внимания и подгонял лошадь. Земля летела во все стороны от копыт, животное несло их со скоростью стрелы. Маргарит вцепилась в гриву, чтобы не упасть, когда они резко свернули на узкую тропинку. Все дальше от гостиницы. Дальше от ее судьбы.

Охотничий домик был довольно удобен, и им явно не пренебрегали, судя по отсутствию пыли и паутины. Либо отец Робби прилагал большие усилия, чтобы сохранить дом пригодным для жилья. Камин мог обогреть две комнаты, да и она сама могла встать в нем во весь рост, настолько он был огромен. Очень комфортно, учитывая ледяные ветры зимой. Тем не менее, она надеялась, что не пробудет здесь долго.

Робби разжег камин, чтобы обогреть ее. Отряхнув пыль с рук, он встал, когда огонь разгорелся жарче.

— Можешь не беспокоиться, гореть будет долго. Не хочу, чтобы ты замерзла этой ночью. — Растирая руки, юноша подошел к ней. — И если захочешь, можешь не проводить эту ночь в одиночестве. — Встав перед Маргарит, Робби положил руку ей на плечо и неловко сжал.

— Робби, — начала она, надеясь отвлечь его от мыслей об интимности. — Пожалуйста, пойми, что ничего подобного между нами произойти не может.

Парень прикрыл глаза, тряхнул головой и сунул руки в карманы, в манере обычного юнца.

— Ага, я понимаю. Тебе нужен пижон...

— Пожалуйста, не надо так. Ты был так добр ко мне. Я очень ценю твою готовность помочь мне, и доброту твоей...

— И, скорее всего, мне за это попадет. Па уж точно захочет меня придушить, — проворчал Робби.

Маргарит пыталась заверить его, что ничего подобного не произойдет, но он отмахнулся от нее.

— Я вернусь, как только смогу, — проговорил он отрывисто.

— Спасибо, Робби, — произнесла она под шум захлопнувшейся двери и подошла к окну,

чтобы посмотреть, как он уезжает.

Снег все еще падал, валил плотной завесой. Лошадь и всадник удалялись в сторону запорошенных деревьев, исчезая из поля зрения.

Снаружи завывал ветер. Маргарит старалась не допускать дрожи при мысли о ночевке одной в пустом доме. Она привыкла проводить ночи в одиночестве в пустой комнате. Так какая разница?

Растирая руки, она подошла к камину и подбросила в огонь еще несколько газет. Замерев, девушка посмотрела на постель. Ложе выглядело заманчивым, особенно плотное, цветастое шерстяное покрывало и пухлые подушки.

Укутавшись в одеяло, что лежало у изножья кровати, она опустилась в плюшевое кресло перед камином. Рассматривая разгорающийся огонь, девушка поерзала, чтобы устроиться поудобнее, и настроилась ждать... Стараясь не думать об Эше и его реакции, когда он узнает, что она ускользнула от него. Опять.

Он не найдет ее на этот раз. Она исчезнет, не оставив и следа в его жизни. Ничего, кроме отголосков нарушенного обещания выйти за него замуж. Ничего от нее не останется.

Ничего...

Девушка вздрогнула, осознав, что жалеет себя. Пора прекратить это раз и навсегда. И начала уверять себя, что существует, что продолжает жить. Пусть это и означало жизнь без страсти.

Скривившись, Маргарит наклонилась и расшнуровала сапожки, отбросила их и подтянула колени к груди. Закутавшись в одеяло поплотнее, обхватила себя руками, уселась поудобнее и поздравила себя.

Если бы не эти представления, она бы уже давно вышла замуж. Жена Эша Кортленда. Человека, слепленного из того же теста, что и ее отец. Того, кто вырос в борделе, того, кто наживается на слабости других. Несмотря на то, что Эш пробудил ее тело к жизни одним прикосновением, одним взглядом черных глаз... Она должна чувствовать облегчение, триумф.

Но почему-то чувствовала только ледящий душу холод.

Проснувшись, Маргарит удивилась, почему она продрогла, тело затекло, а одеяло колет подбородок. Все еще находясь в замешательстве, молодая женщина покачала головой и заморгала, прогоняя остатки сна. Она осторожно пошевелилась, чувствуя острую боль в мышцах, и укорила себя за то, что уснула в кресле.

На секунду ей показалось, что это ее комната в доме миссис Доббс так чудесно преобразилась. Потом она вспомнила.

Вой ветра за окном вернул ее к реальности. Маргарит со стоном провела рукой по лицу, морщась от боли в саднящих щеках. Опустив голову на спинку кресла, девушка глубоко вздохнула и посмотрела в окно.

Уже давно наступили сумерки. Снег должен был прекратиться. Чернильная темнота за оконным стеклом давила на нее, заставляя чувствовать себя плывущей на волнах, словно она затерялась в ночном море. Маргарит снова осмотрела охотничий домик, на его стены с причудливыми, искривленными тенями. Огонь почти догорел, озаряя комнату тусклым красным светом, казавшимся демоническим. То, что ранее выглядело причудливо, теперь производило на нее зловещее впечатление.

Натянув на себя одеяло, она встала, чтобы подкинуть дров. Сделав это, поворошила угли, отчего искры взвились в танце.

Сквозь завывания ветра прорвалось лошадиное ржание. Маргарит застыла, напрягая слух, чтобы уловить хоть малейший звук. Раздалось позвякивание сбруи. Девушка поставила кочергу на место и обернулась, на сердце полегчало.

Наконец-то Робби удалось ускользнуть. Ее не волновали приличия, Маргарит была просто счастлива, что он спас ее от ночи одиночества в этом зловещем месте и прочих ужасов, что нарисовало ее разыгравшееся воображение.

Девушка с нетерпением метнулась к двери, но, дернувшись, остановилась, когда та распахнулась.

Маргарит съежилась, несмотря на окутывающее ее одеяло, и поднесла руку ко рту, опасаясь, что закричит. Но этого не случилось. Вырвался только хриплый вздох, когда она увидела мужчину, стоявшего на пороге.

Это был Эш. И он был в ярости, большей, чем она когда-либо его видела. Неровный белесый полумесяц шрама резко выделялся на смуглой коже.

— Удивлена? — прорычал он сквозь зубы.

Его взъерошенные волосы цвета темного золота блестели от мокрого снега, покрывавшего голову.

Девушка отступила на несколько шагов, хватая воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Но под завесой страха и изумления скрывались совсем другие эмоции, и они словно звенели под кожей при виде мужчины, которого, как она думала, не встретит больше никогда. Эш прошелся по комнате, как ворвавшийся шторм. За ним следовал Робби, и в его глазах светился ужас.

— Робби, — начала она.

— Он тебе не поможет, — Эш метнул на юношу сердитый взгляд. — Нет, если знает, что для него лучше.

— Извините, — пробормотал Робби, покачав головой. — Повариха увидела нас, когда

мы уходили. Я пытался...

— Можешь идти, мальчик.

Сказав это, Эш даже не взглянул на него, холодно рассматривая девушку.

Робби застыл в неуверенности, его взгляд метался от внушительной фигуры Эша к Маргарит и обратно.

Она отчаянно пыталась встретиться с юношей взглядом, пробудить в нем инстинкты защитника, как это произошло ранее. Это был ее последний шанс. Она убедилась в этом, увидев упрямое выражение на лице Эша. Очередного побега не будет. Он не позволит этому случиться, да и у нее не осталось сил на сопротивление.

— Или остановись, или получишь в зубы, — продолжил Эш, чувствуя, что Робби все еще стоит за ним. Мальчик побледнел. — Подумай хорошенько. Со мной она в безопасности, верит она в это или нет. Вреда ей не будет.

Вреда? Маргарит не знала, смеяться ей или плакать. Она яростно замотала головой, пытаясь дать понять Робби, что она отнюдь не в безопасности с Эшем Кортлендом. Даже не зная того, мужчина нес погибель.

Робби только кивнул. Он снова посмотрела на нее жалостливым, извиняющимся, но все же побежденным взглядом. Не говоря ни слова, он повернулся и исчез во мраке ночи. Эш закрыл дверь, сурово глядя на Маргарит.

Она сделала еще шаг назад и зашла за то кресло, в котором ее сморил сон. Понимание холодком скользнуло по ней, и девушка сжала зубы. Быть может, замужество и неизбежно, но не все остальное. Не смерть. Она не откажется от жизни только потому, что он выиграл в эту ночь.

Эш подошел и остановился у кресла, что стало преградой между ними. Начал стягивать жакет, затем жилет, бросив одежду на кресло.

Ее пульс учащался с каждым снятым предметом одежды.

— Что ты делаешь?

— То, что должен был сделать прошлой ночью.

Она облизала губы, стараясь не просить объясниться. И все же, проглотив свой страх, задала вопрос:

— И что же это?

Эш ослабил узел галстука, его губы изогнулись в нечестивой усмешке, обнажив белоснежные зубы.

— А ты не знаешь? Ты же умная девушка, пусть и не можешь решить, выходить за меня замуж или нет.

— Это сложно, — произнесла она уклончиво.

— От меня ты получаешь самое лучшее, — продолжал он, будто не слыша ее. — А это сильно раздражает... Особенно то, что ты постоянно рискуешь своей шеей.

— Мне ничего не угрожало, — быстро возразила Маргарит.

— Да неужели? — он указал на дверь. — А если бы ему взбрело в голову потребовать награды за свою помощь?

— Робби не стал бы...

— Ты позволила привезти тебя в этот домик на отшибе, где он смог бы сделать с тобой все, что захочет. — Его лицо покраснело от гнева, а взгляд темных глаз был устрашающим. — Ты этого не понимаешь, но я знаю. Я видел страдания женщин... — Он оглядел ее с головы до ног. — Ты хрупкая и не смогла бы одолеть его.

Маргарит расправила плечи в попытке выглядеть внушительнее.

— Не вижу смысла рассуждать о том, что могло произойти, когда ничего плохого не случилось.

— А я вижу смысл говорить о том, что ты постоянно подвергаешь себя опасности. — Он схватил ее за запястье и заставил обойти кресло. Его угловатое лицо было так близко, что она могла подробно разглядеть его сверкающие глаза, настолько темные, что зрачок был почти неразличим на фоне радужки. — Неужели ты не думаешь о себе? Тебя не заботит твоя жизнь?

Его слова больно били по еще свежим ранам.

— Да, — прошипела она, вздернув подбородок. — Заботит! Именно поэтому я ищу способ избежать этой свадьбы.

Эш отошел от нее, все еще держа за запястье.

— Ты думаешь, что я опасен для тебя?

— Брак с тобой — определенно, большой риск. — Маргарит яростно кивнула. — Да, — и это было единственное объяснение, которое она осмелилась ему предоставить.

Его глаза стали неестественно черными.

— Я бы согласился отпустить тебя. И я не держу нож у твоего горла.

Она засмеялась диким, отрывистым смехом.

Взгляд его темных глаз скользил по ее лицу.

— Ты сумасшедшая, да? В одно мгновение ты желаешь меня, в следующее убегаешь...

— Я не хочу тебя! — Ложь, конечно же. Маргарит просто пылала от желания к нему. — Я уверена, у тебя полно поклонниц в Сент-Джайлзе... множество из них, несомненно, работали с тобой. Но я не из этих женщин.

Гневный румянец вновь появился на его смуглых щеках.

— Ты обманываешь себя, отрицая то, что есть между нами...

Девушка снова покачала головой, и темная прядь попала ей в рот.

— Между нами ничего нет, — зашипела она, отбросив волосы с лица.

— Ничего? — фыркнул Эш и отпустил ее руку. — Мы можем заключить фиктивный брак, как я предлагал тебе в самом начале. Или я должен еще раз доказать, что ты лжешь, и дать нам то, чего мы оба хотим?

От паники ее дыхание участилось. Споткнувшись, Маргарит метнулась обратно за кресло, сжав пальцами его изогнутую спинку. Ее глаза расширились, когда Эш стянул рубашку через голову и она лужицей стекла на остальную одежду. И вот он стоит перед ней с обнаженным торсом. Ее рот пересох и вновь наполнился слюной.

Кивая, он осмотрел уютный домик.

— Ты обеспечила нас уединенным местечком, — мужчина указал на корзину с продуктами, стоящую у двери. — Я даже прихватил еду. — Маргарит даже не заметила, что он что-то принес, поскольку была сосредоточена на его лице. — Нам будет чем подкрепиться до того, как мы вернемся в деревню утром.

— Мы останемся здесь на ночь? — спросила она недоверчиво. — Вместе? — Наедине.

— На улице страшно холодно, да и поздно уже. Меня не привлекает мысль мерзнуть на улице в такой час. Не тогда, когда я могу остаться здесь, в тепле, с тобой...

Маргарит сглотнула, натолкнувшись на его решительный и похотливый взгляд, и замотала головой, выражая отказ.

— Ты же не имеешь в виду...

— Если бы я всегда делал то, что мне говорят, я бы давно умер на улице. — Его рука резко метнулась к ней, и он схватил ее. — И не собираюсь начинать сейчас, даже ради женщины, на которой женюсь.

Девушка вскрикнула, когда Эш притянул ее к себе. Подхватив Маргарит под коленки, он поднял ее и понес в спальню.

Ее руки будто по своей собственной воле легли ему на грудь, ладони проšliсь по гладкой коже. Словно укрытый шелком мрамор был под ее пальцами. Тело расслабилось в его объятиях, его охватила легкая дрожь.

— Ты меня совершенно вымотала, заставляя гоняться за тобой. Но мы будем вместе.

Эти пугающие и волнующие слова поглотили ее. Маргарит ненадолго прикрыла глаза, ненавидя себя за вспышки возбуждения, что заставляли трепетать низ ее живота.

Она открыла глаза, услышав его мягкий шепот.

— Так чего ты боишься?

Эш спрашивал об этом и раньше. Она мрачно посмотрела на него, не в силах сказать правду. Всего. Бойтсся умереть, не познав жизни. Бойтсся не оставить и следа в этом мире. Что не будет никого, кто скажет, что Маргарит Лоран существовала, что она жила. Глядя на него, она думала, как бы отреагировал Эш, услышь он эти слова.

Когда стало понятно, что он не дождетсся от нее ответа, Эш опустил ее на постель и отступил, чтобы снять с себя то, что на нем еще оставалось, бесстыдно и откровенно демонстрируя совершенство мускулистого тела. Отблески пламени танцевали на тугой плоти, скользая по каждому дюйму гладкой кожи, каждому шраму, каждой выпирающей мышце. Ее пальцы задрожали, когда девушка представила, каково будет ощутить их.

Эш стоял перед ней, восхитительный в своей наготe. Прекраснее любой статуи, что она видела в музее... И, определенно, более щедро одаренный. Щеки Маргарит запылали, когда она увидела, что некая часть его тела растет прямо у нее на глазах.

Ее дыхание прервалось, а глаза почти болели от того, что она никак не могла отвести взгляд. Даже ценой собственной жизни. Горькое рыдание застряло в горле от этой иронии.

В голове зазвучал искушающий голос, мрачным шепотом пронесшийся в ее мыслях. Вы не женаты. Это не то, что предрекала мадам Фостер. Поверить ему, принять то, что он предлагает — это то, чего ты хочешь. Чего вы оба хотите.

Вернувшись к ней, он коснулся ее лица, провел заглубившимися пальцами по изгибу ее щеки, накрыл ее ладонью. Все в нем было большим. Впечатляющим. Он мог бы раздавить ее без особых усилий, но она его не боялась.

Ее взгляд вновь опустился на его выпирающее достоинство, и ей хотелось протянуть руку и коснуться его. Но даже это не пугало ее. Она хотела его яростно, без того стыда, который мог охватить ее всего две недели назад, но не теперь. Теперь она жаждала. Желала его силу, желала ощутить его власть над ней.

Возможно, вот оно. Это он. Он был тем самым глотком жизни. Той самой жизни, к которой она бы стремилась, не будь ее время на земле ограничено. Сколько женщин могут сказать, что занимались любовью с таким человеком, как он? Что он желал их? И не важно, что с ней случится потом, сейчас он будет ее.

Быть может, этого будет достаточно.

Она сделает так, что будет достаточно. Любой ценой, раз и навсегда.

Удерживая его взгляд, Маргарит откинулась назад, оперевшись на локти, которые сейчас едва могли поддержать ее.

Он застыл, склонив голову и рассматривая ее несколько мгновений, будто ожидал, что она возобновит спор или вскочит с постели и устремится в укрытую снегом пустоту.

Когда Маргарит показалось, что Эш не склонен проявлять инициативу, она подняла руки к платью и начала нащупывать обтянутые парчой пуговицы.

Расстегнув платье до талии, девушка распахнула корсаж, демонстрируя его взору тонкую сорочку.

Она замерла, ожидая, что сейчас он сделает последний шаг.

— Доведи дело до конца, — прохрипел он внезапно севшим голосом.

Она нервно кивнула и сняла юбки, обнажив дрожащие ноги. За юбками последовали панталоны. Девушка хрипло и часто задышала. Она не станет прятаться от его глаз, не юркнет под одеяло.

Она согнула ноги в коленях, пытаясь прикрыться, как могла. Но сила его взгляда, его близость, его восхитительная и шокирующая нагота совершенно обезоружили ее. Ноги дрожали так сильно, что она едва могла удержать их вместе.

Его голос прорвался сквозь полумрак.

— Продолжай.

С прерывистым вздохом Маргарит потянула за ленту, удерживающую сорочку. Неужели Эш действительно хочет, чтобы она разделась для него? Разве это нормально при интимной близости? Разве он не должен остановить ее, дать обоим укрыться одеялом, чтобы они продолжили, соблюдая приличия?

Она всегда думала, что люди занимаются такими вещами в темноте. Занимаются любовью сдержанно, уважая чувства друг друга.

Его непоколебимый взор она расценила как указание на то, что Эша вовсе не заботят ее нежные чувства. Похоже, так оно и должно быть. У него ведь в этом гораздо больше опыта, чем у нее. Она знала, что это доставляет удовольствие. Возбуждает. Иначе зачем люди так упорно стремятся к физическому наслаждению? Ее мать буквально зависела от него. Фэллон и Эви тоже поддались. А теперь и Маргарит. И она хочет познать плотское удовольствие.

— Ели ты хотела замучить меня своей неторопливостью, тебе это удалось, — его рычание рассекло неподвижный воздух. — Думаю, будет справедливо предупредить тебя о том, что, если ты не закончишь раздеваться в ближайшие пять секунд, я собственноручно избавлю тебя от одежды.

Руки Маргарит дрожали, когда она лихорадочно избавлялась от последних предметов одежды. Только полностью раздевшись, она задалась вопросом, почему не позволила Эшу заняться этим. Ей это могло бы понравиться.

Эш тихо засмеялся, и она всем телом почувствовала бархатную вибрацию его низкого голоса — а потом вдруг смех прервался. Мужчина замолчал, взглядом исследуя каждый дюйм кожи Маргарит, ничего не пропуская. Ни один изгиб, ни одна ямочка, ни один изъём не остались незамеченными. Настойчивый взгляд темных глаз Эша, казалось, заставлял девушку таять.

Маргарит скрестила руки на груди в попытке оградить себя от такого страстного внимания. Она поджала ноги, слегка повернув и согнув их так, чтобы Эш не смог украдкой бросить на нее взгляд, рассматривая средоточие ее женственности.

— Не прячься от меня, — недовольно пробормотал он.

В его темных глазах промелькнула такая жажда, что Маргарит не смогла отказать ему.

Тяжело вздохнув, девушка опустила руки. Если она собралась сделать это — она это сделает. Не остановится на середине.

Один бесконечно долгий миг Эш смотрел на нее. Маргарит словно забыла, как нужно дышать, беспокойно ожидая, пока он пожирал ее глазами. Всю ее.

— Превосходно, — прошептал он.

Жар опалил лицо Маргарит, распространяясь по всему телу. В мгновение ока она метнулась прочь на кровать, передвигаясь таким образом, чтобы ноги ее оставались сведенными вместе. Ей не хватит смелости выдержать пристальный взгляд Эша и там. Маргарит замерла у изголовья кровати, понимая, что спрятаться ей не удастся.

Эш улыбнулся дьявольской улыбкой, все поняв, и опустился на колени у кровати.

— Ты похожа на испуганную девственницу, — поддразнил он девушку.

Маргарит улыбнулась ему в ответ, хотя губы ее дрожали. Это был неподходящий момент, чтобы признаться Эшу в том, что его оценка ситуации оказалась очень точной. Только не сейчас, иначе ей пришлось бы объяснять истинную подоплеку ее отношений с Роджером. А это привело бы к другим неудобным признаниям.

Он крался к ней по кровати, словно рысь на охоте, и мускулы его размеренно двигались под гладкой упругой кожей, отливающей золотом в свете камина. Сердце Маргарит неистово билось в груди.

Она попыталась отпрянуть от него, но Эш ладонью схватил ее за лодыжку. Горячее прикосновение его пальцев обожгло девушку, словно поставив клеймо на ее коже.

Он снова улыбнулся... той дьявольской усмешкой, от которой в животе у Маргарит все скручивалось в тугую пружину, а кости ее плавилась, словно масло.

— Успокойся, — нарочито медленно произнес он.

А затем одним неуловимым движением Эш потянул Маргарит за лодыжку, и девушка соскользнула вниз, оказавшись лежащей точно посреди кровати, и волосы ее широким веером разметались вокруг. У нее перехватило дыхание.

Он оказался рядом с ней, удерживая свое мощное тело на дрожащих руках. Маргарит была уверена, что это не от попытки удержаться на весу, а, скорее, от необходимости быть сдержанным. Его большие ладони лежали рядом с лицом Маргарит. Он слегка повернул их

так, чтобы пальцы его могли нежно гладить щеки девушки, смахивая темные локоны с ее лица и заправляя их девушке за уши.

Ни одна часть ее тела не осталась без внимания Эша. Он накрыл ее собою, и соприкосновения их тел превратили чувствительные соски девушки в твердые вершинки. Ноги его проскользнули между ее ног, жесткие волоски на ногах Эша соблазнительно терлись о нежные бедра Маргарит.

От этой близости — его — на ней, над ней, между ее раздвинутых бедер — девушка едва могла дышать. Доказательство мужской силы Эша настойчиво толкалось в низ живота Маргарит, твердая плоть откровенно касалась самого сокровенного места на теле девушки, и это приятное трение заставляло глубинные мышцы Маргарит сжиматься от болезненной жажды.

Наверное, это оно и есть. Так все и начинается. Восхитительная пытка, которая будет только усиливаться, пока Эш не прекратит эту боль, войдя в ее тело.

Он наклонил голову и завладел губами Маргарит, подарив ей страстный поцелуй. В нем не было никакой легкости. Никакой нежности.

Язык Эша исследовал рот Маргарит, касаясь ее языка, движения его губ были умелыми и осторожными. Он посасывал и покусывал ее губы с такой обстоятельностью, которая заставила девушку изогнуться под ним, развести бедра и податься вверх, к Эшу, горячим страждущим телом — движение это было продиктовано ей инстинктом.

Обеими ладонями Эш обхватил голову девушки, и хватка его усилилась, когда их поцелуй стал лихорадочным, дерзким и отчаянным.

Одна из его широких ладоней соскользнула с ее головы и принялась гладить лицо, подбородок, шею Маргарит, спускаясь к ее обнаженной груди.

Эш поймал ртом ее вскрик в тот момент, когда его рука накрыла грудь Маргарит, и принялся массировать ноющий холмик, пока возбуждение девушки, свернувшись, словно пружина, не стало еще более настойчивым. Она почувствовала, что плоть его восстала, придя в готовность, и начала извиваться под ним, пока средоточие мужественности Эша не уткнулось в ее влажную расщелину.

Она задохнулась, почувствовав его там — всего лишь его легкое касание. Не удовлетворившись этим, отчаянно желая, чтобы Эш заполнил ее всю, Маргарит подалась к нему, испытывая сильную жажду чего-то неуловимого, но близкого. Она знала, что это уже близко.

Застонав от сильного желания, Маргарит вцепилась пальцами в напряженные бицепсы Эша. Но он не сдвинулся с места.

Отпустив одно его плечо, она потянула руку Эша к своей второй груди, которой не досталось внимания.

Он подчинился, лаская и поглаживая ее холмик, пока Маргарит не начала задыхаться и извиваться под ним, чувствуя себя так, словно жертва кораблекрушения. Когда Эш наклонил голову и глубоко втянул ее сосок своим теплым ртом, она вскрикнула.

Горячие слезы потекли из уголков ее глаз, когда его язык начал описывать круги вокруг набухшей вершинки. Зубами он прикусил отвердевший сосок, превратив ее жажду во что-то темное, неистовое и немного пугающее. Маргарит закричала от глубины испытанного удовольствия и почувствовала, как внутри нее что-то взорвалось, прорвавшись через все преграды. Весь мир окрасился в серое, и влага потекла у нее между ног. Маргарит упала на кровать, словно была мягкой, бескостной грудой. Грудь ее вздымалась, девушка ловила ртом

воздух, задыхаясь, как будто только что пробежала большое расстояние.

Но отчаянная жажда все еще не выпускала Маргарит из своих цепких объятий. Где-то в самом центре ее тела эта потребность стала более резкой, настойчиво пульсирующей, близкой к боли.

Маргарит почувствовала, как что-то в Эше изменилось. Он слегка отстранился. Лицо его виднелось неясно: огонь, плавающий в камине, освещал одну половину, а другая скрывалась во мраке.

А затем Маргарит почувствовала Эша, уже не дразнящее касание, а всего его, мало-помалу медленно проталкивающегося внутрь нее. Давление между ее ног усилилось: Эш наполнял ее, раздвигая ее плоть.

Она провела ногтями ему вдоль спины, придвигая Эша ближе к себе, и изогнулась, почувствовав незнакомый ей прежде восторг.

И вдруг все неожиданно закончилось.

Что-то со щелчком разорвалось глубоко внутри нее. Давление ослабло, превратившись в жгучую боль. Она дернулась, инстинктивно пытаясь освободиться, вырваться.

— Маргарит, — сумел выдавить из себя Эш, схватив ее за плечи, заставляя девушку лежать под ним неподвижно.

Он замер над ней, оставаясь внутри нее абсолютно неподвижным. Кроме твердой плоти, которая, погрузившись глубоко в тело Маргарит, подрагивала, пульсировала, оставаясь чужеродной и большой. Глупо, как глупо. Почему она ни разу не задумалась, как объяснить свою девственность?

— Остановись, — прошептала Маргарит, не уверенная, о чем его просит.

— Ты мне солгала, — сказал Эш, и голос его звучал обвиняющее.

Она замотала головой, вздрогнув, когда боль внутри нее усилилась.

— Это было твое предположение, — слабо запротестовала Маргарит.

— А что еще я мог предположить? Ты заявила, что являешься любовницей другого мужчины.

Она закрыла нестерпимо разболевшиеся глаза и выгнула спину, надеясь, что освободится от него. Но ее попытки привели к тому, что Эш оказался в ней еще глубже. Маргарит издала шипящий звук, почувствовав неудобство.

— Советую тебе не двигаться. Ты сама себе причиняешь боль. Ты маленькая, Маргарит. Дай своему телу время, чтобы привыкнуть ко мне. — Он откинул волосы с ее шеи, голос его был нежным. — Я бы действовал по-другому, если бы знал. Теперь я не смогу остановиться. Ты никогда не захочешь попробовать снова.

— Точно, не захочу, — выдавила она, вонзив ногти ему в плечи.

Эш издал недовольный звук, но не стал возражать.

Маргарит замотала головой, лежа абсолютно неподвижно, намереваясь избежать повторения ее мучений с разрывающейся плотью. Все было ложью. Страсть, желание. Не что иное, как жестокая сказка. Одно лишь страдание. В реальности все оказалось совсем не таким захватывающим. Те чувства, которые она испытала ранее, были всего лишь ловушкой. Приманкой, предназначенной для того, чтобы женщины проходили через весь этот процесс близости с мужчиной и человеческая раса не вымерла.

Девушка расслабила пальцы, вцепившиеся в его влажную от пота кожу, подумав, что, возможно, Эш послушает ее, если она не станет рвать его кожу на клочки ногтями.

— Отпусти меня.

Эш наклонил голову, взгляд его темных мерцающих глаз, оказавшихся на одном уровне с ее глазами, был напряженным.

— Ты сможешь вытерпеть меня, если я буду лежать неподвижно? — осторожно поцеловав Маргарит в губы, он пообещал: — Я не шевельнусь.

Она продолжала лежать, не шевелясь, ощущая, проверяя свое тело. Боль притупилась, превратившись в еле заметное ноющее чувство. Неприятное, но не невыносимое.

— Только не двигайся, — предупредила Маргарит Эша, а затем чуть не засмеялась.

Она была не в том положении, чтобы им командовать.

Выдохнув у самого ее рта, он усмехнулся.

— Я не буду двигаться — только если ты меня попросишь.

— Я не попрошу, — горячо заверила его Маргарит.

Эш сплел свои пальцы с ее и завел руки девушки ей за голову, устраиваясь на ней поудобнее... но не двигаясь в ней — не пытаясь проникнуть в нее еще глубже. Как он и обещал.

Маргарит расслабилась, почувствовав к нему доверие. Неизвестно, почему. Негодяй, которым, как она знала, был Эш, не причинит ей вреда. Этот мужчина не стал бы разыскивать другого мужчину из-за того, что тот дурно обращался с женщиной, чтобы потом изменить свое мнение и сделать то же самое.

Губы Эша на ее губах стали более жадными, поцелуй — более страстным и требовательным. Мужчина сосасывал нижнюю губу Маргарит, нежно покусывая, когда завладевал ею, а затем облизывая поврежденную плоть. Губы его путешествовали вдоль ее подбородка. Эш нашел бьющуюся жилку на шее Маргарит и втянул ртом кожу в этом месте.

Маргарит хрипло выдохнула. Сердце ее билось так, словно вот-вот вырвется из груди. Она повернула голову, чтобы ему было удобнее. Это было приятно. Она бы позволила ему продолжать это делать всю ночь.

Где-то внутри у Маргарит снова возникло чувство трепета. Вначале она напряглась, вспомнив о том, что дальше последовала боль. Но боль не приходила.

Маргарит еле заметно пошевелила бедрами, желая проверить свои ощущения. Боли не было. Только какое-то пронзительное чувство. В животе у девушки все сжалось, и она застонала. В голосе ее было слышно сильное желание.

Верный своему слову, Эш не двигался. Даже тогда, когда дыхание его стало прерывистым, а тело твердым, негнушимся, напряженным сгустком над ней. Он поднес губы к уху Маргарит, и она задрожала, когда он коснулся теплым дыханием ее чувствительной мочки уха.

Ноги девушки сами согнулись в коленях, и она развела их по обе стороны от его бедер. Это привело к тому, что Эш оказался еще ближе, скользнув в нее еще глубже.

— О!

Маргарит коснулась ладонью его спины, пальцами проведя вдоль позвоночника. Эмоции ее зашкаливали. Тело ее чувствовало себя отлично, чудесно.

Но Эш продолжал оставаться таким же неподвижным внутри нее, словно изваяние из мрамора.

Маргарит осмелела, легкая улыбка коснулась ее губ. Девушка опустила руки еще ниже и обхватила ладонями его упругие ягодицы, еле ощутимо коснувшись ногтями гладкой кожи Эша.

Он застонал, опустив голову к чувствительному местечку на ее шее.

— Маргарит.

Ее имя донеслось до нее, прозвучав гортанной молитвой. И этот звук заставил девушку решиться. Она придвинулась к Эшу, изучая, восторгаясь от ощущения их тел, трущихся друг о друга.

Втянув воздух, Маргарит отстранилась от Эша, откинувшись на матрас. На мгновение она замерла, прежде чем приподняться. Двинуться вверх. Удовольствие от трения их тел пробежало по ней искрой, разойдясь по каждому нервному окончанию. Она вскрикнула, изумленная, наслаждаясь глубоким проникновением Эша в ее тело. Наконец-то это было оно. То, чего Маргарит ждала. Она подняла бедра еще выше, требуя большего, всего, что он мог ей дать.

— Сейчас, — взмолилась девушка, понимая, что ей необходимо высвободить темное пламя внутри нее.

Она узнала достаточно. Достаточно для того, чтобы понять, что только Эш сможет ее заполнить.

— Маргарит, — прошептал он ей в ухо, и голос его звучал по-другому.

Словно голос незнакомца. Такого же потерянного и потрясенного, как и она. Он задрожал всем телом, и ее жажда стала только сильнее.

— Сейчас, Эш, сейчас, — выдохнула девушка ему в ухо, произнося слова, которые, как она надеялась, освободят мужчину от обещания и заставят его необузданность вырваться из заточения.

Повторного поощрения Эшу не потребовалось. Он перестал сдерживаться. Горячая потребность, которая пульсировала внутри него с момента, как их тела соединились, вырвалась на свободу.

Обхватив бедра Маргарит обеими руками, он начал двигаться, то входя, то выходя из ее шелковистого теплого тела, и вновь стремясь попасть внутрь, с ликующими вскриками загоняя в тело девушки свою возбужденную плоть на всю длину.

Эш чувствовал себя так, словно перестал быть самим собой. Словно им завладела какая-то странная сущность, дух, его двойник, который никогда не сталкивался с болью или потерей. Лишения и муки прошлого исчезли, словно их и не было, словно тени никогда не поселялись в его душе, преследуя и надзирая за каждым его шагом.

Впервые в жизни Эш почувствовал себя свободным и никому не должным.

Это — то, что он оказался рядом с этой женщиной — не было случайностью. Для него больше не имело значения, что она была дочерью Джека.

Он прилагал усилия, чтобы сдерживать свои выпады, сделать нежнее резкие хлопки, с которыми его член входил в тугое тело Маргарит, но у него не получилось, он не смог быть нежным с нею. Сила, которой Эш не знал ранее, завладела им. Не имело значения, как сильно, как отчаянно он хотел сделать так, чтобы Маргарит было хорошо — он слишком нуждался в ней.

Маргарит выгнула спину, предлагая ему свое тело, словно сдаваясь на его милость, и выше поднимая свои стройные ноги.

Эш схватил девушку за голень и завел ее за свои бедра. Маргарит оказалась способной ученицей: подняв вторую ногу с кровати, она сама обхватила его и начала вскрикивать от удовольствия каждый раз, как Эш делал выпад.

Она выдыхала его имя снова и снова — исступленный, смущающий звук, эхом разносящийся по безмолвной комнате. Эш наслаждался им, наслаждался ею. Он изо всех сил

пытался уцепиться за свой гнев, за ощущение того, что она его предала, обманула, но это было бессмысленно. Он чувствовал только ликование, глубокое всепоглощающее удовольствие от того, что был первым мужчиной, который учил ее премудростям любви. И последним, поклялся Эш, делая более сильный выпад, его голод и чувство обладания ею вознесли его страсть на недостигаемую высоту, выходя из-под контроля.

Обнаженная Маргарит, лежавшая под ним, выглядела великолепно: тени пробегали по изгибам и впадинам ее хрупкого тела, волосы, словно веер, разметались вокруг головы черным нимбом. Кто бы мог подумать, что Эш обнаружит такую чувственную натуру в женщине, которая выказывала к нему пренебрежение и так бранила его перед доброй половиной Сент-Джайлза?

Эш просунул ладонь между их телами, нашел скользкое, теплое местечко, этот крошечный бугорок чувственности, и дотронулся до него пальцами, нажимая и потирая его, пока не почувствовал, как Маргарит задрожала.

Она закричала, чуть не сбросив Эша с себя от силы ее разрядки. Он потянул ее на себя, заключил в объятия и крепко держал, изливаясь в нее, достигнув, наконец, чувства совершенной наполненности.

— Как так может быть, чтобы любовница оставалась девственницей?

Рука Маргарит, медленно выводившая какие-то узоры на голой груди Эша, замерла. Девушка вздрогнула, даже несмотря на то, что знала: этот вопрос все равно возникнет.

— Полагаю, это потому, что я не была его любовницей в полном смысле слова. Пока.

— Пока. — Слово повисло в воздухе. — Так что там с этой важной поездкой в Испанию?

— Ох, я собиралась поехать в Испанию с Роджером... Я подумывала о том, чтобы в этом путешествии избавиться от своей невинности.

Казалось, что грудь Эша под ее щекой напряглась.

— Ты любишь его? — спросил он голосом, лишенным эмоций.

Маргарит покачала головой, не желая раскрывать правду, признаваться в том, что она знала Роджера еще меньше, чем Эша. Она выбрала Роджера по причинам, которые не имели ничего общего с любовью.

— А ты не могла поступить по-другому? Сделать еще что-нибудь... но не становиться любовницей какого-то там мужчины? У тебя что, не было выбора?

Причина, по которой она решила стать чьей-то любовницей, потребует объяснений... затянет ее в запутанную трясиину слов, которые, скорее всего, приведут Маргарит в приют для умалишенных.

— Ты могла бы обратиться к Джеку, — продолжил Эш.

— Нет, — отрезала она, вся похолодев при мысли о своем отце. — Мне не нужна его помощь. Кроме того, он бы наверняка выдал меня замуж за какого-нибудь аристократа. — Губы Маргарит изогнулись в улыбке. — Сомневаюсь, что в этом случае я бы сейчас оказалась здесь, с тобой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Рука Эша скользнула по ее спине, и это была ласка собственника.

Маргарит прильнула к нему и задрожала, почувствовав, как ее обнаженные груди вжались в его твердую, словно стена, грудь.

— Ничто из того, что было раньше, больше не имеет значения, — пробормотала она, приблизив свои губы к губам Эша.

— Роджер не имеет значения? — с нажимом спросил он, очевидно, настаивая на таком объяснении.

Его глаза мерцали в полумраке, в них отражался голод, отдававшийся эхом в ее теле.

Маргарит колебалась всего один миг.

— Нет. Не имеет, — подтвердила она.

И не имел, поняла девушка и вздрогнула. Даже если она вернется в Лондон и обнаружит, что Роджер ее ждет, она никогда не сможет быть с ним. Никогда уже она не вернется к своим грандиозным планам и не сядет на корабль, отходящий в Испанию. Никогда не сможет стать его любовницей. Только не после того, что сейчас произошло.

Только не после Эша.

Очевидно, мадам Фостер была права. Некоторые судьбы нельзя изменить.

Опустив голову, Маргарит поцеловала Эша теплым, глубоким поцелуем. Он замер, словно терялся в догадках, чем было вызвано столь нежное внимание.

Наконец Эш пошевелился, обхватив ладонью затылок Маргарит. Запустив пальцы ей в волосы, он углубил поцелуй, продолжая целовать ее глубоко и медленно, пока все мысли не исчезли из головы девушки.

Проснувшись, Маргарит долго потягивалась, ощущая боль в таких местах, о которых она даже не подозревала. Со счастливым вздохом она откинула голову на подушку, остановив взгляд на густой серой дымке, обволакивающей оконные стекла.

Внезапно она замерла, осознав причину ломоты во всем теле. События прошлой ночи нахлынули на нее. Эш. Она втянула ноздрями воздух, ощутив его легкий мускусный запах. Это было чудесно. Не считая боли вначале, потеряться в вихре страсти было всем, о чем она только могла мечтать. Вот почему на лицах Фэллон и Эви появлялся румянец, когда их мужья входили в комнату. Теперь она все поняла. Как же глупо с ее стороны было осуждать их за проявление чувств.

После такой ночи с Эшем можно было и спокойно умереть. Это почти примирило ее с мыслью о неизбежной смерти. Почти. Оставалось еще кое-что. Она так и не вышла замуж. Мадам Фостер утверждала, что она будет замужем, когда с ней случится несчастный случай.

Оставался шанс. Шанс выжить. Маргарит уцепилась за эту надежду. Они провели с Эшем ночь вместе, она извела вкус страсти. Главное — не нужно выходить за него замуж.

Она погрузилась в свои мысли, глядя на тени, танцующие на стропилах. Эш спит рядом с ней. Лошадь ждет снаружи. Она запросто может ускользнуть, при условии, что будет вести себя тихо и не разбудит его.

С колотящимся от такой смелости сердцем — сбежать прямо у него из-под носа — она решилась оглянуться на него, спящего, словно пытаюсь найти ответ в резных чертах его лица. Словно один взгляд подскажет ей — что делать. Будет ли она сожалеть об уходе?

Маргарит посмотрела на кровать. Рядом с ней зияло пустое место.

Охнув, она села, прижимая одеяло к груди. Он исчез. Она окинула взглядом темную комнату.

— Эш? — позвала она слабым тоненьким голоском.

Мысль о побеге вылетела из головы и растворилась в ночи.

Нет ответа. Маргарит встала и скользнула в свою сорочку. Не обращая внимания на замерзшие ноги, она неслышными шагами прошла в другую комнату, растирая голые руки.

— Эш?

Никого не обнаружив, она подошла к большому окну с многочастным переплетом. Густой снег покрывал землю. Отсюда она не могла видеть, что происходит в маленькой конюшне, но было предчувствие, что его коня там тоже нет.

Тем не менее, она ни минуты не думала, что он мог ее бросить. Даже не будь той близости прошлой ночью, той нежности, с которой он любил ее тело, он никогда бы не оставил ее. Помимо всего прочего, он потратил на нее слишком много времени, да впридачу еще его счеты с ее отцом.

Она огляделась вокруг. Но куда же он ушел?

Словно оказавшись в западне, как беззащитное животное в клетке, в ожидании своего похитителя, она отвернулась от окна. Забыв, что прошлой ночью практически не спала и нуждается в отдыхе, она прошла в спальню и оделась. Глубоко вздохнув, Маргарит расположилась у огня и стала ждать.

Эш отряхнул полы широкого плаща, пропустив вперед священника и необходимых

свидетелей — кучера и грума — в охотничий домик, и остановился у порога, чтобы сбить снег с сапог.

Он уехал, едва забрезжил рассвет, пока Маргарит еще спала, и был решительно настроен жениться на ней. Единственное, что беспокоило его с прошлой ночи, так это то, что он все еще не мог назвать ее своей женой. Но этот вопрос он решит в течение нескольких следующих минут.

Постучав лишний раз, на случай, если Маргарит все еще оставалась в той восхитительной наготе, в которой он ее покинул, он вошел под теплый кров домика.

Маргарит, сидевшая в мягком кресле перед очагом, широко раскрытыми глазами уставилась на этот небольшой отряд. Она резко вскочила и зашелестела юбками, стараясь их разглядеть. Попыталась уложить локоны в прическу, но, как предположил Эш, не смогла найти вех шпилек. Половина густых волос была собрана в пучок, остальная рассыпалась по плечам потоком черных волн. Он вспомнил, как этот шелк скользил по его коже, и тело напряглось, готовое повторить прошлую ночь. Вновь пережить каждый восхитительный момент.

— Маргарит, — поздоровался Эш, не совладав с хрипотой в голосе.

Вот что она с ним делает. Думал ли он когда-либо, как она трогательно красива? Или считал ее только способом решения своих деловых проблем? Возможностью отомстить ее отцу? Эш фыркнул. Если он не будет осторожен, то скоро начнет слагать стихи ее красоте.

Маргарит не сказала ни слова. Быстрый взгляд, брошенный на трех незнакомых мужчин, напомнил ему загнанное животное. Но вот она вызывающе вскинула голову, словно укрылась за невидимой броней... будто и не было прошлой ночи, которая смягчила их отношения. Опять все с начала. Он вздохнул. По крайней мере, она никогда ему не наскучит. С ней ничего нельзя было предугадать. В отличие от других женщин, с которыми он был близок.

Эш отошел, уступая дорогу долговязому мужчине с бакенбардами, делавшими его похожим на барашка.

— Маргарит, это преподобный Джеймс.

— Мисс, — джентльмен поздоровался, снял шляпу и полностью вышел вперед, растирая руки и поглаживая ими лицо, чтобы согреться. — Погода отвратительная, но уверен, от вашего светлого торжества и на горизонте проясняется. Бог мне свидетель, это так.

Эш проглотил смешок.

— Преподобный, — прошептала она, скрестив руки на груди.

Голос ее был полон скепсиса. Из-под подола выглянул носок гневно постукивающего ботинка. В глазах пылал огонь, напомнивший ему ту Маргарит, которую он когда-то встретил в Сент-Джайлзе, готовую уничтожить его своим ядовитым язычком.

Священник кивнул.

— Верно.

— Прошу прощения за хлопоты. Но в ваших услугах здесь не нуждаются.

Эш возвел глаза к небу, молясь о терпении и понимании. После того, как она отдалась ему с такой страстью, он был уверен, что она приняла их союз. По-видимому, его ввели в заблуждение.

Взгляд Маргарит перенесся к нему, словно почувствовав его раздражение. Ее глаза цвета виски смотрели спокойно, без каких-либо эмоций. В них не было ничего от того пылкого существа из прошлой ночи.

Священник добродушно крякнул.

— Что ж, я никогда не принуждал девушку давать брачные обеты. Это было бы неэтично. — Мистер Джеймс похрустел суставами. — Но иногда девушка сама не может разобраться в своих мыслях, пока я ей не помогу.

Пристальный взгляд Маргарит вернулся к священнику.

— В самом деле? Вы утверждаете, что знаете, что происходит в голове у женщины?

Он весело кивнул.

— Ага.

Эш вздрогнул, отчаянно желая, чтобы старый идиот придержал язык. Дурак делу не поможет. Эш не собирался заставлять Маргарит выходить за него замуж.

Маргарит вскинула голову, глаза опасно заблестели. Она больше не смотрела на священника, а перевела взор на Эша.

— Ты тоже считаешь, что я не знаю, чего хочу, Эш?

Он не мог удержаться.

— Более противоречивой женщины я не встречал.

Румянец окрасил ее щеки, но она ничего не ответила на его заявление.

— Ты хочешь стать моей женой, Маргарит, — прошептал он, внимательно глядя ей в глаза, уверенный в своей правоте, но жаждущий подтверждения.

Спустя короткий миг она с неохотой отрывисто кивнула.

— Где мы должны стоять? — спросил Эш прежде, чем она еще раз изменит решение. Он встал рядом с окаменевшей Маргарит. — Здесь? Так будет нормально? — спросил он и под локоть подвел Маргарит к очагу.

— Ах, да, — усмехнулся преподобный. — Я проводил эту церемонию в местах гораздо худших, чем сия скромная обитель.

— Даже не сомневаюсь, — буркнула Маргарит, неподвижно застывшая рядом с женихом.

Эш нащупал ее руку. Пальцы были холодными, вялыми и безжизненными. Он перевел взгляд на ее лицо и столкнулся с пламенеющим взором. За этим огнем скрывались чувства, которые он не мог разгадать.

Он не мог понять. Прошлая ночь позволила ему уверовать, что она к нему что-то испытывает. То же самое он мог сказать и о себе самом. Он что-то чувствовал к ней. Что-то настоящее. Что-то, помимо холодного гнева, заставившего его совершить похищение в начале путешествия.

Потрясающе... он полагал, что их брак может стать непритворным, основываясь если не привязанности, то хотя бы на желании. Это гораздо большее, чем он когда-либо надеялся получить. Этого было достаточно, чтобы, стоя перед священником и отвечая на его вопрос, без колебаний произнести слова клятвы.

Но видеть Маргарит со сжатыми в немом укре губами, явно отказывающейся принести брачные обеты, было просто невыносимо.

Священник выжидающе замер, позволяя ей повторить сказанные им слова. Ничего. В конце концов, он пожал костлявыми плечами и перешел к следующей части церемонии, словно услышал то, что хотел.

Рыча от отвращения, Эш отстранился от нее. Он не хотел жениться на женщине, которая этого не желает. Не мог на это пойти.

Неизвестно, что злило его больше — Маргарит или он сам. После прошлой ночи он

знал, что она хотела его. Он предложил приличный договор. Ему нужно только сделать выбор за нее — он должен жениться на вздорной женщине, которая, как оказалось, сама себя не понимала и не знала, что делать.

И все же он не мог. Большую часть жизни у него не было возможности выбора. После смерти родителей, его первое решение и выбором-то нельзя было назвать. Улицы или приют. Даже если он предполагал, что Маргарит отвергнет его предложение, он не мог лишить ее свободы.

Эш вдруг остановился, почувствовав на своей руке ее пальцы, удерживающие его, призывающие вернуться.

Их взгляды встретились, по-прежнему полные неизъяснимых чувств. Внимательно рассматривая его лицо, словно запечатлевая в памяти каждую линию, каждую ямочку, она медленно и торжественно повторила свой обет, отчего у него перехватило дыхание.

Целое мгновение никто не шевелился и не издавал ни звука. Ее маленькая ладошка на его руке являлась самыми обжигающими узами из всех, что его когда-либо сковывали.

Она сделала это. Произнесла слова, которые связали их, без всякого принуждения.

Странное напряжение охватило его грудь, лишив воздуха. Он порывисто схватил ее прохладные руки, сжав тонкие пальцы. Маргарит упала в его объятия, и Эш жадно поцеловал ее, не обращая внимания на окружающих. Затем он отпустил ее, но лишь для того, чтобы обхватить лицо, и, смакуя ее губы, решил, что она никогда не пожалеет об этом. Она ответила на поцелуй с неменьшей страстью.

И этого, сказал себе Эш, было достаточно. Пока. Прозвучал голос мистера Джеймса:

— А теперь объявляю вас мужем и женой.

В этот момент они оторвались друг от друга. Маргарит отодвинулась от него, ошеломленно хлопая глазами, словно очнувшись ото сна.

Следующие минуты протекли как в тумане. Он едва помнил, как расписался в метрической книге рядом с именем Маргарит... и потом мог только пялиться на нее, свою жену, рассчитывая найти на ее лице сожаление, и изо всех сил пытаюсь понять, почему она передумала, и не сделает ли так снова.

— Как долго мы будем оставаться здесь? — спросила Маргарит, опускаясь в кресло после ухода гостей, когда они снова остались наедине.

Эш пожал плечами, подбрасывая в огонь дрова.

— Несколько дней. Я подумал, что не помешает некоторое время провести вместе. Не волнуйся. Голодать мы не будем. — Жестом он указал на две большие корзины у порога. — Если будет нужно, готовить могу я, но за качество еды не отвечаю. — Он самоуничижительно усмехнулся. — Теперь мы муж и жена. Нам надлежало бы познакомиться.

Один угол ее рта изогнулся в полуулыбке.

— Разве это не то, что пары делают заранее?

— Не могу сказать, что знаю это наверняка. Меня заботит только то, что касается нас, Маргарит.

Эш обернулся к ней, и Маргарит заставила себя не ерзать. После прошлой ночи не могло быть и речи о застенчивости. После замужества — тем более.

Его сапоги скрипнули и оказались рядом с креслом.

— Почему ты произнесла обет? — спросил он.

Маргарит пожалала плечами, не зная, что сказать. Она и сама не была уверена, что знает

ответ. Быть может, ей хотелось какого-то контроля. Ели верить мадам Фостер, определенные события уже предрешены, и она уже совершила несколько шагов к ним навстречу.

Тогда зачем бороться? Противиться — ему? Тем более, что ни ее тело, ни сердце не хотели этого. Ее тело изнывало. Она никогда раньше не чувствовала такого притяжения, ни один мужчина прежде так не затрагивал ее. Возможно, они предназначены друг другу.

Пожирая его глазами, Маргарит не могла допустить и мысли, что не будет с ним снова. Сколько бы дней ей не оставалось, она хотела провести их с Эшем. Она может ухватиться за их брак и попытаться избежать пути, который приведет к ее гибели. Она верила в это. Должна была. Это небезнадежно.

Ей нужно больше информации, больше деталей от мадам Фостер, чтобы знать, каких событий в будущем надо остерегаться, чтобы предотвратить аварию, влекущую за собой ее смерть.

— Я не знаю, — увильнула Маргарит, не будучи готовой сказать, что вышла за него замуж, потому что хотела этого.

Потому что от одного звука его голоса у нее в туфлях сжимались пальцы ног.

Она все еще не знала, как Эш относится к ней. Причина его женитьбы была основана на бизнесе. Она не собиралась обнажать свое сердце, чтобы выносить полные жалости взгляды.

Глаза Эша обшаривали ее лицо, словно он мог прочесть на нем все, что она утаила. Маргарит отвернулась, встревоженная, что он мог там обнаружить.

Его голос прорезал воздух между ними, по коже девушки пробежали мурашки.

— Это последнее, что я ожидал...

Что она согласится выйти за него замуж? Маргарит тонко засмеялась.

— Что ж, я от себя этого тоже не совсем ожидала.

Мадам Фостер была права. Выбирая путь, есть возможность, шанс изменить свою судьбу. Кроме того, она продолжала выбирать, приближаясь к судьбе, предсказанной мадам Фостер.

Эш положил ладони на ручки ее кресла, и, приблизив к ней лицо, навис стеной. Его мощь сокрушила ее, чистая мужественность заставила сердце биться быстрее.

— Я не хочу, чтобы ты жалела об этом. И я тоже не хочу об этом сожалеть.

Эмоции затопили ее. Маргарит отчаянно кивнула.

— Не буду.

— Хорошо.

Качнувшись, Эш отстранился от кресла и зашагал к двери. Деревянные половицы заскрипели под его ботфортами.

Маргарит поднялась на ноги, окликнув его.

— Ты куда? — Быстрый взгляд в окно сообщил, что снова пошел снег. — Там же настоящая буря.

— Нам нужно больше дров.

В дверях Эш остановился, задержавшись на мгновение, чтобы вернуться назад и сгрести ее в объятия для поцелуя, который заставил ее задохнуться и отчаянно желать большего.

Его обсидиановые глаза заблестели.

— Я могу к этому привыкнуть, — произнес он, растягивая слова.

— К чему? — прошептала Маргарит, и ее язычок выскользнул увлажнить саднящие губы.

— К тебе.

Затем он ушел. Маргарит оглядывала тихую комнату, в горле стоял ком, глаза щипало. Она тоже хотела этого. Привыкать к нему. Еще много-много лет.

Снегопад усилился, образовав сплошную пелену, и Маргарит начала волноваться, что Эш замерзнет там, снаружи. Она поклялась себе, что если он вернется, она будет вести себя так, как положено настоящей новобрачной. В конце концов, она дала обет. Ее никто не принуждал.

Когда дверь с шумом распахнулась, она вскочила на ноги. Порыв ветра ворвался вместе с Эшем и закружился по комнате. Эш стряхнул снег с широких плеч и сбил его с сапог на коврик.

Маргарит нацепила на лицо улыбку и помогла ему снять длинный плащ. Повесив одежду на вешалку у двери, она обернулась, собираясь сказать нечто веселое, но слов не последовало.

Эш сгрел ее в объятия, оторвав от земли, и поцеловал, лишив воздуха. Его холодные губы быстро отогрелись на ее устах, вызывая в ее животе чувство разлившегося жара.

На мгновение Эш прервался. Держа ее лицо в ладонях, он смотрел своими смоляными глазами, глубокими и пронзительными, словно видел то, что она не могла в себе разглядеть, о чем даже не подозревала.

— Я целовался тысячи раз...

Маргарит вздрогнула и попыталась вырваться — ей не понравилось напоминание о его опыте — женщинах, которые ему, несомненно, нравились и были более искушенными, чем она. Эш крепче обхватил ее лицо и так резко притянул ее к себе, что она не могла вздохнуть.

— Но до тебя никогда, — яростно проговорил он, вызывая в ней легкую дрожь. — Никогда до тебя. С тобой все ново. Свежо и так сладко. Я не сдамся. И неважно, что изначально я хотел лишь номинального брака. Теперь я хочу тебя. Хочу все это.

Это было уже чересчур. Маргарит не позволила ему закончить. Не могла. Она преодолела последние несколько дюймов, разделявшие их лица, и с рвением поцеловала Эша, неумело прижавшись к его губам. Желание вскоре растопило всю неловкость. Он застонал ей в рот.

Через некоторое время ей понадобился воздух, и она прошептала:

— Что же мы делаем? Это — своего рода медовый месяц, верно?

— Конечно, — пророкотал он прямо ей в губы. — А также Рождество.

Ее улыбка чуть не померкла. Она почти забыла. Рождество — всего лишь один день, из череды похожих, следующих один за другим. Оно ничем не отличалось от любого другого времени. Только было холоднее.

— Да, — произнесла она.

Эш поцеловал ее в уголок рта, при этом удобно обхватив руками за талию. Это было так естественно, так правильно... Именно так он держал ее бесчисленное количество раз до этого.

— Боюсь только, празднование будет слишком тихим для двоих. Как ты обычно празднуешь? Ходишь на приемы? Распеваешь рождественские гимны?

— В последние годы я посещала друзей. — В юности она ничего не делала. Иногда даже была предоставлена сама себе, когда мать достаивалась приглашения в Лондон, чтобы присоединиться к ее отцу. — А что насчет тебя?

— Вообще, твой отец обычно приглашал меня на ужин. Довольно грандиозное

мероприятие с разными людьми.

Маргарит сделала болезненный вдох через нос, думая о том, что она никогда не проводила Рождество с отцом. Потому что он не хотел ее видеть.

— И гусь был? — спросила она с необъяснимым комом в горле.

В Пенвиче, холодными зимними ночами, она мечтала, как на праздник ее позовут домой и посадят за стол с жирным и сочным рождественским гусем.

— Думаю, да. Хотя мы всегда были так впечатлены чрезвычайно крепкой брагой его экономки, что я с трудом вспоминаю о еде. — Смех в его голосе был заразителен, и Маргарит начала улыбаться. Пока не вспомнила, что речь идет об отце, который никогда не приглашал ее отпраздновать Рождество вместе. Ее улыбка угасла.

Словно чувствуя перемену в ее настроении, Эш большим пальцем погладил ее щеку, внимательным взглядом проникая в ее сознание. Опасаясь, что он может прочесть ее мысли, Маргарит снова заставила себя улыбнуться.

— Уверен, мы найдем способ насладиться праздником и вдвоем, — сказал он и медленно кивнул.

Она ни с чем не спутает блеск его черных глаз. Как не пропустит растущее напряжение внутри себя.

Они постоянно будут наедине. Что еще можно здесь делать, кроме как заниматься друг другом? Ее щеки запылали при мысли о том, что имелось в виду. От воспоминаний о прошлой ночи, у нее голова шла кругом, а тело горело в ожидании.

Эш стянул с вешалки их плащи. Развернув Маргарит, он помог ей одеться.

— Пошли.

— Куда мы идем? — спросила она, чувствуя легкое беспокойство.

— Собрать падуб, конечно же. И еще сосновые ветви.

— Падуб? — она посмотрела на него через плечо. — Ты что, шутишь?

В глазах Эша плясали чертики, но он послал ей намеренно строгий взгляд, укутывая ее в плащ.

— Нам многое предстоит сделать. — Он развел руками. — Разве ты не видишь, что это пустое место просто умоляет, чтобы его приукрасили к празднику. Нам придется потрудиться.

Потеряв дар речи, Маргарит оглядела комнату. Он собирается заняться ее украшением?

Схватив шарф, Эш обмотал его вокруг головы и шеи Маргарит. Затем он помог ей с перчатками, не обойдя вниманием ни один палец.

Маргарит рассматривала его склоненную голову, любуясь поцелованными солнцем прядями, и задавалась вопросом — заботился ли так о ней кто-нибудь раньше?

Закончив, он так улыбнулся, что ее сердце просто растаяло. Их взгляды скрестились, и, замирая, она поняла, что совсем пропала.

Она влюбилась в человека, который ее похитил и женился на ней. В человека, который не должен был украсть ее сердце.

— Что такое? — тихо спросил Эш, всматриваясь в ее лицо.

Его глаза обжигали.

Маргарит покачала головой.

— Ничего, — прошептала она. — Давай поторопимся. Пока все сосны не замело.

Посмеиваясь, он открыл дверь и вывел ее в холодную метель.

Морозный ветер просвистел вокруг Эша, когда он упал с дерева и ударился о землю. Одно мгновение он лежал, ошеломленный, что его сбilo ветром, руки все еще зудели от шершавой коры. Причем, в большей мере он удивился своей неуклюжести, о том, что он мог серьезно пострадать, он не подумал. Правда, снег смягчил его падение.

— Эш! — закричала Маргарит.

Его поразили нотки паники в ее голосе, и он был чрезвычайно рад, что жена так беспокоится о его безопасности.

— Эш! — Ее сапоги скрипели по заснеженной земле, преодолевая расстояние от того места, где она собирала падуб. — Тебе больно?

Может, это было не очень хорошо с его стороны, но он не спешил ее успокоить, а вместо этого продолжал лежать с закрытыми глазами, ожидая нежного ухода — первого прикосновения рук Маргарит.

Она упала на колени рядом с Эшем, принеся с собой ледяной бриз. Ее быстрые маленькие ладошки скользили по его груди, чуть надавливая, когда она ощупывала его, проверяя — жив ли он. Его душил смех, когда ее руки достигли щекотного места у него под ребрами. Эш заставил себя не проронить ни звука.

Перчатка Маргарит согрела его щеку, яростно ее растирая.

— Эш, дорогой, ты меня слышишь? Поговори со мной!

«Дорогой».

Ее легкое дыхание обвевало его лицо, посылало тепло его холодным губам, так близко и завораживающе сладко, что он не мог сопротивляться.

Одним быстрым движением Эш схватил ее и перекатил под себя. Маргарит завизжала, вцепившись в его плечи.

Широко раскрытыми глазами, она смотрела на него, моргая.

— Ты... ты...

— Изумительный мужчина, — вставил он, — лучший любовник в мире?

Нахмурившись, Маргарит ударила его по плечу.

— Мошенник! Я думала, тебе больно. Я уже представляла, как буду тащить такую громадину, как ты, назад к хижине.

Посмеиваясь, Эш опустил голову и поцеловал ее в прохладные, что-то бормотавшие губы. Он углублял поцелуй, пока не прогнал холод насовсем. Пока его тело не согрелось изнутри.

Он подсунул руку под Маргарит, приподнимая ее от стылой земли.

Постанывая, она обняла его за шею с такой силой, словно никогда не собиралась его отпускать.

Эш мысленно проклинал разделяющую их тяжелую одежду, такую толстую и лишнюю. Не думая о снеге, он распахнул ее плащ и стянул шарф, обнажая горло для своих губ. Он целовал ее в шею, задевая чувствительный изгиб зубами. Маргарит дрожала. Он ли был тому причиной, или так действовал холод, он не знал. Он понимал только, что должен ей обладать.

Поднявшись на ноги, Эш потащил ее за собой. Сжимая ее руку, он стремительно зашагал назад к хижине.

— Падуб, ветки, — вскрикнула Маргарит, затаив дыхание.

— Я вернусь за ними, — прорычал Эш, увеличивая скорость.

Несколько раз она спотыкалась, он ее поднимал. Через некоторое время он устал

волочить ее по снегу. Не останавливаясь, он подхватил ее на руки и так нес весь остаток пути.

Эш дышал быстро и тяжело, кровь шумела в голове, когда он вошел в хижину, пинком закрыв за собой дверь.

Ее рот уже сокрушал его своим волшебством, целуя его шею, продвигаясь вдоль скул. В исступлении они стаскивали и срывали друг с друга плащи.

Ее рвение подгоняло Эша, нетерпеливым движением он сбросил оставшуюся одежду и обнажился первым. Его руки потянулись к ее волосам, вытаскивая шпильки и пропуская пряди через пальцы, распуская темную массу. Он прижал ее к себе и поцеловал, раскрывая ее губы своими губами.

Маргарит касалась его, смешно постанывая, она уже успела расстаться с платьем и теперь, зардевшись, стояла перед ним. Обнаженное тело перед обнаженным телом.

В своем безумстве они не достигли кровати. Сплетаясь в объятиях, они упали на ковер из мехов перед камином.

Эш засмеялся ей в шею. Они перекатывались, целовались, их руки не знали отдыха, дотрагиваясь, прикасаясь, поглаживая.

Эш устроился между ее разведенными бедрами. Маргарит двигалась, подстраиваясь под него. Ее разгоряченное тело словно приглашало его войти. Он скользнул в нее одним гладким толчком.

Маргарит вскрикнула, выгибаясь, откинув назад шею, подставляя ему изгиб своего горла. Ее пронзила дрожь, когда его губы прикоснулись к чувствительному месту, а затем нежно покусывали шею, в то время как он входил и выходил из нее, устанавливая медленный, волнообразный темп.

Маргарит цеплялась за его спину, погружаясь ногтями в его плоть. Она поднимала бедра навстречу его толчкам, словно умоляя увеличить темп, брать ее быстрее. Его движения ускорились, стали глубже, уходя из-под его контроля.

Эш спрятал лицо у нее на шее, вдыхая ее запах, похожий на молоко и мед, уверенный, что его бывшие женщины никогда не пахли так, как она.

— Маргарит, — выдохнул Эш, удивляясь, как каждый дюйм его тела мог быть так разгорячен, когда на улице такая лютая стужа.

Руки Маргарит скользнули с его спины, обхватили его ягодицы и сжали их. Эш содрогнулся и зарычал от облегчения, дернувшись в ней последний раз.

Маргарит потрясенно трепетала в его объятиях, когда ее накрыло собственное освобождение. Эш упал на нее, все еще находясь в ее восхитительном тепле, дрожа от вырывающихся из него волн кульминации.

Через некоторое время он скатился с нее, продолжая обнимать за талию. Глаза Маргарит были закрыты, она тяжело дышала, словно пробежала большое расстояние.

Эш рассматривал ее лицо, раскрасневшееся от занятий любовью, при этом кончик ее носа все еще розовел от уличного холода.

Он потянулся рукой к соседнему креслу и схватил лежавшее там стеганое одеяло, затащил его на них, убедившись в том, что Маргарит была полностью укрыта.

— Ммм, — довольно пробормотала она, устраиваясь возле него, как в гнездышке, глубже зарываясь в меховой коврик. — Я могу привыкнуть к этому.

Заниматься любовью посреди дня? Дремать, как жирный кот, без забот и ответственности? Невзирая на богатство и власть, которые он приобрел за последние

несколько лет, он никогда не позволял себе излишеств. Он всегда гордился своим трудом, работая больше, чем отдыхал или играл. Он не был аристократом голубых кровей, родившимся с серебряной ложкой во рту. И все же он знал, что она имела в виду.

Когда ее дыхание выровнялось, и она плавно погрузилась в сон, Эш залюбовался на нее — такую юную и нежную в состоянии покоя.

— Я тоже, — пробормотал он, в груди при этом странно сдавило. — Я тоже.

Когда Маргарит проснулась, день перетек в сумерки, небо за окном окрасилось в нежно розовые, пурпурные и серые тона. Она зевнула, с удивлением подумав, как же долго дремала. Беглый осмотр показал, что кровать пуста. Эша не было.

Хотя Маргарит и знала, что он не мог далеко уйти, в груди неясно заныло. Поднявшись, она быстро начала одеваться, при этом по лицу разлился жаркий румянец, когда девушка поняла, что эти несколько часов спала голой. Никогда прежде она не ложилась в постель полностью обнаженной. В Пенвиче сорок с лишним девочек ночевали в большой общей спальне. В недолгие моменты уединения она из скромности очень мало что узнала о себе, когда раздевалась. В любом случае с Эшем от той скромности не осталось и следа.

Теперь она была как истинная сирена: сбрасывала одеяния, словно привыкла делить постель и тело с другим человеком.

Одевшись, она пошла в большую комнату и обнаружила Эша склонившимся над столом с выгащенной из корзины буханкой хлеба.

Маргарит принюхалась.

— Пахнет божественно.

— Я приготовил тушеное мясо.

Ее глаза расширились от удивления, взгляд остановился на большом горшке около него на столе.

— Ты умеешь готовить?

Его губы дрогнули.

— Я много чего еще умею.

В этот момент Маргарит заметила падуб и ветки, большой кучей лежащие у двери.

— Ты забрал наш падуб, — пробормотала она.

Эш пожал одним плечом.

— Думал, тебе захочется украсить ими вечер.

Она села за стол напротив него.

— Конечно, я должна что-нибудь сделать. Пока я спала день напролет, ты много чего успел.

— Я таскал тебя по всей стране. Должна же ты отдохнуть. — Его глаза соблазнительно вспыхнули. — Тем более, что впереди у тебя долгая ночь.

— О, — прошептала Маргарит, ее сердце подскочило куда-то к горлу, пока она смотрела, как Эш поднял с кастрюли крышку и стал мешать содержимое, от которого шел пар. Мужчина заботится о ней — совершенно незнакомое ощущение.

Ее живот заурчал, напомнив, что с утра она ничего не ела. Пока Эш накладывал вкусно выглядевшее мясо в миски, она нарезала хлеб толстыми кусками, ощущая потребность занять руки и избавиться от смущения из-за того, что ждал от нее новоиспеченный муж.

— Очень вкусно, — наконец заметила Маргарит.

— Уверен, не самый лучший рождественский ужин из всех, что у тебя были.

Маргарит удивленно переспросила:

— Сегодня сочельник? — За последнюю неделю она потеряла счет дням — настолько была полна решимости сбежать от него... сбежать от своей судьбы. Быстрый взгляд за окно — словно в подтверждение, стал мягко падать снег.

— Да.

Ее посетила непрощеная мысль. Ее последнее Рождество. Она отчаянно затрясла головой, отрицая это, глаза внезапно защипало. Не последнее. Оно не будет последним, прервала она свои мрачные размышления, особенно с человеком, к которому она...

Та еще головоломка. Что? Что она чувствует к Эшу? Любовь? Она мысленно прошептала это слово. Зажмурилась, сиюсь удержать слезы. Да, вот результат. Маргарит осознала это в полной мере. Как она могла пойти с ним на такой риск?

— Мне жаль, — сказал Эш грубо, почти сердито, явно неправильно истолковав ее молчание. Его ложка звякнула по внутренней стенке миски. — Уверен, есть много других вариантов празднования Рождества, и ты бы предпочла любой из них. Я не подумал выбрать время, когда забирал тебя из отцовского...

— Не жалею, — затараторила Маргарит, сама себя удивив следующими словами, но она должна была это сказать. — Я не жалею. Я рада, что ты приехал именно тогда. Приедь ты на день позже, на мгновение позже, и ты упустил бы меня.

И это было правдой. Он упустил бы ее. И в канун Рождества рядом с ним сидела бы одна из ее сестер.

Ее бы не похитили. Она бы не вышла за него замуж... не было бы ничего этого.

Маргарит поняла, как много оставлено на волю случая. Или судьбы. И она не жалела об этом. Не жалела ни о чем — и уж точно не жалела о нем.

Не важно, что принесет следующий год, она не пожалеет. Рано или поздно все оказываются перед лицом смерти. И если ей предназначено умереть молодой, то у нее, по крайней мере, будет настоящая жизнь. И любовь.

Черты его лица расслабились от ее слов, резкие линии смягчились в мягком отсвете камина.

— В таком случае замечательно. Я тоже не жалею. Не то чтобы я сожалел по-настоящему. Просто в наше первое Рождество я хотел для тебя чего-то лучшего, чем это. — Он с гримасой указал на тарелки с тушеным мясом и окружающую их обстановку.

Поднеся ложку к губам, Маргарит выдержала его пристальный взгляд и проглотила содержимое.

— Это лучшее Рождество, которое у меня когда-либо было.

Позже вечером Маргарит проснулась в пустой кровати и спросила себя, когда у Эша появилась привычка сбегать с брачного ложа. Это мужчина что, никогда не спит?

Натянув через голову сорочку, она протопала в большую комнату, растирая замерзшие руки и поражаясь, насколько уютно ей стало в этом домишке. Идея остаться, задержаться здесь навсегда больше не казалась ей в целом... плохой. Может, опасность не найдет ее здесь... или несчастье случится с ней не смотря ни на что. Может, здесь она сможет скрыться от призраков смерти. Они с Эшем могли бы построить свой собственный безопасный мирок. Приятная мечта — даже если ей не суждено сбыться.

Эш оказался в кресле перед камином. В одних брюках он, склонившись, трудился над чем-то. Плечи и бицепсы работали, напрягаясь и чуть подрагивая, а широкая обнаженная спина мерцала в свете камина.

Обхватив себя руками, Маргарит тихо приблизилась, став у него за спиной. Комнату заполнял слабый скребущий звук.

— Эш?

Муж стремительно глянул через плечо.

— О. Я думал, ты спишь. — Эш глянул в окно. Она проследил за его взглядом, заметив слабый пурпурный свет надвигающегося утра.

— Счастливого Рождества, — прошептал он, поднимаясь на ноги.

И протянул ей то, над чем работал. На его ладони разместился ряд грубо вырезанных фигур. Маргарит немедленно узнала три фигурки. Коснулась их дрожащей рукой.

— У меня не было времени, чтобы смастерить все фигуры. — Его хриплый голос звучал извиняюще.

Маргарит приняла их, рассматривая, словно они были самыми прекрасными искусно обработанными бриллиантами. Крохотные Мария, Иосиф и младенец Иисус уютно уместились в ее руках.

— Ты не лег спать, чтобы сделать их для меня?

Эш пожал плечами.

— Когда-нибудь я закончу для тебя весь набор. Возможно, на следующее Рождество. Если они тебе нравятся.

— Я люблю их, — с трудом смогла произнести она.

Глаза Маргарит невыносимо защипало, когда она представила, как он доделывает фигурки к следующему празднику и они выставляют их в гостиной на ложе из падуба. Вокруг будут бегать дети и петь рождественские песни...

Она остановилась, качая головой своим чудным мыслям.

Прежде чем он смог увидеть слезы в ее глазах и что-то понять, Маргарит бросилась Эшу на грудь и крепко обняла, уткнувшись в теплую шею.

— Я люблю их. Я тебя люблю.

Его объятия дарили ей чувство безопасности, защищенности, любви. Она молилась, чтобы так и было. Чтобы ничто не забрало ее от того, что она обрела с ним. Чтобы это продолжалось как можно дольше.

Эш запустил руку в ее волосы и провел по темным прядям.

— Я почти ненавижу, что придется покинуть это место.

Маргарит издала хриплый смешок.

— Я тоже. — Положив щеку на гладкую кожу его плеча, она добавила: — Но мы должны. — Ей много чего предстояло сделать.

— Точно. Уверен, твой отец места себе не находит, не зная где ты.

Маргарит фыркнула.

— Уверена, что он не волнуется обо мне. А даже если бы и волновался, то мне все равно.

— Он твой отец, Маргарит. Ему нужно рассказать.

Маргарит застыла в его объятиях. Да, Эш хотел бы, чтобы он знал.

— Маргарит? — Эш отступил, чтобы посмотреть ей в лицо. — Что такое?

Она рассматривала его вблизи. Он все еще хотел этого? Отомстить за себя? Показать ее отцу, что ему ни в чем нельзя отказать?

— Тебе не терпится увидеться с отцом? — спросила она, не сумев скрыть подозрения в голосе. — Чтобы сообщить ему о нашей свадьбе?

— Маргарит. — В его голосе проскользнуло легкое раздражение. Он ясно прочитал ее сомнения. — Это не так.

— В самом деле? — Одним движением плеч она высвободилась из его рук, десять раз обозвав себя дурой, потому что позволила себе купиться на сладкие мысли о том, что он

заботится о ней. Что между ними что-то есть.

— В самом деле, — отозвался Эш решительным эхом, удерживая ее в своих объятиях, не обращая внимания на ее жесткость и сопротивление. — Твое появление в моей жизни за это короткое время стало значить для меня много больше, чем любые обиды, которые я питал к твоему отцу. Стало важнее любых деловых вопросов.

— Эти вопросы прежде значили очень много. Почему я должна считать, что теперь все по-другому?

Эш провел рукой по ее щеке, обхватив лицо.

— Ты согласишься мне, — пообещал он, блеснув на нее сверху глазами. — Если удержать тебя означает отдать все Джеку, отказаться от своей доли в игорных домах, на шахте, фабрике, тогда я откажусь. Раньше я был зол, был настроен получить лично для себя так много владений, как только смогу, но теперь знаю, что могу прожить без этого. Мне не нужен Джек Хадли. Мне нужна ты.

Маргарит мельком взглянула на вырезанные фигурки в своей руке и подумала, что, возможно, тоже нуждалась в нем.

Эш продолжил:

— Я никогда не чувствовал такого... — он остановился, в его черных глазах засветилась непреклонность. Еще больше ее было в голосе. — Я хочу быть тебе настоящим мужем, Маргарит. Я сделаю тебя счастливой.

Затем он поцеловал ее. Очень вовремя. Закрыв глаза, она ощутила облегчение, что он не увидел собравшиеся слезы. Потому что она каждой клеточкой своего существа желала того, что он обещал, жаждала счастья, о котором он говорил, но сомневалась в его возможности.

Целая гамма чувств охватила ее, когда он стал целовать ее сильнее, обняв за шею и откинув голову назад. Маргарит запустила пальцы в его густые волосы, возвращая поцелуй с не меньшим пылом.

Ее переполняла горячая убежденность. Решимость.

Как только они вернутся в город, Маргарит наведается в Сент-Джайлз и будет противостоять мадам Фостер. Она соберет по крупицам всю информацию о своей смерти, которую сможет, и сделает все что угодно, чтобы остаться в живых. Остаться с Эшем. Это больше не было только для нее. Это было для них обоих.

Эш подвел Маргарит к длинной, с разбросанными по ней подушками скамейке перед потрескивающим пламенем в камине на постоялом дворе, где они остановились, чтобы сменить лошадей.

Вздыхнув с облегчением, она вытащила руки в перчатках из муфты и протянула их к теплу огня. Проведя весь нелегкий день в пути, они приблизились к Сити.

— Пока мы ждем, я попрошу принести нам еды, — сказал Эш. — Грейся. — Погладив ее по щеке, он ушел, собираясь устроить ее здесь со всеми удобствами. Путешествие на юг было наполнено улыбками, прикосновениями и неприлично пылкими поцелуями, убедив Маргарит в том, что она приняла верное решение. Она поднесла пальцы к своим улыбающимся губам, представляя, что все еще ощущает теплое прикосновение его губ.

Услышав свое имя, она подняла голову и опустила руку. Кровь отхлынула от ее лица при виде человека, приближающегося к ней в плаще, развевающимся позади него, как черный ветер. Маргарит похолодела, словно объятая зимними ветрами, дующими снаружи.

Она, пошатываясь, поднялась, чтобы затем снова опуститься, потому что ноги не держали ее. Маргарит смотрела на этого мужчину своими сухими, заболевшими глазами, словно тот был ожившим жутким призраком.

— Маргарит, неужели это, правда, ты?

— Р-Роджер. — Она быстро оглянулась через плечо, чтобы посмотреть, не вернулся ли Эш. К ее большому облегчению, его не было.

Роджер схватил ее за руки и притянул в свои объятия:

— Я боялся, что ты исчезла, потому что с тобой приключилось несчастье.

— Я в порядке, — прошептала она, пытаясь высвободиться из его хватки.

— Что с тобой произошло?

Она покачала головой, пытаясь подобрать слова.

Роджер продолжал наступать, не обращая внимания на ее объяснения. Он пожирал ее голодными глазами, его голос охрип:

— Что бы ни случилось, ты выглядишь потрясающе. Если бы со мной не было сестер, я бы овладел тобой прямо сейчас, снял бы комнату наверху и не выходил бы оттуда несколько дней.

Она упорно качала головой.

— Роджер, ты не понимаешь...

— К сожалению, девочки сейчас прогуливаются во дворе, и я не могу поддаться своим желаниям. — Он обхватил рукой ее за щеку и осмелился провести большим пальцем по губам. С вскриком Маргарит высвободилась от его руки и открыла рот, чтобы поведать о своем недавнем замужестве.

Но ей не дали такой возможности.

Кто-то оторвал Роджера от нее и отбросил прочь. Тот ударился о скамейку, ломая ее в щепки и издав ужасный горловой крик. Не успела Маргарит пошевелиться, как Эш накиннулся на Роджера.

Она поежилась при первом же звуке удара кулака Эша, так как жуткий хруст костей напомнил ей тот день в Сент-Джайлзе, когда она впервые увидела его, избивающего другого мужчину до полусмерти.

— Эш! Нет! — Схватив его за рукав и не отпуская, она помешала ему снова ударить Роджера.

Эш мельком раздраженно посмотрел на нее:

— Он же оскорбил тебя!

— Ты не понимаешь! — закричала она. Видя, что в холле собирается толпа, Маргарит наклонилась ближе и прошипела ему на ухо:

— Он мой покровитель. По правде говоря, я лишь подумывала принять его покровительство. Именно с ним я собиралась отправиться в Испанию...

Мышцы руки Эша напряглись под ее пальцами, окаменев.

Затем он напоследок еще раз ударил Роджера по голове так, что та откинулась назад. Виконт рухнул на пол. Эш шагнул вперед и стал, широко расставив ноги. Роджер, из сломанного носа которого текла струйкой густая кровь, смотрел на Эша затуманенными глазами.

Эш нагнулся и схватил Роджера за запястный кровью галстук.

— Она больше не ваша забота. Только посмотрите на нее или коснетесь пальцем, я вас прибью. Она теперь принадлежит мне.

Роджер прижал руку к текущему носу и решительно кивнул.

— Эш, — вздохнула Маргарит, направляясь к Роджеру и переживая, что Эш причинил ему непоправимый вред.

Эш схватил ее за руку и развернул, не дав подойти к виконту.

— Пойдем, — прорычал он таким тоном, какого она никогда прежде от него не слышала.

— Я лишь хочу убедиться, что он не...

— Ты к нему больше и близко не подойдешь, Маргарит, — отрывисто говорил он, с трудом сдерживая свою ярость.

Она разозлилась:

— Так вот как ты заговорил? Я теперь обязана слушаться тебя, словно я глупая безделушка, которой ты владеешь?

— Не говори так, — в бешенстве он вывел ее наружу, а затем потащил по всему двору к их экипажу.

— Как именно?

Она спотыкалась, пытаясь за ним поспеть:

— Ты обещал мне брак, в котором у меня будут свобода и независимость. Что-то по твоему поведению этого не скажешь!

Он толкнул ее в экипаж и забрался туда следом. Затем легко стукнул в потолок, и экипаж тронулся.

Сидящий напротив нее Эш напомнил ей смертельно опасную, свернувшуюся змею, готовую напасть.

— Ты права, — резко и напряженно сказал он. — Благодарю за напоминание. Сдается, мы договаривались о браке по расчету. Я не могу ничего ожидать и не должен указывать вам ничего...

Она покачала головой, чувствуя, что все рушится вокруг нее.

— Я не об этом...

Он продолжил, словно не слыша Маргарит:

— Через некоторое время — несколько месяцев — мы пойдем каждый своей дорогой. Я

лишь попрошу, чтобы до этого вы не делали из меня дурака. Я не стану рогоносцем, пока мы еще вместе.

Она покачала головой, беспомощно глядя на Эша. Даже со своего места она чувствовала, как между ними образовалась трещина, стремительно превращающаяся в зияющую пропасть, перейти которую ей не под силу.

Чувствуя жжение в глазах, Маргарит покачала головой, смущенно изумляясь тому, что с ней стало. Вдруг судьба, которой она отчаянно хотела избежать, уже не казалось ей худшей перспективой на свете.

Неделю спустя Маргарит сидела в солярии своего нового дома на Кэвендиш-сквер. Эта комната с солнечными обоями и картинами залитых солнцем итальянских садов сразу стала ее любимой. Разноцветные подушки с цветочной и полосатой расцветкой, разбросанные по диванам и креслам с яркой обивкой, так и манили ее присесть. Работая сиделкой у больных людей, она побывала во многих красивых домах, но они не выдерживали никакого сравнения с городским домом Эша. Она почти убедила себя, что в ее жизни все просто идеально. Если бы только еще муж разговаривал с ней. Если бы только некая гадалка не забила ей голову зловещими предсказаниями.

Сегодня она решила закончить писать письмо Фэллон и Эви. Неуловимые слова не желали ложиться на бумагу. Маргарит не хотела волновать подруг, поэтому не стала упоминать все подробности своего брака с Эшем. Она пошла на некие ухищрения, только бы не писать о похищении.

Подняв голову, Маргарит увидела миссис Харкинс, вошедшую в эту элегантную комнату с тележкой чая и бисквитов, которые Маргарит не смогла бы съесть и за несколько дней.

Девушка улыбнулась. Экономка заботилась о ней с самого приезда.

— Миссис Харкинс, вы очень добры, но вам не стоило дожидаться меня.

Худошавая экономка хлопнула рукой, останавливая тележку возле камина, в котором потрескивал огонь.

— Я очень рада, что хоть кто-то дома в дневное время. Хозяин так много работает. Хоть тут живут другие слуги, мне этот дом все равно кажется пустым и слишком тихим. Если желаете знать мое мнение, то в этом величественном мавзолее не хватает детей.

Маргарит покраснела, услышав полные искренности слова.

— Ах, простите мою несдержанность, — поспешно извинилась экономка. — Я просто на седьмом небе от счастья, потому что хозяин женился... только боится сделать следующий шаг. Вы не можете отрицать, что этому месту не помешает немного жизни. Дети привнесут ее в этот дом.

Маргарит рассеянно кивнула, пытаясь не представлять себе этих детей. Малышей с черными глазами и золотистыми волосами. Ей было слишком больно оттого, что они никогда не появятся на свет. Однако она понимала, что экономка желала ей лишь добра. Дом казался пустым. Маргарит еще никогда не жила в таком безмолвии. Если бы не миссис Харкинс и слуги, приходящие время от времени, она бы чувствовала себя здесь слишком одиноко.

Маргарит осмотрела красивую комнату с чудесными витражными окнами, открывающими вид на обыкновенный, унылый зимний день. Ничто ее не привлекало.

Потом она снова перевела глаза на все еще лепетавшую что-то миссис Харкинс:

— Иногда хозяин не приходит домой несколько дней кряду. Ест, спит и работает как

проклятый. Хорошо еще, что можно побаловать вкусеньким и позаботиться о вас.

Маргарит нахмурилась. Они приехали сюда всего лишь пару дней назад, а Эш дома почти не появлялся, спал тут лишь несколько часов в их первую ночь в городе. Она не видела его с тех пор, как он, не говоря ни слова, подмял ее под себя и занялся с ней страстной любовью. Очевидно, он все еще злился из-за того случая с Роджером.

Эш не пришел ни вчера, ни прошлой ночью, ни сегодня.

Неужели он будет вести себя так же, как описала миссис Харкинс? Будет ли Эш редко приходить домой? Неужели управление делами на самом деле отнимает столько времени? Или он всего лишь избегает ее, Маргарит?

Воспоминания о тех идиллических днях в Шотландии уже поблекли, а близость и уединение, казалось, ушли в прошлое. Погрузившись в размышления, она взяла с подноса печенье. Откусив кусочек лакомства, покрытого глазурью, она наблюдала, как экономка взбивала и укладывала пышные подушки, разбросанные на сиденье у окна, явно с удовольствием желая побыть подольше в обществе хозяйки.

— Миссис Харкинс, вы не могли бы попросить подать экипаж? Я хочу навестить кое-кого.

Морщинистая женщина согласно кивнула:

— Да, конечно. Не стоит оставаться здесь одной, пока хозяина так долго нет.

Маргарит, дрожаще, улыбнулась, услышав такой не слишком воодушевляющий совет. Она собиралась провести какое-то время со своим новоиспеченным супругом. Она рассчитывала, что волшебство, которое они разделили в Шотландии, останется в их отношениях и здесь. Очевидно, Эш был не настолько к ней привязан. Она поверила ему, когда он заявил, что женится на ней не из-за ее отца. Наверное, глупо с ее стороны, ведь он так поспешно покинул ее. Мог ли Эш воспользоваться случаем с Роджером как предлогом, чтобы оттолкнуть ее? Чтобы забыть о самом ее существовании?

— Я приведу Роланда. Он замечательный кучер, — с этими словами миссис Харкинс поспешно вышла из комнаты.

Маргарит поднялась и расправила юбки, думая, стоит ли переодеться перед визитом к мадам Фостер. Но раскрасневшаяся миссис Харкинс вернулась до того, как Маргарит успела принять решение.

— Прошу прощения, миссис Кортленд.

Маргарет моргнула, так как еще не привыкла к этому имени.

— К вам посетитель. Я пыталась заставить его подождать, но...

— Я настоял на том, чтобы увидеться с тобой немедленно.

Маргарит повернула голову, услышав резкий, хамоватый голос. Увидев покрытое множеством морщин лицо, она сразу поняла, что перед ней ее отец. Глубоко посаженные глаза цвета виски напоминали ее собственные. Ее мать всегда говорила об этом. Маргарит сглотнула ком в горле. Отец, у которого никогда не было времени для нее, теперь вдруг решил, что она стоит его внимания.

— Джек, — задыхаясь, прошептала она.

Миссис Харкинс пролепетала:

— Вы не можете врывать сюда, кем бы вы ни были. Хозяину не понравится...

— Довольно. Не смей упоминать при мне Кортленда. Убирайся, женщина.

Миссис Харкинс упрямо задрала подбородок. Она расправила плечи и расставила ноги на ковре, явно не собираясь никуда уходить.

— Все в порядке, миссис Харкинс, — тихо успокоила ее Маргарет. — Со мной все будет хорошо. Вы можете уйти.

Бросив последний мрачный взгляд на Джека, она вышла из комнаты.

— Если я вам понадобится, только позовите.

Отец Маргарит скрестил руки на бочкообразной груди и посмотрел на нее свысока.

— Полагаю, что мне не следовало ожидать, что ты назовешь меня «отец».

Она расправила плечи, чувствуя обжигающее возмущение.

— Да, это было бы уже слишком.

— Ладно.

Он оглядел ее с ног до головы, так что ей показалось, что она — лошадь, которую оценивают по рыночной стоимости.

— Ты похожа на мать.

Она сжала руки в кулаки. Неужели он ожидал, что она поблагодарит его за наблюдательность? Что она напоминает ему ту женщину, которую он спрятал в деревне, словно какой-то постыдный секрет?

— Полагаю, что это к лучшему. Она была красавицей, — проворчал он.

Отец и дочь долго лишь смотрели друг на друга, ничего не говоря. Затем он моргнул, прервав их противостояние, и к нему вернулся дар речи. Заговорил он также холодно и бесстрастно, словно обсуждал дела, а не беседовал со своим ребенком, которого когда-то не пожелал признать.

— Мне жаль, что это произошло с тобой. — Он с отвращением осмотрелся. — Эп может быть жестоким. Я знал, что обидел его и должен был понимать, что он выкинет что-нибудь в этом роде. Но не бойся, ничего непоправимого не случилось.

— Неужели? — Она покачала головой, собираясь сказать, что ничего не желает исправлять.

Он продолжил:

— Я понимаю, что ты, наверное, считаешь, что для меня уже несколько поздно играть роль отца-защитника.

— Несколько?

Он запнулся и раздраженно посмотрел на нее, будто она была капризным ребенком, а он — обеспокоенным родителем.

— Как бы там ни было, я твой отец, единственный живой родитель...

— А я уже не ребенок, которому можно приказывать! — ответила Маргарит, и в подтверждение топнула ногой. К сожалению, это не произвело должного впечатления.

Он недовольно нахмурился:

— Ты пойдешь со мной, Маргарит...

Она покачала головой, удивляясь тому, что он все равно пытался ей указывать.

— Нет!

— Я богат, и у меня есть влиятельные друзья, которые проследят, чтобы аннулировать эту пародию на брак...

— Нет! — вновь закричала она вне себя от негодования. — Я тебя об этом не просила...

— Ты же не можешь, в самом деле, оставаться женой Кортленда, Маргарит. Ты совсем с ума сошла? — Он посмотрел на нее блестящими ореховыми глазами. — Только не говори мне, что попала под его чары. Неужели ты не знаешь, сколько юбок он задрал?

— Ну, уж конечно не больше, чем великий Джек Хадли.

Он помрачнел и поджал губы.

— Верно. Мы с ним очень похожи, и это не говорит в его пользу. Его любимое занятие — кувыряться с девками, которые у него работают.

Она просто смотрела на отца, не в силах ничего ответить, чувствуя, как его слова тянут ее на дно, словно тяжелые камни. Она прижала руку к взбунтовавшемуся желудку. Неужели это правда? Неужели Эш проводил время с другими женщинами? Неужели он сейчас с одной из них?

Ее отец покачал головой.

— Ты понятия не имеешь, что он за человек. Несмотря на все его деньги, он безжалостный подонок, только выбравшийся из канавы, он...

— Ты! — выкрикнула она, всем своим тоном выражая пренебрежение.

Он так густо покраснел, что лицо покрылось багровыми пятнами. По тому, как его руки сжались в кулаки, она поняла, что задела его за живое.

— Я и так уже многое сказал. Если ты можешь преодолеть свою ненависть ко мне, то увидишь, что разумнее всего собрать вещи и уйти со мной прежде, чем ты выставишь себя на посмешище из-за этого мерзавца. Он разбил бесчисленное множество сердец. Мне бы не хотелось, чтобы он добавил имя моей дочери в список своих побед. Ты пойдешь со мной, Маргарит.

Она, было, начала качать головой, собираясь отказаться, но он прервал ее:

— Со мной в экипаже приехали два человека. Если нужно, я их позову.

— И силой забереешь меня отсюда? Свою собственную дочь?

Он пожал плечами и ответил с каменным выражением лица:

— Я сделаю то, что должен.

И тут она вспомнила, что ее отец — негодяй до мозга костей, заработавший свое богатство, сметая все на своем пути. Он бы не получил прозвище «король Сент-Джайлза» за способность к состраданию.

Она кивнула, чувствуя, как ее горло сжалось от переполнявших ее эмоций.

— Хорошо, я пойду. — Лучше уйти с ним, чем устроить сцену и рисковать безопасностью миссис Харкинс или кого-то из других слуг, которые были так добры к ней и так тепло ее встретили. Она не позволит отцовским прихвостням навредить им.

— Умница, — протяжно ответил он, пытаясь взять ее за руку. Она оттолкнула его и вышла из комнаты с высоко поднятой головой, хотя и дрожала от ярости.

— Послать кого-то за твоими вещами? — спросил он ей, оставшись позади нее.

— В этом нет нужды. Я скоро вернусь. — Дерзкое заявление. Маргарит задумалась о том, в самом ли деле сможет выполнить это обещание.

Станет ли Эш связываться с ее отцом и требовать ее возвращения? Или он уже добился своего, забрав большую часть компании и наказав великого Джека Хадли, украв у того из-под носа одну из его дочерей и овладев ее?

И тут вовсе не ярость заставила ее затрепетать, ее затопили другие эмоции, вызвав жжение в горле и в глазах. Безразлична ли Эшу ее судьба? Вскоре она узнает наверняка.

Эш вернулся домой глубокой ночью. Городской дом был погружен в тишину, и, поднимаясь по лестнице, Эш заметил в приемной лакея, дремавшего в кресле. Эш сознавал, что поступил как трус, всеми силами стараясь держаться подальше от своей невесты, как будто та была какой-то навязанной ему мегерой, хотя все было как раз наоборот.

По правде сказать, у него скопилось много работы за время его отсутствия, но ничего настолько срочного, чтобы он не мог уделить жене больше внимания. Он мог бы работать дома, но тогда бы он был слишком близко к Маргарит, а ему нужно было держаться подальше от нее... и от опасных чувств, которые она в нем вызывала.

Увидев девушку в объятиях ее покровителя, он поддался слепой ярости. В ту минуту он чувствовал себя похожим на своего отца, полным ярости и жажды насилия всякий раз, когда мать Эша возвращалась домой с монетой в ридикюле, полученной от мужчин, которых она обслужила. И, разумеется, не имело значения то, что отец сам заставлял ее продавать себя, чтобы заработать на пропитание. От этого ярость его не угасала.

Воспоминание о том, как тот мужчина касался руками Маргарит, приводило его в бешенство даже сейчас. Это заставило Эша вспомнить, почему он раньше категорически не хотел жениться. Он не желал испытать ту горечь, что отравила его отца, и, чтобы не допустить подобного, лучше вернуться к первоначальному плану: временный брак по расчету. То есть быть женатым лишь номинально, не допуская, чтобы жена стала ему необходима, как воздух.

Он шел тихо-тихо, стряхнув ощущение того, что приходилось идти на подобную хитрость только лишь потому, что он сделал что-то не то. Многие мужья и жены жили каждый своей жизнью, едва видя друг друга. А в его отношениях с Маргарит было нечто большее. Лучшее. Ведь он поместил ее в свою спальню сразу по приезде домой. Это больше, чем сделали бы многие джентльмены. Эш не собирался отказываться от Маргарит, руководствуясь скорее эгоистичными соображениями.

Он вошел в темную спальню, которую освещали только еле тлеющие угольки. Нахмурившись, он поспешно подбросил дров, и в воздух полетели искры. Повернувшись, он посмотрел на скрытую за занавесками кровать и пошел к этому чудовищному по своим размерам сооружению. Маргарит приходилось подниматься по ступенькам, чтобы забраться туда.

Чувствуя, как бьется пульс в жилке на шее, он отодвинул занавеску, уперся коленом в кровать и потянулся к телу жены, отчаянно желая испытать ее покладистость и тепло. Но вытянув руку, он ничего не нашел.

Нахмурившись, Эш присмотрелся к теням на кровати, пытаясь разглядеть ее гибкое тело.

Поднявшись, он прошел по комнате и распахнул дверь в ее гардеробную. Не найдя ее и там, он поспешно пробежал через спальню и, открыв дверь, позвал миссис Харкинс, не задумываясь ни о том, что ведет себя как взбешенный тиран, ни о том, что, скорее всего, перебудит всех своих слуг.

Его вспыльчивость достигла опасной точки кипения. Неужели Маргарит попросила перенести ее вещи в другую комнату? Неужели она собиралась избегать его, Эша, устав от его постоянного отсутствия? Он быстро избавит ее от этого заблуждения.

Он был вне себя от ярости к тому времени, как появилась миссис Харкинс, которая хмурилась от беспокойства, подвязывая поясом свою ночную рубашку.

— Мистер Кортленд?

— Моя жена, — процедил тот сквозь зубы. — Где она?

Экономка моргнула.

— Неужели она не прислала вам записки? О, боже мой! Я думала, что она сообщит...

— Моя жена, — проворчал он.

— Она ушла.

Ушла. Он почувствовал нечто подобное удару под дых.

— Куда?

— Ее забрал отец. — Миссис Харкинс неловко пожала плечом. — Мне показалось это несколько странным, но миссис Кортленд попросила меня не переживать. Хотя должна отметить, что она встретила его вовсе не с радостью.

Черт побери. Очевидно, до Джека дошли слухи, что Эш женился на Маргарит и вернулся с ней в город. Без сомнения, такие новости ему совсем не по нраву. И, зная о связях Джека, Эшу следовало бы ожидать чего-то в этом роде. Он сам виноват, что оставил ее одну.

Ни слова не говоря, он пронесся мимо раскрывшей от изумления рот экономки и выбежал из дома, собираясь вернуть свою жену и впредь лучше присматривать за ней.

Маргарит расхаживала по комнате, которую ей отвели на ночь. Недавно приходила служанка, чтобы пригласить ее спуститься к ужину. Она отказалась, не в состоянии сидеть напротив отца и терпеть его присутствие, настолько он разозлил ее. Как мама могла полюбить такого высокомерного негодяя?

Облаченная в пеньюар, вероятно, принадлежащий одной из ее сестер, она смирилась с мыслью, что придется здесь ночевать. Во всяком случае, сегодня. Независимо от того, придет ли за ней Эш или нет, она не собиралась проводить еще одну ночь в отцовском доме. То, что он зачал ее, еще не делает его ее отцом, не дает ему никаких отцовских прав. Услышав стук в дверь, она остановилась.

— Кто там? — спросила она.

— Грир и Клео, — послышалось в ответ.

Маргарит одновременно почувствовала наплыв ликования и страха. Прошлая встреча со сводными сестрами прошла неловко, в основном, потому, что она хотела, чтобы их встреча была... чем-то. Всем.

Она понимала, что это глупо. Как родственные узы могут завязаться с самой первой встречи? Она слишком много ждала. К тому же она тогда с такой поспешностью выбежала из комнаты, что они, наверное, решили, что она не хотела иметь с ними ничего общего.

— Входите, — пригласила она.

Сестры, спотыкаясь, вошли в комнату, напоминая ей парочку нетерпеливых девчонок, которые, натыкаясь друг на друга, спешили к столу, уставленному пирожными и печеньем.

— Возвращение блудной дочери! — воскликнула Грир, выступив вперед и став в театральную позу, уперев руки в бедра. Без сомнения, она бы выделялась в любой компании. Ее присутствие невозможно было не заметить, даже не принимая во внимание ее немодно загорелую, покрытую веснушками кожу и темно-рыжие волосы.

— Может ты имела в виду блудного сына? — спросила Клео.

Грир закатила глаза.

— Воспользуйся воображением.

— У тебя его на всех хватит, — ответила Клео.

Маргарит переводила взгляд с одной девушки на другую. Кажется, теперь они лучше узнали друг друга. И поэтому она чувствовала себя еще более далекой от них.

Словно прочитав ее мысли, Клео выступила вперед и обняла Маргарит.

— Мы так рады, что ты вернулась. Прости за то, что нарушили твое уединение. Джек сказал, что ты неважно себя чувствуешь, но мы не могли устоять и решили зайти. Наша предыдущая встреча была ужасно недолгой. О, но я признаю, что очень рада, что ты не уехала в Испанию. И все же, как жаль! Мы могли встретить вместе Рождество, — затараторила она.

Грир неуклюже плюхнулась на кровать, будто собиралась задержаться надолго.

— Я надеюсь, что ты останешься в этот раз подольше, — Грир выдернула невидимую нитку из покрывала. — Джек, несомненно, оценит дочку, которая пойдет навстречу его попыткам сватовства. Мы были не слишком послушными.

— Грир, — укорила ее Клео. — Подожди немного. Он уже показал нам множество джентльменов.

— А затем, полагаю, он познакомит нас с другими, потому что пока его попытки не увенчались успехом. Почему бы не познакомить нас с настоящим мужчиной и перестать пытаться свести нас с этими сопливыми щеголями?

— Уверена, что со временем мы встретим подходящих джентльменов, — заверила ее Клео. — Ведь Джек так решительно настроен.

Грир скривилась.

— Ну, да, не все такие же юные, как ты. От воздуха этого города у меня чесотка. — Она почесала руку. — Я не могу оставаться здесь вечно.

Клео закатила глаза.

— Полагаю, что мы должны снова ограничить твои непомерные требования. Теперь ты захочешь, чтобы джентльмен владел загородным поместьем?

— Вот это не такая уж плохая мысль, — пробормотала Грир, продолжая тереть руку, не обратив внимания или не заметив насмешку Клео. — Тебе бы тоже не мешало немного повысить свои требования. Неужели тебе не хочется чего-то большего, чем просто сбежать из перенаселенного гнезда, который ты называешь домом? Как бы тебе не надоело спать на одной кровати с двумя младшими сестренками, не забывай, что тебе придется делить постель с каким-то мужчиной... лучше выбрать мужчину, общество которого ты сможешь терпеть следующие лет пятьдесят.

Маргарит смотрела на эту парочку, восхищенно слушая, очарованная тем, с какой готовностью они отдали свои судьбы в руки Джеку Хадли. В то же время это имело некий смысл. Судя по их замечаниям, она поняла, что ее сестрам в жизни выбирать особо не из чего.

Клео заметила взгляд Маргарит и пожала худеньким плечиком с обреченным видом.

И тут их внимание привлек громкий шум где-то в доме. Маргарит склонила голову на бок, стараясь услышать далекие голоса.

— Что это? — спросила Грир, направляясь к двери. Кто-то поднимался вверх по лестнице, грохоча как табун лошадей.

— Чертова геенна огненная! — прошипела Грир, выглядывая в коридор.

И словно в ответ на это восклицание раздался мужской голос:

— Маргарит! Маргарит, где ты?

При звуке знакомого голоса ее сердце екнуло.

— Эш, — прошептала она, чувствуя стеснение в груди.

Грир недоверчиво посмотрела на Маргарит и спросила:

— Ты его знаешь? Кто такой Эш?

— Мой муж, — ответила Маргарит, с удивлением осознав, что было не так уж трудно произнести эти слова. Особенно теперь, когда она знала, что он ее не забыл.

— Твой муж? С каких пор? — Клео покачала головой.

— С тех пор, как он похитил меня отсюда в прошлый раз. — Она не стала уточнять, что похитить в тот вечер могли любую из них.

Клео открыла рот от удивления, широко открыв глаза в ужасе.

— Каков подлец! Мне его выгнать? — Грир сжала руки в кулаки, как будто готова была сама избить обидчика. И почему-то Маргарит не сомневалась в том, что Грир способна это устроить. Она очень находчивая женщина.

— Приведи охрану! — воскликнула Клео, готовясь выскочить из комнаты за подмогой.

Они услышали в конце коридора громогласный и непреклонный голос Джека,

приказывающего своим людям выпроводить Эша из дома.

— Маргарит! — снова проревел Эш, на сей раз полным отчаяния тоном.

Маргарит проскользнула мимо Грир, тяжело и прерывисто дыша, с нетерпением желая увидеть своего супруга. Он пришел. Эш пришел за ней.

При виде него все внутри у нее перевернулось. Он бился в руках нескольких прихвостней ее отца. Джек стоял рядом, побагровев от ярости.

Эш рвался из рук своих захватчиков с неконтролируемым бешенством. Не сводя глаз с Джека, он прорычал, выплевывая слова:

— Маргарит принадлежит мне. Тебе придется меня похоронить, чтобы не дать мне добраться до нее. — Он скривился и посмотрел со злостью и угрозой. — И даже тогда я приду за ней.

Маргарит задрожала, услышав такое пылкое признание.

Джека это еще больше вывело из себя. Он указал пальцем на лестницу.

— Выведите его отсюда!

Эш посмотрел на нее блестящими, живыми темными глазами на лице с красивыми чертами. Он напомнил ей ангела-мстителя, опасного и смертоносного в своей красоте.

Его губы зашевелились, когда он тихонько произнес ее имя, обращаясь к ней одной.

В груди больно сдавило, внутри все перевернулось. Она, спотыкаясь, бросилась вперед навстречу своей судьбе, сознавая, что, вполне возможно, ее ждет гибель. И ей было все равно. Он ей нужен, необходим, как воздух, в котором ей так долго отказывали.

— Эш, подожди!

— Маргарит, возвращайся обратно в свою комнату! — закричал Джек.

Та повернулась к отцу и раздраженно заявила:

— Вы ошибаетесь, если считаете, что можете мне приказывать.

Он заморгал, услышав ее шипение, и махнул рукой в сторону Эша:

— Ты же не думаешь, что он беспокоится о тебе.

— Он же пришел сюда, верно? — возразила она, думая, что это что-то значит. Для нее в эту минуту это значило все.

Джек расхохотался, окидывая ее холодными глазами, будто жалея.

— Это касается только меня, а не тебя. Меня и его. Он пришел сюда, чтобы защитить свои интересы, чтобы получить большую часть нашей компании. Ты тут вообще не причем, глупая девчонка.

Тут Эш вырвался на свободу, с ревом накинулся на Джека, ударив того кулаком в лицо с отвратительным треском.

Маргарит аж подпрыгнула от того, как сильно он ударил, и поморщилась.

Сестры, стоящие позади нее, взвизгнули.

Она моргнула, окаменев от того, что ее отец врезался в стену. Картина с грохотом повалилась рядом с ним.

Даже подручные Джека застыли, раскрыв рты, глядя на своего работодателя, великого короля Сент-Джайлза, лежащего ничком на полу. Джек злобно посмотрел на Эша и осторожно коснулся кровоточащей губы.

Эш встал над ним.

— Больше о ней ты так говорить не будешь, — произнес Эш, чья широкая грудь поднималась и опускалась в такт неровному дыханию. Его щеку поцарапали в драке, и теперь тонкая струйка крови стекала от раны под глазом, предавая ему еще более дикий и

опасный вид.

— Что? — пробормотал ее отец. — Правду?

— Ты ничего не понимаешь. К тебе это не имеет никакого отношения. Маргарит теперь моя жена. Навсегда. Этого тебе не изменить.

Джек, не мигая, смотрел на Эша, словно видел того впервые. В каком-то смысле, даже сама Маргарит чувствовала себя так, словно видит его в первый раз. Она поверила, что этому мужчине она не безразлична. Она ему необходима. И не потому, что он хотел что-то доказать ее отцу, не потому, что Эш хотел защитить свое имущество, а потому что желал ее для себя самого.

Маргарит подошла к Эшу. Тот обнял ее сильной рукой и притянул ближе к себе, уводя прочь. Она помахала вытаращившим глаза сестрам. Те помахали в ответ, одинаково выражая изумление.

Маргарит и Эш прошли по коридору и вместе спустились по лестнице. Когда они вышли наружу в прохладу ночи, Маргарит задрожала. И только сейчас вспомнила, что одета лишь в пеньюар.

Эш притянул жену ближе к себе и завернул в свое теплое пальто. Он посадил ее в свой ожидающий у дверей экипаж.

Опустившись на мягкие подушки, она позволила ему завернуть себя в одеяло. Маргарит дрожала не от холода, а от присутствия Эша.

Он пришел за ней.

Маргарит открыла рот, чтобы заговорить, небрежно сказать что-то о слишком заботливых отцах, хоть что-то, чтобы ослабить напряжение, повисшее в воздухе между ними, но ей это не удалось. Эш обернул ее в одеяло и одним плавным движением обхватил руками ее лицо, притягивая ее к своему рту, чтобы поцеловать, тем самым лишив дара речи, способности дышать и мыслить.

Он наклонился, снова и снова касаясь ее губами, языком проникая в рот, принося с собой вкус пряного напитка и всего, что составляло его сущность.

Этот отчаянный и голодный поцелуй обжигал ее, овладевал ею, словно это был первый и последний раз для них обоих.

Она прижалась к нему с беспокойным всхлипом, скользя руками по волосам и упиваясь желанием, вызванным пылким соединением их губ.

Он застонал, углубляя поцелуй, сливаясь своими губами с ее. Их зубы стукнулись с дикой страстью. Когда он прикусил ее губу, на Маргарит накатило наслаждение, а кровь закипела. Она укусила его в ответ. Эш содрогнулся, заставив ее затрепетать. Их пальцы касались тел друг друга, блуждая, дотрагиваясь и лапая без стеснения.

Испытывая отчаянный, страстный голод, она с лихорадочной поспешностью скользнула пальцами к его штанам. Во рту она чувствовала темный, дикий, медный привкус. Маргарит обхватила рукой его шелковистую плоть. Они оба вздрогнули, объединенные желанием и потребностью друг в друге.

Ее одеяло упало, когда он развернул ее, усаживая к себе на колени. Ее пеньюар распахнулся, как только она бедрами обхватила с обеих сторон его бедра. Он нашел ее жаркое местечко, и она почувствовала, как головка его обнаженной плоти толкается, ищет вход и погружается в нее.

И вот он уже на месте. Заполняет ее.

Она вздрогнула, почувствовав, как он резко толкнулся в нее, и схватила его за плечи,

будто он был ее путеводной нитью, словно она совсем не желала отпускать его.

И Маргарит поняла, что она на самом деле не отпустит его.

Она сделает все от себя зависящее, чтобы удержать его, пока дышит.

Задыхаясь, испытывая удовлетворение, содрогаясь от силы своего оргазма, Эш провел руками по ее округлым бедрам, наслаждаясь ощущением атласной кожи. Он прижался лицом к ее шее, вдыхая аромат меда с молоком и понимая, что желал бы вдыхать этот аромат каждое утро.

— Прости, — прошептал он. — В кровати было бы удобнее, я знаю. Но когда я с тобой, то ничего не могу с собой поделать.

— Извинения ни к чему, я и сама не без греха.

Он поднял голову и посмотрел на ее лицо, скрытое в тени.

— Почему ты уехала с ним? — Его грудь сдавило от воспоминаний о том, что он испытал, увидев, что Маргарит нет в их постели. В тот момент чувство потери преодолело его страхи стать таким же, как его собственный отец и потерять все, что он создал с Джеком.

— Он настаивал, и мне не хотелось подвергать опасности ни миссис Харкинс, ни кого бы то ни было из слуг...

— Маргарит, они обязаны защищать тебя. — Он поморщился, вспомнив, что и сам должен был охранять ее. Теперь он уж постарается лучше выполнять свои обязанности. — ТЫ должна поверить, что тебя стоит защищать. Любой ценой. — Он обнял ее крепче. — Пообещай, что приходя домой, я всегда найду тебя там. Не покидай меня больше никогда, — прошептал он. Больше он не собирался отталкивать ее от себя лишь потому, что боялся стать таким же, как отец.

Не получив ответа, он прижался своим лбом к ее, чувствуя ее теплое дыхание на своих губах. Он закрыл глаза, когда ее легкая дрожь передалась ему. И все-таки она так ничего и не пообещала.

Маргарит проснулась утром следующего дня и первым делом убедилась, что Эш все еще в их постели. Что он не улизнул ночью, подобно воришке, пока она спала. Он остался. Сначала в груди, а затем и по всему телу разлилось тепло.

Маргарит мысленно вернулась к прошлой ночи, когда он просил пообещать, что она никогда его не покинет. Она пыталась что-то сказать, но не смогла выдать ни слова. Ведь она сама еще ни в чем не была уверена.

Она разглядывала балдахин над кроватью, погружаясь в то, что было ее жизнью. С ним. Нет больше благородного рабства, нет необходимости держать за руки умирающих, покидающих эту землю. Это была ее жизнь, и неважно, как долго она продлится. Месяц или полвека.

Ее рука преодолела разделявшее их расстояние и накрыла его пальцы. Несколько мгновений она лежала неподвижно, совершенно довольная, полностью удовлетворенная этим простым контактом. Она наблюдала за спящим мужчиной, за буйно разметавшимся вокруг его головы темным золотом волос. Она любила запускать пальцы в эти шелковые пряди. Его лицо казалось смягчившимся, углы и ямочки сгладились, стали менее серьезными.

Он внес ее в дом, словно она была хрупкой драгоценностью. Любимой.

Она этого хотела. Хотела его любви. Хотела любить его, не боясь нависшего над ней рока. Маргарит прикусила нижнюю губу и привстала на локте, легонько поглаживая тыльную часть его руки, провела пальцем по венам.

Перед тем, как ее притащили в отцовский дом, Маргарит решила рискнуть и увидеться с мадам Фостер. Она не могла ждать ни дня. Ей нужно было встретиться с ясновидицей, чтобы обрести надежду, что все, возникшее между ней и Эшем, не исчезнет в одно мгновение.

Больше откладывать было нельзя. Как она могла смотреть на Эша, когда ее сердце все еще переполняла боль от мысли, что она не сделала все возможное? Все, что было в ее силах? Невыносимо находиться рядом с ним, зная, что не попыталась продлить себе жизнь.

Отодвинувшись от Эша, Маргарит осторожно встала с кровати и бесшумно направилась в гардеробную, одним глазом поглядывая на спящего мужа.

Независимо от того, что поведает ей мадам Фостер, она, наконец, успокоится. А потом — будь что будет, она станет проживать каждый день на полную катушку. Станет наслаждаться жизнью. Любить Эша.

Одевшись, она схватила с туалетного столика горсть шпилек и кинула на мужа последний долгий взгляд, прежде чем выйти из комнаты. Сердце переполняла надежда.

Она кое-что обрела с Эшем. То, чего у нее никогда прежде не было. На что она не могла и надеяться. Ее жизнь впервые получила иной смысл, а не только служение другим. Раньше она не жила... лишь существовала. Он разбудил ее, заставил чувствовать себя живой. Какая ирония, ведь скоро она может умереть.

В коридоре Маргарит ускорила шаги. Она зажмурилась, борясь со слезами. Не может Господь быть так жесток, чтобы их разлучить. Не сейчас. Пока нет.

Рассвет едва окрасил небо, проникая в окна, мимо которых она проходила. Ее тень протянулась далеко вперед, она подняла руки к волосам, возясь со шпильками. Придется

справиться самой. Она не могла рискнуть позвать служанку. В конце концов, раньше она не нуждалась в ее помощи. Вызвать экипаж — это тоже не рассматривалось. Нельзя было оставить след для Эша. Позже она придумает объяснение. Какое угодно, кроме правды.

— Миссис Кортленд? — от звука этого голоса душа Маргарит ушла в пятки.

Она нацепила для экономки обманчиво веселую улыбку.

— Миссис Харкинс, — выдохнула она.

Женщина с угловатым лицом смотрела на нее, приподняв густые брови. Очевидно же, что вид ее прогулочных ботинок, выглядывавших из-под юбки, и накинутого на плечи плаща означал, что она собралась выйти на улицу.

Маргарит затаила дыхание, уверенная, что у экономки уже с языка готов сорваться вопрос, куда это она собралась в такую рань. Вместо этого она сказала:

— У вас посетитель. В гостиной вас ожидает леди. Я сказала ей, что еще слишком рано, но она настроена весьма решительно.

— Я увижусь с ней, — быстро сказала Маргарит, снедаемая любопытством — кто ее гостья.

Войдя в гостиную, она обнаружила тоненькую фигурку Грир, стоящую возле окна.

— Маргарит, — поздоровалась она, сделав шаг навстречу. — С тобой все в порядке? Я ночью глаз не сомкнула от беспокойства. Джек совершенно уверен, что этот парень, Эш, заморочил тебе голову...

— Я цела и невредима и весьма охотно нахожусь здесь. Разве ты не заметила, что я ушла вчера по своей воле?

Она махнула рукой.

— То же я сказала и Джеку. Но он твердит, что ты слишком напугана...

Маргарит фыркнула.

— Он просто хочет, чтобы так было. Я выгляжу испуганной? Джек просто не может пережить, что я выбрала мужчину, которого он не одобряет.

— О, он не одобрит любого, кто захочет жениться на его дочери, которую он хочет продать, словно вещь, какому-нибудь графу или герцогу... или даже принцу крови. — Последнее она произнесла с такой горячностью, что у Маргарит мелькнула мысль, не было ли в жизни Грир одного такого одиозного принца [\[11\]](#), но это было нелепо.

Коричневые веснушки на щеках Грир проступили отчетливее. Она дышала через нос, словно пытаясь вернуть самообладание.

— Извини меня за столь ранний визит, просто я хотела убедиться, что с тобой здесь хорошо обращаются, и ты тут действительно по собственному желанию. Надо успокоить Клео. Она думает, что вчера твой муж был настоящей скотиной.

Маргарит улыбнулась.

— Она не так уж далека от истины.

— Хорошо, — сказала Грир немного угрюмо. — Надеюсь, он делает тебя счастливой.

Маргарит улыбнулась, затем нахмурилась, мысли ее, как всегда, вернулись к ее сомнительному будущему.

— Я сказала что-то, что оскорбило тебя? — Грир коснулась ее руки, теплые глаза наполнились беспокойством.

И это было последней каплей, чтобы добить ее.

Маргарит рухнула на диван, горячие слезы побежали по щекам. Грир опустилась рядом и взяла ее руки в свои. Это прикосновение успокоило ее, расстроенную потерей

самообладания. Ее сестра была теплой и мягкой, и от нее пахло шоколадом.

— Ну что ты. — Рука Грир поглаживала дрожащую спину Маргарит. — Не плачь.

— Ты не понимаешь.

— Тогда расскажи мне.

Глубоко вздохнув, Маргарит так и сделала. Слова лились, словно прорвавшаяся плотина, нескончаемым потоком. Невероятно, но она все рассказала своей единокровной сестре, слушавшей ее с широко раскрытыми глазами. Она ни разу не остановилась передохнуть, пока не облегчила свою душу.

— Святая преисподняя! — выдохнула Грир в конце рассказа.

Маргарит щелкнула ее по сопящему носу и мрачно кивнула.

— Теперь ты думаешь, что я сумасшедшая, и мне прямая дорога в Бедлам.

Грир медленно покачала головой.

— Нет. Будь я на твоем месте, тоже, наверное, поверила бы в это. — Грир внимательно посмотрела на нее своими выразительными глазами под прекрасными темными бровями. Решительно кивнув, она заявила: — Ты должна снова сходить к мадам Фостер.

Маргарит подарила ей слабую улыбку.

— Сегодня утром я уже была на полпути к этому.

Грир стремительно вскочила.

— Тогда не буду задерживать тебя. Иди, Маргарит, немедленно. Выдави из этой дамочки побольше информации, все мельчайшие детали этого несчастного случая. Собери все подсказки, какие сможешь...

— Я знаю, знаю. — Кивая, Маргарит направилась к двери, уверенная, что приняла правильное решение.

— Завтра я снова нанесу визит. — Грир последовала за ней и взяла ее за руку. — Помогу чем смогу. Тебе стоит только попросить.

— Спасибо тебе. — Маргарит дышала теперь полной грудью, ей стало легче от того, что она с кем-то поделилась. — Думаю, мне это понравится.

— Что? — Грир чуть встряхнула головой.

— Иметь сестру.

— О. — Загорелое лицо Грир вспыхнуло горячим румянцем. — Мне тоже.

Так, рука об руку, они вышли через большой холл в холодное дождливое утро. Спрятав лицо за капюшоном, чтобы избежать ледяной сырости, Маргарит произнесла краткую благодарственную молитву, что пришла Грир, что Эш еще не проснулся и не начал ее искать.

Если повезет, то она вернется домой даже раньше, чем он заметит ее уход. Вернется домой и будет вооружена информацией, гарантирующей ее будущее.

Эш грохотал по ступеням дома Джека в Мэйфере. Что и говорить, он не ожидал так скоро сюда вернуться, но, проснувшись в пустой кровати и не обнаружив и следа супруги, он пришел к одному яростному выводу: Джек снова похитил его жену.

Не соблаговолив постучаться, он ворвался в дом. Вихрем пролетев через вестибюль, он схватился за нижнюю балюстраду и проорал имя Маргарит, как и вчера вечером.

Она не появилась, зато вышли несколько лакеев. Он бился в их цепких руках, когда они пытались оттащить его назад к входной двери. На него нахлынуло горькое чувство дежа вю.

— Маргарит! — Джек держит ее взаперти в одной из комнат? Он разнесет этот мавзолей. Показался Джек, красное лицо которого просто пылало.

— Снова ты?

— Вчера я предупредил тебя... Маргарит моя!

— Что, уже потерял ее? — глумился тесть. — Не могу сказать, что я удивлен.

— Где она? — выдавил Эш.

— Не знаю я, — огрызнулся Джек, сердито махнув рукой. — Держал бы лучше свою жену на коротком поводке.

— Не лги мне. Я в курсе, что ты послал за ней одну из своих дочерей. — Он вспомнил описание, которое дала экономка. — Высокую, с веснушками.

— Грир? — Джек нахмурился. — А какое она имеет к этому отношение?

— Утром Грир приходила ко мне домой. Маргарит видели уезжающей с ней. Пару часов назад.

— Грир здесь, наверху, у нее примерка у модистки, но Маргарит я не видел.

Эш проигнорировал его, не собираясь верить на слово, когда это касалось Маргарит. Однажды он недооценил Джека. Больше этого не случится. Когда дело касалось замужества его дочерей, амбиции Джека Хадли не знали предела. Он откуда угодно выкрал бы Маргарит...

Эш поморщился, внезапно осознав, что он так понимает Джека, потому что сам из того же теста. По крайней мере, был.

Джек научил его быть беспощадным, корыстным, жаждать благосостояния больше всего на свете. Брат желаемое, чего бы это ни стоило. Эш был таким, и теперь он стыдился этого.

Эш вдруг почувствовал себя наивным, выставленным на всеобщее обозрение незнакомцем — человеком, который ему неприятен, и которым совсем не хотелось быть.

Он похитил Маргарит, чтобы в дальнейшем использовать ее в своих целях. Чтобы получить больший контроль над деловыми активами и вынудить Джека принять его как зятя. Будто женитьба на одной из его дочерей сделала бы его цельным, самодостаточным. Словно все это очистит его замаранную юность, сотрет из памяти того парнишку, которым он когда-то был.

Разглядывая красное лицо человека, которого он почитал за отца в течение долгих лет, Эш замотал головой. Он больше не жаждал и не нуждался в одобрении Джека Хадли. И прошлое его больше не заботило.

Единственное, чего он сейчас хотел — это Маргарит. В свои объятия. В свою постель. Запрокинув голову, он снова прокричал ее имя.

— Прекратите орать! — выругалась Грир, спускаясь вниз по лестнице, придерживая свои золотисто-янтарные юбки. — Вы пугаете служанок, и вашей жены здесь нет.

— Моя экономка видела, что вы уехали вместе.

— Мы разъехались в разные стороны. Маргарит не здесь.

Эш стряхнул удерживающих его слуг. Они по-прежнему терлись рядом, часто дыша у него за спиной.

Он внимательно изучал Грир, пытаясь по глазам понять правду. Она с трудом выдержала его взгляд. Возможно, она не лжет, но и не говорит ему всего, конечно же.

— Но ты знаешь, где она, — заявил он, теребя манжеты пиджака.

Ее взор блуждал по полу, по отцу, скользил по стенам. Она избегала смотреть ему в лицо. Когда же она вновь заговорила, в голосе чувствовался надлом и фальшь.

— Она не упоминала...

— Грир, — сказал он резко. — Расскажи мне, где она.

Она подняла на него умоляющие карие глаза.

— Я не могу.

Эш сделал к ней несколько осторожных шагов, сдерживая себя, чтобы не схватить ее за плечи и хорошенько не встряхнуть.

— Нет, ты можешь.

Грир упрячилась.

— Она не хотела, чтобы ты знал. И какой же сестрой я буду, если не смогу сохранить первый секрет, который она мне доверила?

— Ужасной, — вставил Джек с нескрываемым удовольствием. — Не говори ему, Грир. Пусть страдает. Это только его чертова вина, что он потерял ее.

Грир сердито посмотрела на отца.

— Он не терял ее, хватит пороть чушь. Ты жесток. Разве ты не видишь, что они любят друг друга?

Эш захлопал глазами и открыл было рот, чтобы отрицать это возмутительное заявление. Но не произнес ни слова. Во рту и горле пересохло, говорить было невозможно.

Грир повернулась в сторону Эша и широко улыбнулась ему.

— В чем дело? Ты разве не знал этого?

Он запустил руку в волосы.

— Знал... что?

Грир кивнула, словно соглашаясь сама с собой, и еще раз повторила по слогам.

— Что ты любишь свою жену.

Эш захлопнул отвисшую челюсть, впитывая ее слова, позволяя им проникнуть глубоко в нутро, решая, есть ли в них хоть доля правды. И он нашел ответ.

Да. Он любит свою жену. И нет, до этого момента он не понимал этого.

Встрепенувшись, Эш сжал руки в кулаки.

— Ты должна сказать мне, Грир. Она моя жена.

— И... — подчеркнула она, явно требуя, чтобы он признался в любви, — ты любишь ее.

Эш сжал губы, глядя на нее с молчаливой враждебностью. Одно дело признаться самому себе, другое — признаться в своих чувствах перед остальными.

Джек фыркнул.

— Эш? Влюблен?

Эш повернулся к нему, чуть ли не рыча.

— Джек, — предупредила Грир.

— Я имею право знать, где моя жена...

— И. Ты. Любишь. Ее. — Грир впиалась в него раздосадованным взглядом. Как собака, вцепившаяся в кость, она не собиралась отступить. Внезапно он почувствовал жалость к любому человеку, которого Джек подберет ей в мужья. У парня ни единого шанса.

Эш отрывисто вздохнул.

— Очень хорошо, — буркнул он, бросив обиженный взгляд на Джека, который с жадностью наблюдал за всем этим. — И, — признался он, — я люблю ее.

Произнести эти слова было не так трудно, как он себе представлял. Не то, чтобы он представлял себе, как произнесет их когда-нибудь. Он покачал головой, дивясь сам себе. Он был влюблен. В женщину, на которой женился. То, чего он поклялся никогда не допустить, произошло.

Грир одобрительно кивнула.

— Она пошла к ясновидящей. Ее имя мадам Фостер.

— В Сент-Джайлз? — рявкнул он, нахмурившись.

Он слышал о мадам Фостер. Многие из девушек, работавших на него, говорили о ней. Мэри так посещала ее регулярно.

Кусочки картины сложились воедино. Этим она занималась в день, когда они впервые встретились на улице. Маргарит никогда не говорила, что она там делала, но что еще могло быть причиной?

Эш становился все мрачнее при мысли о том, что его жена находится в одиночку в этом клоповнике. Он приказал Маргарит никогда не возвращаться в ту часть города. Конечно, тогда он был для нее никем, ничем не лучше уличного мусора, но теперь-то он ее муж. Разве это ничего не значило?

— Не сердись, — уговаривала его Грир, правильно растолковав выражение его лица. — Она должна была пойти.

— Почему?

Взгляд Грир так помрачнел, что ему под кожу закралось беспокойство. Несмотря на предчувствие, ничто не могло подготовить его к следующим словам.

— Она умрет.

Эш запрокинул голову, с губ со свистом вырывалось дыхание.

— Что ты имеешь в виду? — потребовал он, шагнув вперед и схватив ее за руки. Она вздрогнула, и он тут же ослабил свою хватку. — Пожалуйста, — прохрипел он, страшная горечь разъедала его горло.

— Она недавно узнала об этом...

— Она больна? — перебил Эш, вспомнив, как таскал ее по всей стране в зимние морозы. Она была маленькой, хрупкой женщиной, но он думал, что она достаточно крепка.

— Нет. Ничего подобного. Это мадам Фостер сказала ей.

— Мадам Фостер? — Он с проклятьем выпустил руки Грир. Зажав себе виски, Эш спросил спокойным тоном, не отразившим ни капли его нетерпения и потрясения. — Что именно мадам Фостер ей сказала?

— Что Маргарит умрет. До конца этого года... — ее голос затих, но он знал, что это еще не все. Грир отвела глаза и уставилась на свои руки.

— И? — подсказал он.

— Она попадет в какую-то аварию... через какое-то время после вашей свадьбы.

Эш дернулся, словно от полученного удара. Это объясняло ее колебания, когда она то хотела выйти за него замуж, то тут же отказывалась. Она боялась.

Это проливало свет на все. В день свадьбы в ее янтарных глазах кое-что было. Темнота. Она считала, что принесение обетов равносильно смерти. Это знание привело его в бешенство.

— Мадам Фостер предсказала ей и брак со мной? — с недоверием фыркнул Эш.

— Да. — Грир кивнула.

— Дрянь, — прошипел он.

Внутри него что-то с треском оборвалось. В нем что-то росло, распирая грудь и натягивая кожу. Гнев. Колючий, горячий, клокочущий. Он сжимал и разжимал руки, жаждая насилия. Он хотел проломить кулаком стену. Или врезать аферистке, задурившей своей ерундой голову Маргарит. Он даже на Грир злился, что она так просто приняла эту чушь. И все-таки самые страшные его эмоции были направлены на Маргарит, потому что она

поверила в это. Позволила суеверной чепухе вбить клин между ними.

Эш развернулся на пятках, игнорируя слова Грир, сказанные ему вдогонку.

— Эш, пожалуйста, пойми! Не сердись, не делай ничего, в чем потом будешь раскаиваться.

Раскаиваться? Он не сделает ничего подобного. Он собирался просто в некотором смысле встряхнуть свою ужасно глупую жену, и заставить ее пожалеть о том дне, когда она вздумала поверить в пророчества всякого хитрого жулья. Маргарит не умрет. По крайней мере, не в ближайшем будущем.

Она не умрет. Внезапно стало трудно дышать. Она не умрет.

Против воли в его голове возник образ тела его сестры, такой болезненно маленькой, хрупкой и сломленной в конце. Воспоминания о горе и полной беспомощности пронеслись перед ним горьким потоком.

Он не выдержит этого снова. Эш моргнул, проклиная себя. Конечно, нет. Мадам Фостер была не более чем талантливой актрисой.

На негнущихся ногах он вышел из дома, борясь с темными, незнакомыми чувствами, копошившимися внутри. За гневом в его сердце прокрались сомнения. Далекое и невозможное, они все равно нашли к нему дорогу. Что если он ошибается? Что если провидица была права?

Он снова был в том же состоянии, в котором находился, стоя над маленьким гробиком сестры. И все же те переживания были мягче, что ли. Терпимее. Тогда, после смерти Шарлоты, он знал, что так или иначе будет бороться, чтобы выжить.

Но это...

Маргарит...

Теперь он понял. Чувство, которое скрывалось за гневом, могло быть только одним. Страхом.

После нескольких часов ожидания, проведенных на одном из неудобных стульев, выстроившихся в ряд вдоль стены в тесном коридорчике, Маргарит наконец пригласили в гостиную мадам Фостер.

Видимо, девушка выбрала не самый удачный день для прихода. Пока она ждала своей очереди, мадам посетили еще полдюжины девиц. Она чувствовала себя очень странно. Слева от Маргарит сидела служанка в перепачканном платье, подол которого был совершенно истрепан и едва ли доставал владелице до щиколоток. Справа же находилась девушка, одетая в розовое платье из муслина, плечи которой укрывала бархатная накидка, в то время как ее руки были спрятаны в муфту из горносталя. Маргарит была уверена, что последняя сбежала от своей гувернантки, чтобы тайком посетить мадам Фостер.

Молодая женщина старалась не думать о бегущем времени или о том, что прошло уже полдня с того часа, как она пришла сюда.

— Итак, — сказала мадам Фостер, усаживаясь напротив Маргарит. Она поднесла ко рту чашку горячего чая и набрала полную грудь воздуха, словно у нее ужасно болело горло, и ей было необходимо как-то облегчить эту боль. — Ты вернулась.

Маргарит слегка изогнула губы в улыбке.

— Хотите сказать, вы не знали, что я вернусь?

Глаза мадам Фостер сузились, и она внимательно посмотрела на Маргарит.

— С тобой что-то не так.

Маргарит, не сказав ни слова, лишь вздернула подбородок. Эта женщина была последним человеком, кому она должна была о чем-либо рассказывать.

Мадам наклонилась, протягивая через весь стол свою коротенькую пухлую ручку к Маргарит, и схватила ее ладонь. Маргарит охотно позволила ей взять свою руку, и та потянулась рассмотреть ее поближе.

Мадам внимательно разглядывала все линии на ладони клиентки, затем ее взгляд внезапно вернулся к лицу Маргарит.

— Ты вышла замуж, — провозгласила она наконец. — Как я и предсказывала.

Маргарит кивнула:

— Это было неизбежно, я так полагаю, — робко ответила она.

Мадам Фостер фыркнула, все еще держа девушку за руку.

— Ты говоришь об этом так, будто бы поверила моим словам. Сейчас.

— Я поверила вашим словам относительно моего брака. — Маргарит перегнулась через весь стол, пригвоздив взглядом женщину напротив. — Но всему остальному я не верю. Я еще не готова покинуть этот мир.

Мадам снова фыркнула:

— Мы никогда не будем готовы. Никогда.

— Должно же быть что-то, что я могла бы сделать. Какой-то способ... — Маргарит напряженно затрясла головой, чувствуя стоящие в ее глазах обжигающие слезы. Она положила на стол свободную руку. — Я не могу уйти. Пока еще нет. Вы можете подробнее рассказать об этом происшествии, чтобы я смогла его предотвратить?

Мадам снова склонилась над ее рукой.

— Давай я еще раз взгляну на твою ладонь.

Загаив дыхание, Маргарит наблюдала за мадам Фостер и чувствовала легкое давление ее пальцев на центр ладони.

— Стоит туман. Но я вижу карету, ее колеса крутятся, она едет очень быстро... Лошади хрипят. Пелена дождя. Гром. — Она низко наклонила голову, ее брови сдвинулись. — Да, я вижу тебя там. — Вдруг она подняла глаза и посмотрела Маргарит прямо в лицо. — Мертвой.

Молодая женщина дрожала, будто впервые услышала о своей гибели.

— Вы видите, где я конкретно нахожусь?

— Нет, — ответила мадам, резко качнув головой. — Но ты вся грязная. Я вижу грязь. Ты лежишь в грязи. Ты ею покрыта.

— Замечательно, — пробормотала Маргарит. — Мне просто надо находиться в помещении во время дождя и после него. Но это Англия. — Она покачала головой. — Я вообще никогда больше не выйду на улицу.

Мадам усмехнулась.

Маргарит наклонилась к ней еще ближе.

— Вы больше совсем ничего не видите? Хоть какую-нибудь приметку?

Мадам принялась еще раз вглядываться в ее ладонь. Закрыв глаза, она опустила голову, при этом резко выдохнув. Женщина крепко прижала их ладони друг к другу.

Вдруг ее голос вторгся в мысли девушки:

— Рядом с тобой кто-то есть. Он стоит над тобой, трясет и в то же время обнимает тебя. Мужчина с золотыми волосами. — Ее губы дрогнули. — Великолепный представитель мужского пола — твой муж, я полагаю.

— Эш, — прошептала Маргарит. Ей не следовало бы чувствовать такое облегчение, но она ничего не могла с собой поделать. Она не будет одинока. Неважно, что произойдет, но все это не будет так страшно, если он будет с ней. — Вы больше ничего не видите? Только несчастный случай на дороге? Во время дождя? И это все?

— Маргарит, — качая головой, сказала мадам серьезным тоном, будто хотела сообщить что-то очень важное. — Ты ведь счастлива сейчас? По сравнению с тем днем, когда мы виделись в последний раз? В тебе появилась какая-то легкость. Свет.

Маргарит подумала об Эше и кивнула.

— Да, я счастлива.

— Так будь же счастлива, — мадам махнула рукой, как если бы говорила о каком-то досадном недоразумении, а не об ее жизни. Или смерти. — Прекрати волноваться о вещах, которые я увидела. Может быть, это произойдет, а может — нет.

— Да, — согласилась Маргарит. Разве ход ее мыслей не был таким же до того, как она пришла сюда? Разве она не решила проживать каждый день как последний, без всяких сожалений? Поглощенная одной этой мыслью, она резко поднялась со стула. Маргарит оглянулась и посмотрела на эту выдавшую виды гостиную с разбросанными тут и там безделушками, словно не понимая, что она здесь делает. — Я должна идти.

К Эшу. К жизни, которая ждала ее впереди.

Мадам одобряюще улыбнулась ей.

— Правильно, девочка.

— Прощайте, — она заторопилась к выходу из гостиной и бросила через плечо: — И спасибо вам.

Покидая дом мадам Фостер, она уже не ощущала того навязчивого желания избежать

перста судьбы. Все когда-нибудь умирают. Если случится так, что она умрет не через десяток лет, а через месяц — ну и пусть. Зато она будет уверена, что прожила полноценную жизнь в тот, пускай и короткий, отрезок времени, который был ей дан.

Спускаясь по ступенькам крыльца мадам Фостер, Маргарит спрятала свои руки в муфту. Как хорошо одетая женщина без сопровождения, она привлекла несколько удивленных взглядов прохожих и попыталась не выказать своих чувств, когда они изучающе глазели на нее.

Девушка увидела черный наемный экипаж через дорогу, радуясь, что извозчик дождался ее. Он курил, стоя около кеба. Кивнув ей, он потянулся к дверце. Посмотрев по сторонам, Маргарит стала пересекать улицу, обходя лужи.

В этот самый момент она его и увидела.

Эш стремительно несся верхом прямо на нее. Он пронзил ее взглядом своих черных глаз так, что она просто не могла пошевелиться. Маргарит почувствовала, как по ее спине пробежала дрожь. Она никогда не видела Эша таким. Даже когда он настиг ее в том самом поле. Наверное, даже дьявол не предавал своим обликом столько зла, как Эш сейчас.

О боже, как же она объяснит ему, что делает здесь, на крыльце дома мадам Фостер? Маргарит бросила виноватый взгляд на маленький магазинчик с раскачивающейся деревянной дощечкой с названием, зажатый между двумя зданиями.

Эш подумает, что его жена сошла с ума, если она расскажет ему всю правду. Одно дело, рассказывать все это Грир, но совсем другое — пресыщенному обществом и огрубевшему из-за него мужу. Еще хуже, если он действительно поверит ей. Сможет ли она вынести жалость, а может быть даже страх, в его глазах, когда он будет смотреть на нее? Она вздрогнула. Нет, точно нет.

Она определенно не скажет ему всей правды.

Эш приближался. Она видела ярость в его глазах. Плотные сжатые губы. Она так же видела, как немного подрагивает уголок его глаза, отчего шрам в виде полумесяца делался заметнее.

Дыхание Маргарит замерло, сердце перестало биться при виде холодной ярости на лице Эша. Он знал. Конечно же, он знал. Что еще могло привести его сюда? Грир выдала ее. Она рассказала ему все.

Внутри нее все похолодело от ужаса. Но не только сердце Маргарит остановилось, ноги тоже отказывались служить ей, ее словно приковало к мостовой. Она не могла ни сдвинуться с места, ни даже пошевелить ногой, будто к ней были привязаны две свинцовые гири. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но не вымолвила ни слова. Она не знала, что именно сказать Эшу, чтобы он понял... чтобы хоть часть истории звучала не так абсурдно.

Вдруг выражение его лица переменялось. Буквально за секунду оно наполнилось ужасом, а все его черты резко обозначились. Он открыл рот, словно задыхаясь.

— Маргарит! — Его надломленный голос донесся до нее через туман. Эш не смотрел на нее, его взгляд остановился на чем-то позади нее.

Она обернулась.

Маргарит казалось, что она двигалась очень медленно, хотя она знала, что это не так. Она была уверена, что повернула голову как раз вовремя, чтобы увидеть надвигающийся на нее фаэтон.

Совершенно несвязная, неясная мысль проскользнула у нее в голове. Не карета. Это был фаэтон.

Мадам Фостер ошиблась насчет этого.

Извозчик, управлявший фаэтоном, с румяными от смеха щеками весело болтал со своим приятелем, сидящим рядом. Взглянув вперед, он заметил Маргарит. Его глаза расширились, и он натянул вожжи изо всех сил так, что бутылка выпала из его рук. Она покатила по дороге, и ее содержимое смешалось с дождем.

Дождь. Всего несколько минут назад пошел дождь. Звук дождя, напоминающий отдаленный рев какого-то зверя, наполнил воздух. Правда, он не был отдаленным. Дождь накрыл Маргарит, и она сразу же промокла до костей.

Извозчик боролся с разгулявшимися лошадьми, пытаясь взять их под контроль. Их глаза бешено вращались в глазницах. Они хрипели, поднимая в воздух копыта, мчась прямо на Маргарит.

Комок подступил к горлу. Она бросилась в сторону, но споткнулась, зацепившись за что-то каблуком. Она упала в лужу и ударилась так, что лязгнули зубы.

Промокшая, холодная, вся в грязи — Маргарит вдруг почувствовала, что отделилась от всего происходящего, от самой себя.

Она выставила перед собой руки в слабой попытке защитить себя, отпрянула назад, используя канаву как укрытие. Копыта ударили по мостовой совсем близко, и этот удар отдался во всем теле девушки. Она перевернулась, попыталась уйти от следующего удара блестящих копыт, которые, казалось, были повсюду вокруг нее.

Маргарит вскрикнула, когда одно из них задело ее плечо. Но у нее не было времени на то, чтобы оправиться от этой боли, потому что ее сразу же настиг следующий удар. Ужасная боль вспыхнула в ее голове. Потом все заслонила темнота, поглощая ее...

А затем она почувствовала прикосновение рук. Повсюду. Они оттаскивали ее подальше от лошадей и их несущих смерть копыт. Маргарит моргнула, пытаясь отогнать темноту. Из черноты появились серые очертания каких-то предметов, а потом и туманные образы окружавшей ее реальности.

Девушку окружал гомон голосов, который лишь усиливал жуткую головную боль. К этому шуму прибавился какой-то стук. Стук ее собственных зубов, как потом поняла Маргарит. Но как бы она не старалась сдержать этот стук, он становился лишь громче.

— Маргарит, ты меня слышишь?

Лицо девушки исказилось от боли:

— Я услышала бы тебя, будь я сейчас и в Китае, — выдавила она, еще не до конца владея своим языком.

Она попыталась потрогать голову в том месте, где она горела от боли, но не смогла. Просто поднять руку было слишком большим усилием в данный момент.

Холод дождя, который превратился в изморось, пробрался под одежду и распространился по всему телу Маргарит, разливаясь ледящим огнем и проникая до самых костей.

— Маргарит! — звук собственного имени, произнесенного с такой яростью, резанул слух, и девушка увидела неясную фигуру Эша над собой.

Она резко подняла голову, от чего воздух вырвался со свистом через ее стиснутые зубы от невыносимой боли. Пытаясь перебороть ее, Маргарит было сглотнула, но не смогла из-за комка, который застрял где-то в ее горле, когда она попыталась представить, как выглядит со стороны. Замерзшая, лежащая на земле. Вся мокрая и с ног до головы в грязи.

В точности, как и предсказывала мадам Фостер.

— Маргарит? Ты знаешь, где ты сейчас находишься?

— Мозги из моей головы не вышибли, если ты об этом.

— Да, тебя просто слегка потоптали лошади, — сухо ответил он.

— Подумай, твой голос должен звучать более счастливо, а не так сердито, как сейчас. Я не погибла, — резко сказала Маргарит.

И осознала, что действительно не погибла. Она жива.

Девушка почувствовала, как по телу прошел заряд энергии. Она попыталась приподняться в ледяной грязи, которая окружала ее. Эш быстрым движением потянулся к ней и помог встать на ноги.

Но в тот момент, когда ноги Маргарит отказались служить ей, он взял ее на руки с суровым выражением на лице, в котором были смешаны беспокойство и ярость.

— Я в порядке, — резко втянув в себя воздух, сказала она. Еще как в порядке. Она чувствовала себя чудесно, не смотря на все синяки и переломы, которых, наверняка, у нее было множество. Она была жива... и собиралась прожить еще много лет в этом мире.

Эш устроил жену у себя на руках так, чтобы ей было удобно.

— Посмотрим.

Он понес ее к экипажу. Каждый шаг Эша отдавался в теле Маргарит ужасной болью, но даже это не стерло улыбки с ее лица. Она провела по его плечам, скрытым под серой тканью пальто, наслаждаясь исходящей от него силой. При виде их извозчик поторопился привязать коня, на котором приехал Эш, к своему кебу.

Отдав указания кучеру, Эш сел в экипаж и устроил Маргарит на подушках, ухаживая за ней с такой осторожностью, словно она была инвалидом, который в любой момент мог умереть.

Маргарит почувствовала себя так, словно у нее что-то отняли, не ощущая на себе обнимающих ее рук Эша, дающих покой. Девушка ненавидела этот настороженный взгляд, в котором читался страх — словно он боялся разбить что-то очень ценное и хрупкое — с которым Эш ее осматривал. Она выпрямилась и тут же ударилась головой о крышу экипажа. С ее губ слетел стон.

Ей легче было бы справляться с его гневом. Пусть он рассвирепеет. Но его жалость ей была не нужна.

Эш услышал, как она застонала от боли. Ругнувшись, он посмотрел через плечо с таким видом, будто готов был тут же выпрыгнуть из кэба.

— У меня появилась идея поколотить этого кучера. Он что, слепой?

Маргарит потянулась к его руке.

— Ты мне нужен здесь. Рядом со мной.

Он перевел взгляд на нее.

— Ты могла погибнуть, — прорычал Эш.

— Но я жива. — Ее голос становился все громче. — И я не умру.

Он внимательнейшим образом оглядывал все ее тело, дрожащее от холода. Маргарит с легкостью догадалась, о чем он думает. Он размышлял, по какой причине она оказалась там... наверное, думал, что верить словам гадалки не стоило.

— Все кончено, — сказала она, больше не чувствуя тяжести в груди. Ведь это было правдой, и самое важное то, что теперь они могли быть вместе, не боясь того, что произойдет завтра.

Он покачал головой, очевидно, ничего не понимая.

Маргарит схватила его теплую руку, только сейчас осознав, насколько ей холодно и что ее пальцы превратились в сосульки.

— Ты же знаешь, зачем я пришла сюда...

Он сдержанно кивнул, не сводя с нее напряженного, обвиняющего взгляда. При виде его поджатых губ, она почувствовала, как по ее спине побежали мурашки.

— Мадам Фостер. Да, знаю. Грир все рассказала мне.

— Мадам Фостер видела, что это случится. — Маргарит показала на себя. — Что я буду лежать в грязи, и будет идти дождь. — Слова быстро слетали с ее губ, превращаясь в непрерывный поток. Он должен был понять, поверить... — Она говорила о том, что будет дождь, гром, что на меня наедет карета, и что ты тоже будешь там, — сказала она, указывая рукой сначала на себя, а потом на него. — Все это. Она видела все. Она неправильно истолковала свое видение. Думала, что я умру. Понимаешь? Все это сбылось, но я жива!

Эш провел рукой по волосам.

— Если ты хочешь, чтобы я поверил какой-то там предсказательнице...

— Я сначала тоже ей не верила, но все, о чем она говорит, сбывается.

— Итак, — сказал он, и глубоко задышал через нос, как бы пытаясь снова обрести контроль. — Ты действительно думаешь, что эта женщина может видеть будущее? Что она видела то, что только что случилось?... — он замолчал на полуслове, лицо его исказилось от эмоций.

— Ты должен признать, что это не может быть совпадением. Как еще она могла описать так много подробностей? — Маргарит покачала головой, тут же резко втянув в себя воздух, потому что ее голову пронзила острая боль. Она начала растирать место, которое болело, и нащупала шишку, величиной с гусиное яйцо.

Эш потянулся к ней, убрал руку Маргарит, заменяя ее своей, и нежно потрогал место ушиба. Он пробормотал отвлеченным голосом:

— Единственное, что меня успокаивает, это то, что ты избавилась от убежденности в своей скорой смерти.

Маргарит почувствовала, как ее наполняет разочарование.

— Так ты думаешь, что я сошла с ума, что я не права насчет нее?

— Дорогая моя, я поверю всему, во что ты захочешь в данный момент.

— Я не маленькая девочка, капризам которой ты должен потакать. — Приняв оборонительную позицию, Маргарит подняла глаза на Эша. — Я совсем не так глупа, Эш. Я говорю это на полном серьезе...

— Я знаю, — выпалил он, — несмотря на мое желание притворится, что это не так. Никак не возьму в толк, как ты позволила рассказкам какой-то шарлатанки управлять нашими с тобой отношениями, Маргарит. Я думал, ты намного разумнее.

Она с силой втянула в себя воздух, бросая на него взгляд, полный гнева, выглядев при этом очень задетой.

— Я не такая глупая, как ты думаешь, — прошептала она с болью в голосе, — и ты не должен отчитывать меня, словно ребенка. Я уже давно выросла.

Эш с беспокойством провел рукой по лбу, хотя искры гнева все еще не покинули его. Она поняла это по напряженной линии его рта, когда он, пытаясь обрести контроль, сжал челюсти.

— Я не хочу с тобой спорить. Я до сих пор пытаюсь выкинуть из головы ту картину, которую я увидел, когда ты упала прямо под копыта лошадей... — его голос оборвался на

полуслове, и он глубоко и прерывисто вздохнул, словно он физически был не в силах продолжить.

У Маргарит что-то сжалось и кольнуло в груди, когда она посмотрела на него. Она никогда не видела его таким... ранимым.

Он сглотнул и продолжил:

— Когда я подумал, что потерял тебя... Я ни за что на свете не хочу испытать это еще раз, — напряженно проговорил он.

Так он об этом волновался? Она потянулась к щеке мужа, пытаясь успокоить. Но Эш увернулся, и ее рука скользнула по его подбородку.

— Ты не потеряешь меня. Обещаю.

Эш спешно снял с себя пальто и принялся укутывать жену, так как она дрожала от холода. И именно в этот момент, в этой карете, наедине с ним, то, что он не мог встретиться с ней взглядом, что его лицо было словно вырезано из гранита, что атмосфера вокруг была наполнена угрожающей тишиной, — все это перестало иметь значение. Он делает так, потому что ему не все равно, потому что он беспокоится о ней, сказала себе Маргарит. Возможно, даже любит.

Просто он сам этого еще не знает. Пока.

Он был чертовым идиотом.

Все это время он считал, что такой брак, какой был у его родителей, для него будет самой ужасной перспективой. В нем любовь со временем превратилась в непрекращающуюся вражду между супругами. Именно этот ужасный и отравляющий союз убил его сестру и заставил его ребенком скитаться по улицам Сент-Джайлза и рыться в помойках в поисках еды.

Теперь же к Эшу внезапно пришло осознание, что есть нечто еще более ужасное.

Любить кого-то, а потом потерять любимого человека навсегда... Нет, больше такой боли он не переживет. Во всяком случае, он приложит все усилия, чтобы избежать этого.

Что вполне реально.

По-видимому, человек не может выбрать в кого и когда влюбиться, ему просто нужно принять, что зародилась любовь. Потому что, если бы у него был выбор, он не испытывал бы все те чувства к Маргарит, которые сейчас переполняли его. Эш знал, что отпустить ее будет трудно и больно. От одной даже мысли об этом у него сдавило горло. А что он испытал, когда видел, как Маргарит падала под копыта лошадей — ничто не могло сравниться с той болью.

Он бы тосковал по ней, жаждал ощутить жар ее прекрасного тела в своей постели, увидеть, как взгляд ее глаз смягчился, когда она смотрела на него, но боль притупилась бы. В конце концов, он утонул бы в одиночестве. Возможно, даже забыл о ней. Грудь Эша стеснило от этой мысли.

Маргарит мирно посапывала у него под боком. Она практически не двигалась с того момента, как приглашенный им доктор дал ей настойку лауданума.

Лежа рядом с ней в постели, Эш водил рукой по ее иссиня-черным волосам. Потеряв счет времени, он, пропуская локоны между пальцами, пытаясь запомнить каждую черточку ее лица в форме сердечка, в то время как за окнами забрезжил рассвет, медленно проникая в комнаты через шелковые занавески.

Эш знал, что Маргарит верила, что опасность миновала, но он не верил в видения этой провидицы. Он не верил, что судьбу человека могла определить оставшаяся от чая заварка. Будущее человека нельзя предсказать. Он отвел черный локон с ее лба, поморщившись при виде ужасной царапины, проходивший по линии роста волос, выделявшейся на фоне ее молочно белой кожи. Жизнь опасна, она полна боли и разных потерь. А понять это — и к гадалке не ходи.

В нем что-то умерло при виде Маргарит под копытами лошадей. Звук ее криков снова и снова повторялся в его голове. Эш сомневался, что когда-нибудь перестанет, закрыв глаза, слышать их, или что угроза пережить это опять когда-либо испарится из его головы. Все станет еще хуже, потому что в следующий раз она может просто не выжить.

Он взял ее руку и поднес к губам, удивляясь, как близка стала ему эта девушка за столь короткое время. Где-то на улице послышался звук подъезжающего экипажа.

Эш опустил ее руку на одеяло и подошел к окну. В экипаже, остановившемся у его дома, он узнал карету Джека. С помощью грума из нее вышли две женщины. Он сразу же узнал Грир, которая шествовала впереди. Другая женщина, поменьше ростом и моложе, чем Грир, казалось ему смутно знакомой — кажется, он видел ее, когда примчался в дом Джека в

поисках Маргарит. Он выскользнул из комнаты, бросив еще один, последний, взгляд на девушку, которая по-прежнему сладко спала.

Эш встретил двух женщин в фойе.

Грир окинула его строгим взглядом, в ее глазах виднелась сталь.

— Мы приехали тут же, как до нас дошло известие.

Эш фыркнул:

— Ну конечно. Эш Кортленд спас женщину из-под колес экипажа. Уверен, что эта новость быстро разлетелась по всему Сент-Джайлзу.

— Джек не позволил нам навестить вас прошлой ночью, — пожаловалась Грир, — У него было запланировано посещение оперы с герцогом Колброном. Несчастный осел, — пробормотала она.

Эш так и не понял, в чью сторону было это замечание: отца или герцога — но не стал переспрашивать.

— Маргарит отдыхает. Доктор заверил меня, что с ней все будет в порядке.

— Выходит, мадам Фостер была права, — сказала Грир.

Эш бросил на нее угрожающий взгляд.

— О, и ты туда же, — в его голосе слышалось предупреждение.

— Полно тебе, неужели ты считаешь это простым совпадением?

— Да, — резко сказал он, обрывая ее на полуслове. Ее слова очень были похожи на то, что говорила ему Маргарит. — Совпадение, простое совпадение.

— Смешной ты человек, — заметила Грир, скривив губы в улыбке.

Он обвел взглядом двух женщин.

— Прошу вас подождать в гостиной, но, думаю, ваше ожидание затянется надолго.

— Мы не хотели бы набрасываться и волновать Маргарит сразу после ее пробуждения, — пробормотала ее сестра, которая до этого не проронила ни слова. — Мы навестим ее позже, когда ей будет лучше. Пожалуйста, скажите ей, что мы заезжали ее проведать.

— Вы, возможно, уже не застанете ее, — заявил Эш.

Грир удивленно заморгала.

— Вы только что приехали и уже покидаете город?

— Загородом у меня есть поместье, в котором я не был уже много лет. Этому поместью нужна хорошая хозяйка, чтобы навести там порядок...

— Значит, вы будете жить в пригороде?

— Нет, я остаюсь. Остаются еще места, в которые мне нужно заглянуть. Знает бог, отец не будет ими заниматься.

— И вы бросите ее в деревне? — Ее младшая сестра скрестила руки на груди, переводя разговор обратно к Маргарит. А это был та тема, обсуждать которую ему не хотелось.

Эш пристально посмотрел на женщин. Они совсем недавно познакомились с Маргарит, но вели себя, как ее самые ярые защитники.

— Как мне кажется, это самое безопасное место для нее. Ей понравится, там она будет подальше от этого ужасного города.

— Что за чушь? — Грир махнула рукой, и этот жест показал, насколько она расстроена. — Ты сказал, что любишь ее.

— Это ничего не значит, — выпалил он, внезапно покраснев, вспоминая о своем признании. — Так будет лучше для Маргарит.

Грир покачала головой.

— Маргарит спит. Могу поспорить, ты еще ничего не сказал ей о том, что хочешь сделать. Почему бы тебе не спросить Маргарит, когда она проснется, хочет ли она, чтобы от нее избавились?...

— Потому что я знаю, чего она хочет! — прокричал он, разводя руки в стороны. — Я не могу ей этого дать! И я больше не хочу проходить через то испытание, которое я выдержал вчера. Я просто не смогу это сделать еще раз.

Одновременно на лицах обеих сестер отразились одинаковые эмоции. Две пары черных глаз, так похожих на глаза Джека, смотрели на него с недоумением.

Грир окинула его взглядом с ног до головы и вымолвила с неприкрытым отвращением:

— Трус.

— Вы обо мне ничего не знаете, — резко сказал Эш, — и о Маргарит тоже. То, что в ваших жилах течет родственная кровь, не делает вас семьей в ту же секунду, она не может заставить появиться любовь между вами по мановению волшебной палочки. — Он сердито махнул рукой в их сторону.

Младшая сестра тихо проговорила:

— Вы абсолютно правы. — Она выступила вперед, не обращая внимания на его угрожающий взгляд и то, что он возвышался над ней. — Любовь не приходит так просто в один момент. Но, неважно по какой причине, это произошло между вами и Маргарит. И вы просто глупец, что отказываетесь от этого чувства и отбрасываете его в сторону. — С тихим вздохом она посмотрела на Грир. — Я подожду тебя в карете.

Чувствуя себя так, словно эта малышка ударила его своим ридикюлем прямо по голове, он смотрел как девушка, которую он считал робкой и бессловесной, вышла из дома. С улыбкой, в которой читалась лишь жалость, Грир последовала за сестрой.

Он смотрел на закрывшуюся за ними входную дверь еще некоторое время с сердитым выражением на лице, но потом отправился в свой кабинет и написал записку управляющему своего загородного поместья, что его жена скоро туда прибудет.

— Что ты имеешь в виду под тем, что я проведу какое-то время в деревне? Одна? — Маргарит опустила вилку, уже жалея о том, что успела проглотить что-то из стоявшего перед ней завтрака. Кусочек бекона, который она так хотела съесть всего лишь несколько минут назад, уже не вызывал в ней никакого аппетита.

— Это чудесное поместье, — только и ответил Эш.

Стоя у окна, он бросил в ее сторону холодный и отстраненный взгляд. Она едва нашла в себе смелости взглянуть на него, сидя на подушках с подносом на коленях. Шелковые занавески были раздвинуты. Держа руки за спиной, он отвернулся от нее и посмотрел на улицу с таким выражением, будто там происходило что-то очень интересное.

У него был суровый и официальный вид. Каждая мелочь выдавала в нем настоящего джентльмена. Он не был похож на того беспшабашного повесу, которого она встретила на улицах Сент-Джайлза, или на того мужчину, который вчера подхватил ее на свои руки и смотрел на нее с волнением и любовью так, словно разделял ее боль.

Куда подевался этот мужчина? Мужчина, чье лицо она ждала увидеть сразу же после пробуждения.

— Где же ты собираешься быть, в то время как я буду похоронена в деревне? — спросила она, не в силах сдержать дрожь в своем голосе.

Эш, наконец, поднял на нее глаза.

— У меня остались незаконченные дела здесь, — видимо он что-то увидел на лице Маргарит, потому что затем добавил: — Но я буду навещать тебя, конечно же.

Неужели так и должно быть? Она чудом избежала смерти и уже готова была, наконец, прожить с ним долгую и счастливую жизнь, не беспокоясь ни о каких предсказаниях, но вот только оказалось, что он был к этому не готов, он не хотел ее присутствия в своей жизни.

— Дом великолепен, и земель много. Все что требуется — это немного женской руки. Я не занимался этим поместьем с тех пор, как выиграл его у какого-то барона года два назад.

Маргарит покачала головой в полном недоумении.

— Я сделала что-то... Ты до сих пор сердишься, что я пошла к мадам Фостер?...

— Дело не в этом, Маргарит. Я совсем не сержусь. — Эш посмотрел на нее без всякого выражения. — Просто это так, как должно быть.

Так, как должно быть. Он — здесь, а она — в деревне.

— Я не понимаю...

— Я никогда и не хотел.

— Чего? Меня? — Она издала какой-то неопределенный звук, судорожно качая головой. — Трудно поверить, особенно после того, как ты похитил меня и проскакал половину Англии, чтобы поймать, что ты не хочешь всего этого.

— Я хотел жениться на тебе, видеть тебя в своей постели, я просто никогда не хотел... — Его голос затих, и он опустил глаза. Чего?

— Ты все усложняешь, Маргарит. То, что я чувствую... Я никогда не ожидал такого.

Он питал к ней какие-то чувства? Сердце Маргарит беспокойно забилося, ее горло перехватило от эмоций, а в душе расцвела надежда. Девушка выпрямилась на подушках.

— Я тоже испытываю к тебе определенные чувства, — начал она.

— В том-то все и дело, — он резко остановил ее. — Я не хочу, чтобы ты чувствовала что-то ко мне. Я не могу, не смогу... — Эш замолчал, качая головой, и на ее сердце опустилось что-то тяжелое. Она поняла все то, что он смог сказать, почувствовала все не высказанные им слова, и они как рана остались в ее душе. Он никогда не полюбит ее.

Эш снова поднял на нее свой взгляд. И последняя надежда испарилась: в его глазах не было ничего, они были словно мертвы.

— Ну что ж, — сказала Маргарит, вздохнув и собирая остатки своей гордости, которая ей еще пригодится. — Я постараюсь изо всех сил быть тебе хорошей женой и доставлять тебе удовольствие. — Отвернувшись от него, она продолжила свой завтрак. Или, по крайней мере, претворилась, что делает это. Девушка дотронулась вилкой до кусочка рыбы на своей тарелке. — Когда же я уеду?

— Завтра. Если ты будешь готова к путешествию и сможешь собрать свои вещи.

Маргарит подцепила немного рыбы вилкой, надеясь, что он не заметил, сколько усилий она приложила к этому простому движению.

— Я готова. Завтра — замечательно.

— Хорошо, — пробормотал Эш, пересек комнату и вышел.

Она еще долго смотрела на закрывшуюся за ним дверь, удивляясь, куда же делся тот Эш, в которого она влюбилась. И существовал ли он вообще?

На следующее утро Эш стоял в своей гардеробной и смотрел в окно. Над землей нависло темное небо, и казалось, что сейчас скорее вечер, чем утро. Идеальный фон для его настроения.

Сегодня Эш отправлял свою жену в провинцию. Бесспорно, этим поступком он заработает ее постоянную враждебность. В лучшем случае, подумалось ему. Тяжело любить того, кто оскорбил тебя, и Эш понял, увидев вчера в глазах Маргарит боль, что вскоре она возненавидит его. Через несколько недель одиночества в поместье, он уверен в этом.

Со сжимающимся сердцем Эш, ожидая появления Маргарит, смотрел, как один из грумов погружал в экипаж последний сундук с багажом. Со вчерашнего дня он не видел жену, укрывшись в кабинете, боясь, что если проведет в ее обществе хоть минуту, то смягчится — его воля будет сломлена, и он будет вечно держать Маргарит при себе. Нельзя поддаваться мимолетному порыву.

Эш повернулся на звук открываемой двери, в груди заныло — он уже догадался, кого увидит.

— Маргарит, — прошептал Эш, когда жена плавно направилась к нему, и почувствовал что-то похожее на страх — пульс его бешено застучал. Ее красный плащ при ходьбе задевал тонкие лодыжки, и это незатейливое зрелище заставило его рот наполниться слюной.

Эш открыл было рот, чтобы что-то сказать, но Маргарит прижала холодные пальцы к его губам и строго покачала головой.

Он пораженно посмотрел на нее. Было легче ничего не говорить. Ведь между ними все было сказано. С взглядом, в котором читалась решимость, Маргарит подтолкнула мужа к кушетке в центре комнатухи — с грубостью, которую он никогда в ней не видел.

Эш повалился на кушетку. Жена опустилась перед ним на колени. Ее уверенные и шустрые ручки оказались на его штанах, и Маргарит расстегнула их, заключив в нежные пальцы его член. Он был уже готов. С момента, когда она вошла в комнату.

Маргарит начала медленно и сильно гладить его вверх и вниз.

Эш застонал.

— Что ты делаешь?

Она пронзила его взглядом из-под веера темных ресниц.

— Хочу быть уверенной, что ты меня запомнишь.

Тут Маргарит опустила голову и втянула в себя головку, а затем весь член целиком глубоко в свой теплый влажный рот. Она пробовала его на вкус и дразнила, пока Эш не задрожал, отчаянно желая большего. Положив руку ей на голову, он вытащил из ее прически все шпильки. Темные волосы Маргарит каскадом устремились вниз. Она увеличила напор, заработала быстрее, пока Эш не начал умолять, изо всех сил сжимая зубы от невероятных ощущений.

Тогда Маргарит остановилась.

Эш заморгал, в глазах помутнело от охватившего его желания, он наблюдал, как жена поднялась на ноги и встала перед ним. На один тревожный миг ему показалось, что она собирается уйти. Маргарит погладила его грудь и снова толкнула мужа на кушетку. Подняв плащ и юбки, она оседлала его. Ее пальцы нашли член Эша и направили к своему сладкому жаркому местечку. Она скользила головкой члена по своим складочкам — взад и вперед,

взад и вперед, — дразня мужа и не пуская в себя, пока он не начал умолять и снова не застонал, вцепившись в ее бедра руками сквозь слои одежды.

Наконец, хрипло вздохнув, она полностью села на него. Его охватила гладкая плоть, сжимаемая и терзая в блаженной агонии.

Маргарит взяла мужа за руки и положила их себе на грудь, а своими руками уперлась в грудь Эша и заработала бедрами, устанавливая постоянный темп, медленно и глубоко поднимаясь и опускаясь.

Лаская через ткань платья ее грудь, Эш пытался заставить ее двигаться быстрее, отчаянно желая положить конец своим мучениям.

— Маргарит, — взмолился он.

Она замедлила движения, ощущение ее напряженного тела на нем было слишком острым. Эш, зашипев, выдохнул, когда жена повалилась на него и осталась неподвижной — лишь ее внутренние мышцы сжимали его член.

Эш крепче сжал бедра Маргарит, готовый опрокинуть ее на спину, чтобы закончить начатое.

Ее голос остановил его — такой твердый и решительный, как никогда ранее.

— Нет. Это моя игра. — Маргарит пронзила Эша взглядом. На тонких чертах лица застыла решимость, огонь, пылающий в глазах цвета виски, был больше, чем страсть... чем похоть.

Кивнув, он ослабил руки и толкнулся бедрами вверх. Руками Маргарит сильнее уперлась Эшу в грудь, останавливая даже это усилие с его стороны. Предупреждающе склонив голову, она смотрела на мужа, мучая его восхитительными ощущениями.

Эш погладил грудь жены, нашел через ткань соски и обвел их пальцами. Дыхание Маргарит перехватило. Довольный Эш, пытаясь заставить ее потерять самообладание, стал пощипывать верхушки, пока они не превратились в твердые горошины, проступив сквозь ткань лифа.

Со слабым стоном Маргарит перестала сдерживаться и отдала ему всю себя, установив яростный, сильный темп. Тело его пылало, нервы были натянуты до предела, удовольствие граничило с болью.

Эш сжал зубы, борясь с вырывающейся из него на свободу потребностью.

Маргарит вскрикнула, а затем рухнула на него, ослабевшая и дрожащая.

Он толкался бедрами вверх, в затягивающее тепло, пока не увидел искры.

Маргарит лежала на нем, и аромат молока и меда дурманил и опьянял Эша. Он погладил жену по разметавшимся волосам, пропустив шелковые пряди сквозь пальцы. Ошеломленный Эш продолжал улыбаться, наслаждаясь моментом, когда Маргарит высвободилась из его объятий.

Встав, она с холодной отстраненностью привела в порядок свою одежду. Эш потрясенно наблюдал, дивясь, куда подевалась женщина, несколько минут назад с такой страстью занимавшаяся с ним любовью. Она стремглаз с кушетки шпильки, даже не взглянув на мужа. Словно его в комнате вообще не было.

— Маргарит, — начал было он, понятия не имея, что хотел сказать.

Его жена посмотрела на него тусклыми, пустыми глазами, скорее карими, чем цвета виски.

— Да? — спросила она, сделав чуть заметную паузу, после чего решительным голосом произнесла: — Меня ждет экипаж.

На мгновение Эшу показалось, что он увидел вспышку каких-то чувств, что в ее глазах что-то промелькнуло. Затем она ушла, не прощаясь, и ее удаляющиеся шаги приглушил ковер.

Подойдя к окну, Эш начал высматривать Маргарит. Когда же она вышла из дома, он ждал, что жена глазами найдет комнату, где оставила его. Каждая клеточка его тела пульсировала, и Эш наклонился вперед, словно мог пройти через стекло, чтобы дотянуться до Маргарит. Если бы только она посмотрела на него, если бы только ее губы произнесли его имя...

Прямо сейчас желания Эша не имели значения. Тело его ослабло и размякло, после того как она использовала его. Но ведь это и было целью Маргарит. Рот Эша сжался в мрачную линию. Она хотела уничтожить своего мужа, наказать, оставить на нем след, несмыываемый отпечаток.

Глупая женщина. Уголок его рта скривился. Она разве не знала, что всего этого уже добилась?

С тяжелым сердцем Эш отвернулся от окна, больше не желая гадать, обернется жена или нет. Это не имело значения.

Небеса разверзлись, выпустив на свободу потоки воды. Не то чтобы это стало неожиданностью. Какое-то время завывал ветер, и даже воздух снаружи экипажа сгустился и предвещал беду. Маргарит перестала смотреть, что творилось за окном, не позволяя холоду и дождю поселиться внутри нее.

Она почувствовала укол жалости к кучеру и груму, страдающим снаружи под холодным ливнем. Если бы Эш так не спешил избавиться от нее, то, возможно, подождал бы более подходящего дня.

Маргарит разгладила юбки и мгновенно ощутила на себе его знакомый запах. Она сомневалась, что когда-нибудь избавится от него, даже сменив одежду и искупавшись. Он всегда будет с ней, в ее голове, крови, коже.

Экипаж набрал скорость, и Маргарит предположила, что Лондон уже позади. Она потянулась за ремнем, чтобы не упасть на сиденье. Она хотела, чтобы кучер в такую погоду был осторожнее, даже если сейчас они ехали по менее оживленной дороге.

От удара грома земля содрогнулась, и Маргарит подпрыгнула — ее сердце подскочило к горлу от внезапно раздавшегося звука. Она задрожала, силясь припомнить, когда последний раз попадала в грозу... особенно в такую как эта, бушевавшую за стенками экипажа.

Маргарит метнулась на середину сиденья, стараясь устроиться поудобнее и пытаться согреться. Словно искала какое-то утешение в тепле и уюте экипажа, в то время как всего в паре дюймов от нее бушевала буря. Непрошенный голос всплыл в ее мыслях. «Я вижу карету, ее колеса крутятся, она едет очень быстро... Лошади хрипят. Пелена дождя. Гром».

Гром. Мадам Фостер упоминала гром, как она могла забыть? В день, когда Маргарит чуть не переехала повозка в Сент-Джайлзе, грома не было.

Ее сердце тяжело застучало в груди, ей стало трудно дышать.

Маргарит прокрутила оставшуюся часть пророчества мадам Фостер в поисках несоответствий, доказательств того, что ясновидящая была права...

Эш! Здесь не было Эша. Он отослал ее. Мадам Фостер сказала, что в конце с ней был Эш. Значит, авария, которую предсказала ясновидящая, не может произойти. Не сейчас, когда муж Маргарит в Лондоне, целый и невредимый, за много миль отсюда.

Не прошло и часа после отъезда Маргарит, как Эш вскочил на коня и отправился вслед за своей женой. Где-то впереди раздался раскат грома, и он поморщился, закрывая воротником пальто свое лицо.

Эш надеялся, что она простит его. Ему не потребовалась много времени побыть в одиночестве, чтобы понять, какую огромную ошибку он совершил. Его попытки отстраниться от Маргарит лишь помогли ему осознать, насколько сильно он любил ее. Ничто — будь то время или расстояние — не повлияет на силу их чувств к друг к другу.

Эш так же надеялся, что тот факт, что Маргарит не проведет ни единой ночи в одиночестве в его поместье, оправдает его в глазах супруги. Что бы ни случилось, он не позволит страху разлучить их хотя бы на день. Он все исправит и покажет, как страстно любит ее. Может быть со временем Маргарит полюбит его.

Услышав крик кучера, Маргарит кинулась к окошку экипажа. Она выглянула наружу и дождь с ветром словно иголками искололи ее лицо.

— Что случилось? — прокричала она, боясь, что ее голос утонул в буре.

Но Маргарит удалось услышать ответ кучера, который с ужасающей ясностью раздался даже посреди бури.

— Это разбойник!

Маргарит повернула голову и посмотрела назад. Ужас сковал все ее внутренности. Сквозь пелену дождя она смогла различить одинокого всадника. Он видела лишь силуэт мужчины, скачущего за ними, прижавшегося к шее лошади. Всадник нагонял их, несясь на бешеной скорости, при этом что-то выкрикивая. Но девушка не слышала, что он кричал, так как слова не долетали до нее из-за дождя и грозы. И все же, она примерно представляла, что он выкрикивает обычные для разбойника угрозы. Остановитесь, или пожалеете? Кошелек или жизнь?

От страха мурашки побежали у нее по спине. Экипаж рванул вперед, ускоряясь, хотя он и так ехал на огромной скорости. Маргарит нырнула обратно, пытаясь провести рукой, затянутой в перчатку, по лицу, но ударила себя же — от бешеной езды ее кидало из стороны в сторону.

Молодая женщина нервно оглянулась по сторонам, будто бы как раз на такой случай где-то в карете было спрятано оружие.

В следующий момент весь ее мир перевернулся с ног на голову. Карета перевернулась несколько раз. Она задела плечом стенку экипажа, ударилась спиной о потолок. Маргарит закричала, пытаясь ухватиться хоть за что-то, что могло бы удержать ее на месте. Ее переворачивало снова и снова внутри кареты, как игрушку. Комок подступил к горлу, но она проглотила его, пытаясь бороться с подступающей паникой.

Затем все вдруг замерло. Экипаж остановился, будто зависнув над огромной пропастью. Звуки грома прерывались криками несчастных лошадей.

Маргарит почувствовала, как адреналин вдруг разлился по всему телу. Она слышала свое тяжелое дыхание и видела, как побелели костяшки на пальцах руки, которой она за что-то держалась. Мокрые волосы застилали ей лицо и трепетали от каждого ее выдоха. Девушка убрала их с лица, пытаясь осмотреться и оценить свое положение.

Маргарит не назвала бы его хорошим. Экипаж каким-то образом завалился на бок. Она

растянулась на одной из его стенок, в то время как дверь кареты нависала прямо над ней. Вдруг экипаж пошатнулся, издав при этом звук, похожий на завывание ветра. У девушки из горла вырвалось рыдание, и она покрепче схватилась за верх кареты, зная, что это все еще не конец. Она все еще находилась в опасности.

Послышался треск дерева, и экипаж снова пошатнулся. Маргарит решив, что не может больше оставаться внутри, глубоко вдохнула и потянулась рукой к нависающей над ней двери. Пытаясь достать до ручки двери мокрыми пальцами, она приподнялась и вставала на ноги, делая это с огромной осторожностью, боясь вывести карету из без того хрупкого равновесия.

Беспокойный хрип лошадей сменился жалобными стонами. Где же кучер? Грум? Разбойник, в конце концов?

Все эти мысли быстро вылетели из головы Маргарит, когда карета вдруг накренилась и упала с оглушающим треском так, что девушка врезалась в ее стену. Зрение девушки затуманилось, и почти все начала застилать чернота. Она чувствовала, как адская боль распространяется по всему телу. Маргарит трянула головой, чтобы не погрузиться во тьму, остаться в сознании.

Оглушающий ее громогласный шум как-то изменился. Он превратился во что-то другое, это была уже не буря и не звон в ушах от выброса адреналина. Быстро моргая, она вдруг вскрикнула, когда вода начала заполнять карету, проникая внутрь через каждую щель.

Ее горло горело от непролитых слез, и она не смогла подняться. Черная и непроницаемая вода, так похожая на воду того пруда, куда она бросала камешки в детстве, накрыла ее, потянула ее вниз с бешеной скоростью, которую она была не в силах преодолеть.

Маргарит пыталась держать лицо над поверхностью и смотрела на дверь, которая была так далеко наверху. Она протянула к ней руку, издав один единственный крик, который, казалось, отдался в ее сердце.

Эш.

Не успела его лошадь остановиться, Эш был уже на земле. И тут же оказался психологом в грязи, на месте которой раньше была дорога.

— Мастер Кортленд! — прокричал его кучер, который лежал на обочине и слабо махал ему рукой. — Я принял вас за разбойника!

Эш даже не задержался, чтобы заметить, что столкнуться с разбойником было бы намного безопасней, чем гнать лошадей на бешеной скорости, из-за чего и разбился экипаж.

Его грум уже бежал к мосту, где опрокинулась карета. Карета, внутри которой была Маргарит. Эш тут же помчался за ним, повторяя лишь два слова, словно молитву, про себя: только не она, только не она. Лошади хрипели и судорожно били копытами в воде, пытаясь выбраться из реки.

— Может, мне отрезать поводья? — прокричал грум.

И позволить карете погрузиться в воду окончательно?

— Нет! — ответил ему Эш, в то же мгновение бросаясь в воду.

Пронизывающий холод реки ни на секунду не остановил Эша, который продолжал плыть, ничего не видя перед собой. Но ему удалось легко определить, куда упал экипаж. Однако каждое мгновение растягивалось, как ему казалось, в часы, пока он искал дверцу. Наконец его пальцы схватились за ручку и рванули ее.

Легкие Эша горели, но он протянул руку внутрь кареты, пытаясь нащупать что-либо через толщу воды, и вдруг наткнулся на что-то мягкое. Водоросли, по ощущениям похожие

на самый мягкие шелк, коснулись кончиков его пальцев.

Обрадовавшись, он нырнул еще глубже и начал тянуть Маргарит за волосы. Ее бесчувственное тело все время выскользывало из его рук. Казалось, прошла вечность, до того момента, как он вынырнул на поверхность и впустил леденящий воздух в горячие легкие.

Эш подплыл к берегу, крича слугам, чтобы они снимали свою одежду — ему нужно было все, что могло согреть ее.

Выйдя на берег, он отнес жену подальше от воды, прежде чем опустить ее на землю. Вид ее серого лица и посиневших губ наполнил его сердце настоящим ужасом.

— Не умирай. Только не умирай. Не умирай. — Воздух вырывался из его легких в виде горячего пара, пока он повторял свою новую молитву.

Эш перевернул девушку на бок и судорожно похлопал ее по спине. Из ее рта начала по капле выливаться вода, но он не был уверен, что этого было достаточно. Он перевернул Маргарит обратно на спину и прижался ухом к ее груди. Ничего. Ни звука. Ни единого движения.

— Маргарит! Нет! — Эш начал надавливать на ее грудь, не осознавая, что именно он делает, просто надеясь, что она вновь будет двигаться от ее дыхания. — Дыши, дорогая! Дыши! — кричал он, продолжая точками надавливать на ее грудь с одним лишь желанием, чтобы она снова поднималась и опускалась с каждым ее вздохом, чтобы она выжила!

И все же в ней пока не было никаких признаков жизни. Маргарит лежала неподвижно.

В горле образовался ком и что-то, очень похожее на рыдание, вырвалось из его груди, когда он взял ее лицо, которое показалось ему ледяным, в свои руки. Эш опустил совсем близко к ее лицу и накрыл ее губы поцелуем, при этом как бы наполняя ее легкие своим дыханием, чтобы она жила, снова вернулась к нему!

— Пожалуйста, Маргарит! — его голос прервался возле ее неподвижных губ и с его собственных губ сорвался какой-то странный звук, которого он еще никогда не слышал. Даже когда умерла его сестра. Страшные рыдания вырывались из его горла, появляясь из того места внутри него, о котором он, казалось, уже давно забыл и даже не думал вспоминать. — Пожалуйста, Маргарит! Я люблю тебя!

Звук ее собственного имени, слетевший с губ Эша, вырвал Маргарит из темноты, заставив ее постепенно возвратиться к реальности. Девушка посмотрела вниз, она чувствовала, что то, что она видела, должно было поразить ее, наполнить ее паникой, но она ощущала лишь полное спокойствие. Какую-то легкость. Мир в душе, о котором даже не имела представления в жизни.

Это случилось.

Произошло то, что предсказала мадам Фостер. Эш каким-то образом нашел ее. Он склонялся над ней. Обнимал ее. А она уже умирала. Только это была уже не она.

Маргарит парила над своим телом, над Эшем. Ее тело было невесомо, свободно. Ей уже не было холодно, не было страшно. Девушка была окружена теплотой. Но даже в своем состоянии легкости и полного спокойствия, окутанная теплотой, Маргарит не могла удержаться от грусти за Эша, который тряс ее мокрое, холодное тело.

Его шепот достиг слуха девушки:

— Маргарит, я люблю тебя!

Как же она ждала этих слов при жизни.

Маргарит слышала его рыдания, видела, как все его тело сотрясается от них. Эти ужасные, раздирающие душу звуки сотрясали воздух вокруг него. Она даже и не думала, что

Эш способен пролить слезы. Слезы из-за нее.

Она хотела остановить его, успокоить. Она хотела прошептать ему о том, как сильно его любит, но было уже поздно.

Вокруг Маргарит появился свет и начал поглощать ее, поднимая вверх и унося девушку все дальше от места ее гибели.

Маргарит. Она услышала, как кто-то произнес ее имя. Это был не Эш, а кто-то другой. Нельзя даже было сказать, что его произнесли. Она снова услышала, вернее, почувствовала, звук своего имени, как будто кто-то коснулся ее души.

Где бы она не находилась, Маргарит не была здесь одинока. Окруженная ослепительным светом, перед ней стояла ее мать, такая же молодая и красивая, какой Маргарит ее помнила.

Мама?

Они обнялись. Молодая женщина чувствовала себя ребенком в руках матери. Маргарит ощущала себя в полной безопасности и абсолютно счастливой — так, как можно было только беззаботным детям. Удовольствие наполнило ее. И даже в этом состоянии Маргарит не могла побороть ту грусть, глубокую, пронизывающую ее сердце, которую она почувствовала при виде Эша. Она не могла побороть ее внутри себя, и поэтому стала отдаляться от этого всепоглощающего света и любви, которую она почувствовала в руках матери.

Маргарит снова нашла взгляд Эша. Он все еще не сдавался. Склонившись над ее телом, он вдыхал воздух из своих легких в нее, пытаясь оживить любимую, вернуть ее обратно.

Любовь к нему затмила все ее чувства, даже то, что она испытала, находясь в неземном сиянии.

Эш продолжал умолять, твердил ее имя. Каждый его крик притягивал Маргарит все ближе к нему, оживляя ее.

Поддавшись порыву, она оглянулась и увидела лицо своей матери.

— Мама, я должна вернуться.

Улыбка появилась на прекрасном лице ее матери. *Я знаю, Маргарит. Его любовь к тебе очень сильна — она притягивает тебя к нему. И ты хочешь следовать за ним.*

Маргарит чувствовала, что уже ускользает из этого наполненного светом пространства, оно постепенно исчезало и испарялось словно дым.

Когда-нибудь мы воссоединимся с тобой, Маргарит. А сейчас иди. Он зовет тебя.

Лицо матери растаяло вместе со светом, а ее слова продолжали звучать где-то внутри нее, в то время как душа Маргарит возвращалась в ее тело. В тело, пронизанное ледящим холодом и болью.

Обратно к жизни — обратно в руки Эша.

Тело Маргарит вдруг дернулось, и она вернулась к жизни. Из ее рта вырвался прерывистый вздох вместе с оставшейся в легких водой.

— Маргарит! — закричал Эш, прижимая девушку к себе так, как будто никогда не собирался отпускать ее. И он не отпустит. Никогда больше.

— Осторожнее, любовь моя, — как бы браня ее, сказал Эш. Звук собственного голоса показался ему каким-то карканьем.

Он отодвинул Маргарит от себя, чтобы посмотреть в ее лицо и убедиться в том, что она жива, дышит и может говорить. Что она на самом деле была живой, а не просто плодом его разыгравшегося от горя и скорби воображения.

— Маргарит, прости меня. Мне так жаль.

Эш схватил руку девушку и поднес ее к своему лицу. Она прижала руку к его щеке и провела пальцами по его лицу с выражением трогательной до боли нежности.

— Ты вернулась, — вырвалось у него.

— Конечно, — сказала Маргарит с дрожащей улыбкой на губах. — Ты вернул меня к жизни.

На следующее Рождество...

После того, как все разбрелись по своим комнатам на ночь, Маргарит оставила мужа голым в их постели (задержавшись на мгновение — полюбоваться на его упругий зад), чтобы прокрасться вниз. Завернувшись в халат, она выскользнула из комнаты, держа в руках красиво завернутый подарок Эшу. Чтобы найти мужу идеальные часы, она побывала у всех часовых дел мастеров в Сити и теперь не могла дождаться утра, чтобы увидеть его лицо, когда Эш развернет подарок.

Войдя в гостиную, Маргарит подошла к вертепу, который расставила у камина на ложе из остролиста. Перед сценкой уже лежала куча подарков. Вид этих прекрасных свертков согревал Маргарит сердце, заставив подумать обо всех благах жизни, которые были у нее под этой самой крышей. Муж, обожающий ее. Фэллон, Эви и их семьи, спящие наверху. В это Рождество у Маргарит было все, чего она когда-либо хотела. Любимый муж, роскошный дом, самые близкие подруги рядом с ней. Жизнь.

Присев на корточки, чтобы положить свой подарок среди других, Маргарит замерла. Вертеп уже состоял не из трех фигурок, которые Эш сделал для нее год назад в Шотландии. О, нет! На ложе из остролиста стоял полный набор статуэток. Три волхва, пастух, даже несколько животных из хлева. Ничего не забыли. Все фигурки были похожи на самые первые три — Марию, Иосифа и младенца Иисуса — их явно вырезал один мастер. Самым красивым из всех был ангел с изящными поднятыми крыльями. Слезы застряли у Маргарит в горле, когда она кончиками пальцев прикоснулась к одному крылу фигурки.

— Я же обещал, что закончу их для тебя на следующее Рождество.

Маргарит обернулась на низкий голос.

Эш был одет в свободно запахнутый халат, который не скрывал широкую мускулистую грудь. У Маргарит захватило дух.

Она снова посмотрела на вертеп.

— Мое следующее Рождество, — прошептала Маргарит и вспомнила, что даже подумать о таком не могла. В ее груди поднялся восторг... и любовь. Любовь к мужу, которая, вероятно, сегодня вечером была даже больше, чем в тот день, когда он вытащил ее из затопленного экипажа. В тот день, когда любовь Эша вырвала Маргарит из лап смерти.

— Я услышал, как ты крадешься сюда. Я не мог не пойти за тобой. Хотел увидеть твое лицо.

— Эш, они прекрасны. Как ты нашел время... и я ни разу не застигла тебя врасплох? — Они так много времени проводили вместе. Когда Эш посещал свой игорный дом — чего он не делал так часто, как раньше, — то брал жену с собой, ценил ее участие, даже предложил долю в бизнесе.

Его губы изогнулись, и Эш внезапно притянул Маргарит к себе.

— Должен же я был чем-то заниматься, пока ты разъезжала по своим часовщикам.

У нее перехватило дыхание.

— Так ты знал!

Эш бесстыдно ухмыльнулся.

— Я все знаю.

Маргарит ткнула мужа кулачком в плечо.

— Не все.

Его ухмылка исчезла, он опустил голову и коснулся ее губ своими.

— Я знаю, что ты лучшее, что когда-либо со мной случилось. Знаю, что не мог похитить невесту лучше. — Эш поцеловал жену так крепко, что ее колени ослабели. — И, — прошептал он в губы Маргарит, — я знаю, что люблю тебя.

Она прикоснулась пальцами к его щеке.

— Я тоже люблю тебя.

Улыбка медленно расплзлась по лицу Эша.

— И это я тоже знаю.

Глядя мужу в лицо, Маргарит взяла его за руку и прижала ее к своему животу.

— Но ты не знаешь об этом.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Сконы — традиционная британская выпечка в виде маленьких, чаще круглых, булочек или кексиков. Появились сконы в Шотландии, очень популярны и любимы в Британии, но пекут их по всему миру. Традиционно, сконы подают к чаю со сливками и джемом или фруктами. Тесто, на первый взгляд, несложное, однако, существует несколько моментов, которые нужно учесть, чтобы сконы вышли не жесткими. Например, имеет значение температура масла — оно должно быть холодным. Очень важно не вымешивать тесто, а соединять аккуратно ингредиенты ножом или руками. Тесто будет липким, зато сконы получатся легкими и рассыпчатыми. Пробуйте!

Разогрейте духовку до 180 градусов. Просейте муку и смешайте с сахаром. Масло порубите, добавьте в муку и пальцами смешайте до состояния мелких крошек. Сделайте в середине смеси углубление и влейте молоко. С помощью ножа для масла смешайте молоко с мукой и маслом до однородности. Выложите тесто на посыпанную мукой поверхность и руками слегка «соберите» его (не вымешивайте!). Раскатайте тесто в пласт толщиной 2 см. С помощью круглой формочки диаметром 6 см вырежьте из теста 12 кружков. Выложите сконы на покрытый бумагой противень и смажьте их молоком. Выпекайте 18–20 минут (готовность проверьте деревянной палочкой). Взбейте сливки с сахарной пудрой до воздушного состояния. Подайте сконы с джемом и взбитыми сливками. Приятного аппетита!

Ингредиенты на 12 порций:

Мука с разрыхлителем («self-raising») — 3 стакана

Сахар мелкий — 0,5 стакана

Масло сливочное холодное — 75 г

Молоко — 1 стакан

Джем малиновый

Сливки — 0,75 стакана

Сахарная пудра — 0,25 стакана

Квартал Сент-Джайлз в Лондоне, получивший свое название от приходской церкви святого Эгидия на Полях, покровителя калек и нищих, в XVIII в. был одним из беднейших районов столицы. Уильям Хогарт изобразил квартал Сент-Джайлз в своем «Переулке Джина».

Court — двор, придворный. Имя героя Courtland ассоциируется со словами «аристократический», «утонченный», «придворный».

Обсидиан — однородное вулканическое стекло, прошедшее через быстрое охлаждение расплавленных горных пород.

Бедла́м (англ. Bedlam, от англ. Bethlehem — Вифлеем; официальное название Бетлемская королевская больница — англ. Bethlem Royal Hospital), первоначальное название — госпиталь святой Марии Вифлеемской, психиатрическая больница в Лондоне (с 1547). Название Бедлам стало именем нарицательным, вначале — синонимом сумасшедшего дома, а позже — словом для обозначения крайней неразберихи и беспорядка.

Средник — вертикальная каменная или деревянная перемычка в окне.

Игра слов: англ. ash (эш) — зола, пепел.

Скорее всего, имеется в виду Great North Road — Большая северная дорога (магистраль A1 Лондон — Эдинбург).

Утесник — очень ветвистый колючий кустарник до полутора метров высотой, относящийся к семейству мотыльковых; листья у него линейные, остро-колючие; желтые цветки одиночные, обыкновенного мотылькового типа; чашечка двугубая, железисто-волосистая; тычинки все спаяны нитями. Дико растет в Западной Европе, на о-ве Св. Елены в Капланде. Иногда возделывается как корм для лошадей, а из цветов добывают желтую краску, ветви употребляются как суррогат чая.

Ярд — мера длины, равная 3 футам или 91,4 см.

Историю Гир и принца Севастьяна прочитаем в первой книге из серии «Забывтые принцессы».